Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

Д окончана бысь сиа книга оу великомь градѣ оу
краковѣ при держав̑ѣ великаго короля полскаго
казимира · и докончана была мѣщанином краковь
скымь швайполтомь · феоль · из немець не
мецкого городоу · франкь · и скончаша по божией
нароженеиь · ҂а҃ · и҃ · лѣто · девятьдесѧт и а лѣто

выпуск 1

«Деды» – научно-популярное издание типа альманаха, предназначенное широкому кругу читателей, не имеющих исторического образования, однако интересующихся прошлым своей страны и ее народа.
В альманахе представлены статьи и очерки, освещающие неизвестные или малоизвестные современным читателям страницы отечественной истории. Часть текстов перепечатана из беларуских изданий (в переводе на русский язык), часть – публикуется впервые.
Редакция ставит своей задачей ознакомление читателей с узловыми проблемами развития беларуской нации, с интересными персонажами и событиями нашей истории, с культурным наследием национальной интеллигенции.

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

ВЫПУСК 1

Минск
Издатель А.Н. Вараксин
2009

УДК 94(476) (059)

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса — Минск : А. Н. Вараксин, 2009. — 144 с.

«Деды» — научно-популярное издание типа альманаха, предназначенное широкому кругу читателей, не имеющих исторического образования, однако интересующихся прошлым своей страны и ее народа.

В альманахе представлены статьи и очерки, освещающие неизвестные или малоизвестные современным читателям страницы отечественной истории. Часть текстов перепечатана из беларуских изданий (в переводе на русский язык); часть — публикуется впервые.

Редакция ставит своей задачей ознакомление читателей с узловыми проблемами развития беларуской нации, с интересными персонажами и событиями нашей истории, с культурным наследием национальной интеллигенции.

ОТ РЕДАКЦИИ

После того, как наша страна вновь обрела независимость, среди жителей Беларуси резко усилился интерес к своему прошлому. Отражением этого факта стало появление периодических и энциклопедических изданий, посвященных беларуской истории.

Журналы известны следующие: «Спадчына» — существует уже давно (его прежнее название «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі»); «Беларускі гістарычны агляд» — издается с 1994 года; «Arche» — выходит с 1998 года. В 90-е годы издавался журнал «Беларуская мінуўшчына», но, к сожалению, он прекратил свое существование более 10 лет назад, в 1998 году.

Отметим также «Беларускі гістарычны часопіс» — печатный орган Института истории Национальной Академии наук и еще нескольких официальных учреждений.

Имеются любопытные региональные издания: «Гістарычны альманах» (Гродно), «Гістарычная брама» (Брест) и «Лідскі летапісец» (Лида).

Что касается энциклопедий, то в первую очередь следует упомянуть 7-томную «Энцыклапедыю гісторыі Беларусі», изданную в 1993–2003 годах 20-тысячным тиражом, а также 2-томную энциклопедию «Вялікае княства Літоўскае», вышедшую в свет двумя изданиями.

Казалось бы, вполне достаточно. Но это только на первый взгляд.

Во-первых, любой профессиональный историк знает, что широкий круг вопросов беларуской истории и культуры еще не рассматривался по существу ни в научной, ни в популярной литературе.

Во-вторых, во времена СССР процессы русификации нашего народа — стараниями московских властей и их местных марионеток — достигли такой степени, что подавляющее большинство беларусов литературу на родном языке уже не читает. А все перечисленные выше издания на беларуском языке, и потому, говоря словами Ульянова-Ленина, «страшно далеки они от народа».

Вот мы и решили предложить широкому кругу читателей научно-популярный альманах о беларуской истории, но на русском языке. Надеемся издавать его 3–4 раза в год. Правильным ли является такое решение — покажет время. Если альманах окажется востребованным, то издание продолжится, а тираж увеличится. Если нет — он сам собой исчезнет.

Почему «Деды»? Да потому, что дедами принято называть предков. А еще так называется наш замечательный праздник — день поминовения предков — «Дзяды».

***

Относительно содержания альманаха позиция редакции выглядит следующим образом. Мы полагаем, что вопросы истории ранних государственных образований, когда-то существовавших на территории Беларуси, к настоящему времени освещены значительно лучше, чем последующего периода. Имеется обширная литература, посвященная древним княжествам (например, Полоцкому) и Великому Княжеству Литовскому. А вот история жизни людей в беларуской части Речи Посполитой и в беларуских губерниях Российской империи исследована значительно хуже. Что касается советской эпохи, то здесь высятся горы фальсификаций, перемежающиеся ущельями «запретных тем».

Поэтому мы решили уделять наибольшее внимание истории Беларуси и ее жителей в два последних столетия

(XIX–XX). Но это не означает, что более ранняя эпоха нам неинтересна. Будем писать и о ней.

Попутно хотим обратить внимание читателей еще на одну особенность. Наша история сложилась таким образом, что на протяжении более чем 300 лет Беларусь накрывали волны широкомасштабных репрессивных кампаний Москвы, Петербурга и снова Москвы. Они были связаны с агрессией Московии в 1654–1667 гг., Северной войной начала XVIII века и походом Наполеона, с восстаниями 1794, 1831, 1863 гг., гражданской войной 1918–1920 гг., «коллективизацией», Второй мировой войной. Российские и советские колонизаторы систематически истребляли физически, высылали за пределы Отчизны наиболее образованную, интеллектуально развитую часть нашей нации — шляхту, духовенство, разночинную интеллигенцию.

Вследствие этого, а также благодаря целенаправленной политике царских и советских властей, в нашей исторической науке и этнографии, в художественной литературе, драматургии и, разумеется, в обыденном сознании масс возник огромный перекос в сторону крестьянской культуры. Понимая это обстоятельство, мы ставим одной из задач ознакомление читателей с культурным наследием национальной интеллигенции и других образованных слоев населения путем публикации мемуаров, специальных исследований.

Мы также считаем принципиально неверной позицию ряда национальных деятелей, суть которой сводится к тому, что писать и печататься надо ТОЛЬКО по беларуски — в расчете на тот прекрасный и удивительный момент, когда «народ вернется к своему языку». Сам собой он не вернется никогда, по той причине, что в независимой Беларуси национальный язык пока еще не востребован ни в органах государственного управления, ни в системе образования, ни в сфере материального производства, ни в торговле, ни в предприятиях бытового обслуживания, ни в вооруженных силах или милиции.

Для того, чтобы возник массовый интерес «низов и верхов» к беларускому языку, требуется усвоение большинством населения национальной идеологии, от чего мы сегодня далеки. А такому «усвоению» способствует — помимо всего прочего — национально ориентированная пропаганда на том языке, на котором реально читает, говорит и думает основная масса населения, то есть, на русском.

Кстати говоря, некоторые тексты мы будем печатать в альманахе именно на беларуском языке, так как при переводе исчезнет колорит, придающий им особый смак.

* * *

«Деды» — это не просто альманах, но дайджест. То есть, его основу составляют материалы, перепечатанные из других изданий, как правило, в сокращенном виде. В соответствии с определением, мы будем заимствовать из различных периодических изданий, сборников и монографий статьи, отдельные главы, рецензии.

Кроме того, мы намерены публиковать и оригинальные работы, написанные специально для альманаха. Приглашаем к сотрудничеству историков, литераторов, краеведов, этнографов, авторов воспоминаний, и вообще всех, кому не безразлично прошлое нашей страны. Присылайте свои материалы, подсказывайте интересные темы, сообщайте о редких публикациях, достойных внимания широкого круга читателей. Не обещаем отвечать на каждое письмо, но все ваши советы будем учитывать.

Анатоль Тарас, редактор
Алесь Вараксин, издатель

ЕСЛИ БЫ БНР ДОЖИЛА ДО 2008 ГОДА

Что было бы, сложись история иначе? Давайте представим: Беларуская Народная Республика победила в 1918 году. Действие происходит в марте 2008 года. Страна готовится праздновать 90-ю годовщину Дня Свободы...

В августе 2007 года радиостанция «Свобода» предложила своим слушателям написать рассказы на эту тему в рамках конкурса «Один день в БНР – 2008», посвященного 90-летию БНР.

Рассказов поступило на конкурс несколько десятков. Подумав, редакция выбрала лишь один из них, автор которого юмористически обыграл нынешнюю ситуацию, вывернув ее наоборот.

В ожидании рассказов корреспонденты «Свободы» беседовали с некоторыми беларускими национальными деятелями на объявленную тему. Приводим тексты интервью в хронологической последовательности записи (август – ноябрь 2007 года).

ИСТОРИИ БНР НЕ ХВАТАЕТ ЛЮБВИ

Александр ПАШКЕВИЧ,
председатель Союза беларуских писателей, член жюри конкурса

РС: Не жалеете ли вы, что приходится быть судьёй в этом конкурсе, а не участвовать в нем самому?

Пашкевич: В самом деле, грешным делом эта мысль у меня поначалу возникла...

РС: Как вы вообще относитесь к жанру альтернативной истории, утопии, дистопии, гетеротопии? Вы написали пару книг историко-документального характера. А там, где надо дать свободу фантазии — как бы все могло быть? — насколько вас увлекает такая литература?

Пашкевич: Литература подобного плана — вполне в национальном контексте, она органично вписывается в него. По сути, Беларускую Народную Республику — как форму — придумали литераторы: Ластовский, братья Луцкевичи, Купала... Теперь, через 90 лет, есть шанс создать и содержание Беларуской Народной Республики, по крайней мере, в литературном плане. Таким образом, через 90 лет форма и содержание могут, наконец, совпасть — хотя бы в литературе.

РС: С какими критериями вы будете подходить к конкурсным текстам?

Пашкевич: Помимо художественного оформления, художественного качества, хотелось бы видеть проникновенное глубокое видение — даже в этом жанре — самой сути беларуского государства. Ведь литератор не просто воссоздает то, что могло бы произойти, он фактически творит основы беларуской державности. Сочинение книг о государстве, которое могло быть, о том государстве, о котором мечтали сотни беларуских литераторов — это уникальное явление. И вот оно вполне может воплотиться в художественных текстах.

РС: А когда вы впервые узнали о Беларуской Народной Республике?

Пашкевич: К сожалению, в деревенской школе о БНР я не слышал. Узнал о ней на первом курсе Беларуского государственного университета. Это был 1989 год — самое начало Возрождения, новый виток увлеченности, в первую очередь молодежи, своим прошлым, национальной историей.

РС: Вначале вы сказали, что подумали о возможности собственного участия в таком конкурсе: о чем бы вы написали?

Пашкевич: Если бы мне пришлось писать о Беларуской Народной Республике, я бы хотел, чтобы ее свет служил

фоном для истории любви героев, любви счастливой, и притом под бело-красно-белыми флагами. Если смотреть на становление БНР в перспективе, то именно историй счастливой любви в СВОЕМ государстве нам и не хватает. Это была бы не «Альпийская баллада», а «Минская баллада», но со счастливым финалом.

СЕГОДНЯ О 25 МАРТА ЗНАЮТ ВСЕ — И СТОРОННИКИ, И ВРАГИ...

Член жюри конкурса, писатель-историк Владимир ОРЛОВ

РС: Вы — автор утопического манифеста «Независимость — это...». В каком-то смысле можно считать его попыткой создания модели альтернативной истории. Может быть, сегодня вы написали бы этот текст несколько иначе?

Орлов: Ну, во-первых, если считать мой текст утопией, то кое-что из этой утопии стало реальностью. Например, сейчас беларуские парни действительно не служат дальше границ Беларуси и не точат саперные лопаты, чтобы окапываться в Баку или Тбилиси. Или взять другое: наши школьники изучают историю Беларуси по учебникам, где она рассматривается беларусоцентрично — несмотря на все попытки редактирования учебников. Даже ученики младших классов знают сейчас историю Беларуси лучше, чем знали ее мы, когда были студентами исторического факультету БГУ имени Ленина в начале 70-х годов.

РС: В связи с этим следующий вопрос: знают ли сегодня школьники о Беларуской Народной Республике? И когда вы впервые услышали о БНР?

Орлов: Вот опять же, в продолжение того, что сказал, могу засвидетельствовать, что даже мы, студенты-историки 70-х, не знали о «Погоне» как нашем национальном символе, о бело-красно-белом флаге, не знали обстоятельств провозглашения БНР и не представляли себе значимости этого события. Потому что все, что нам говорили, сводилось буквально к нескольким фразам. Дескать, это была какая-то интрига (или даже интрижка) маленькой кучки националистов, которые с помощью немецких оккупантов объявили Беларускую Народную Республику — исключительно в пику большевикам, открывавшим действительно светлые перспективы беларускому народу.

Я помню, как впервые получил поздравление с годовщиной провозглашения БНР. Светлой памяти Анатоль Сыс прислал мне книжку Максима Богдановича, и из нее выпала открытка, где пусть не симпатическими чернилами, но очень осторожненько, мелким почерком были написаны несколько строчек с поздравлением*. А был это 1984 год...

РС: Значить, можно сказать, что сегодняшний житель Беларуси имеет значительно лучшие условия для участия в таком конкурсе?

Орлов: В этом конкурсе мог бы участвовать едва ли не каждый гражданин Республики Беларусь, потому что теперь дата 25 марта вошла в сознание как сторонников беларуской независимости, так и ее врагов.

Разве что 25 марта одни отмечают праздник с бело-красно-белыми флагами, с торжественным настроением, с риском оказаться вскоре за решеткой. Другие же отмечают его в полной боевой экипировке, злятся, что их лишили выходного дня, тем не менее, и они знают эту дату. Потому я не исключаю участия в конкурсе «Свободы» представителей именно тех ведомств, которые совсем не так, как мы, встречают этот праздник.

---

* Анатоль Сыс (1959–2005) – беларуский поэт. Автор сборников «Агмень», «Пан Лес», «Сыс», «Лён». – *Прим. ред.*

БНР МОГЛА СПАСТИ ЕВРОПУ...

Олег ТРУСОВ, историк, председатель Общества беларуского языка имени Франциска Скорины

РС: Господин Трусов, вы — археолог...

Трусов: Точнее — археолог архитектуры...

РС: Можно ли в рамках вашей специальности говорить об археологии БНР?

Трусов: Дело в том, что существует археология XX века. Это, например, раскопки зданий, разрушенных в Первую или во Вторую мировую войну. А у нас в Беларуси археология — это Куропаты. Там и лежат многие из основателей БНР...

РС: Любите ли вы литературу в жанре альтернативной истории, утопии, антиутопии?

Трусов: Я всегда интересовался фантастической литературой, и мои любимые писатели тот же Айзек Азимов (мой земляк со Смоленщины), Рэй Бредбери, братья Стругацкие, Иван Ефремов, Абэ Кобэ. Фантастика — чудесный жанр литературы.

РС: Вы сами когда-нибудь фантазировали в такой стилистике о Беларуси? Что было бы, если бы тропы истории некогда устремились в другую сторону?

Трусов: Когда мы в 1989 году заявили, что Беларусь будет независимой, то над нами все смеялись. Особенно смеялись над моей предвыборной платформой, где я обещал за пять лет превратить СССР в конфедерацию. А оно взяло, да и случилось через два года...

РС: Жизнь иногда неожиданнее, чем фантастическая литература... А сами вы намерены участвовать в конкурсе?

Трусов: Знаете, я могу дать только жанр тем, кто хочет писать. Называю тему: «Урок географии в БНР». Какой бы увидели БНР географы. Я бы, например, увидел ее в границах от Смоленска до Вильни, от Двинска до Чернигова, с населением миллионов 40–50, мы бы давно были в Евросоюзе и представляли собой примерно то же самое, что теперь Польша. Мы видим, что та же Украина, которая сохранила свою этническую территорию почти целиком, развивается намного лучше, чем мы.

Что до того, если бы БНР продолжала существовать, то здесь интересно ее участие в войне. Вполне вероятно, что Второй мировой войны не было бы, сохранись БНР. Ведь тогда она играла бы роль буфера между Польшей и Советской Россией.

РС: Здесь возникают и другие вопросы, ведь сама БНР в 1918-м могла стать полной реальностью, если бы дольше продержалась Германия...

Трусов: Согласен. Но допустим, что Германия продержалась бы еще года два и успела признать БНР — как признала Литву, а потом распалась. И в таком случае ситуация на карте Европы была бы совсем иной. Именно БНР стала бы тем санитарным кордоном, который отделил Польшу и Германию от Советского Союза. А независимая Украина — она ведь тоже могла сохраниться? Так что здесь все могло произойти по-другому. И тогда, скорее всего, не было бы этой ужасной Второй мировой войны — БНР фактом своего существования могла спасти Европу.

НЕЗАВИСИМАЯ БЕЛАРУСЬ — ЭТО ФЕЕРИЯ, ЭТО КАРНАВАЛ...

Искусствовед Сергей ХОРЕВСКИЙ

РС: Вы — искусствовед, историк искусства. С вашей профессиональной точки зрения — вот вы ходите по современному Минску — «видите» ли вы следы БНР?

Хоревский: Безусловно. К счастью, в Минске уцелели те здания, что связаны с первыми днями провозглашения Беларуской Народной Республики. Это и Дом губернатора, и театр, и знамени-

тый «Юбилейный дом» — бывший церковно-археологический музей, и даже чудом сохранившееся пожарное депо бывшей Брест-Литовской железной дороги, где железнодорожники приютили разогнанный Всебеларуский конгресс. Так что тому, кто знает историю БНР, и тому, кто знает историю Минска, нынешние улицы говорят очень многое.

РС: Ну, это надо знать и надо еще поискать. А вот представьте себе — вы закрываете глаза и раскрываете их в такой ситуации, как будто БНР в 1918-м состоялась и вот вы сегодня, через 90 лет, стоите в Минске. Что бы выглядело иначе?

Хоревский: Он, безусловно, выглядел бы совсем по-другому. Прежде всего потому, что — интересная деталь — к 25 марта 1918 года в Минске собрались все ведущие архитекторы Беларуси или родом из Беларуси — приехали из Петербурга, из Москвы, из Варшавы. Среди них знаменитый Лев Витан-Дубейковский, были и Гайдукевич, и Гай, и Шабуневский из Гомеля. Они что-то предчувствовали — Витан-Дубейковский уже начал чертить типовые проекты беларуских школ...

Безусловно, не произошло бы разрушения храмов — в 30-е годы, задолго до войны, в Минске были разрушены десятки церквей — они сегодня украшали бы город. Безусловно, куда бережней обращались бы со стариной, с памятниками былого. И естественно, сам стиль, который уже тогда вызревал у наших архитекторов — беларуский национальный стиль — уж точно не сталинщина, которая сегодня фактически формирует образ нашего города. Это был бы город для нас, беларусов.

РС: Верите ли вы в неожиданные повороты истории? Может ли история быть фантастичнее литературного вымысла?

Хоревский: Верю. Хотя бы уже потому, что сам акт провозглашения независимости с точки зрения реальной ситуации, существовавшей в Беларуси — это какая-то феерия, карнавал. В принципе такого могло и не произойти. 1991 год, распад Советского Союза — и Беларусь внезапно, совсем не ожидая того, обретает независимость. Разве какой-нибудь литератор мог предугадать еще в 1990-м, что вдруг не станет ни СССР, ни КПСС? Так что надо верить, и я думаю, что история подарит нам еще немало интересных моментов и крутых поворотов.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНАЯ БНР В 1918-м НЕ ИМЕЛА ШАНСОВ...

Историк Владимир ЛЯХОВСКИЙ

РС: Когда, при каких условиях БНР могла действительно состояться? Что в истории должно было повернуться иначе? Какие были шансы?

Ляховский: В 1918 году беларуской элите было очень трудно достичь этой цели по ряду причин. Во время мировой войны была разрушена наша экономика. Свыше 1,5 миллиона человек стали беженцами, 400 тысяч из них так и не вернулись в Отечество. Около 800 тысяч были мобилизованы в российскую армию, из них до 100 тысяч погибли на фронте.

Далее отмечу, что спектр беларуских партий не сформировался полностью — преобладали левые радикалы, это тоже повлияло на реализацию этой идеи. И еще: не было такого лидера, который бы мог сплотить вокруг себя сторонников беларуской независимости. Читая теперь письма Довнар-Запольского, я сразу отмечаю, что даже он, непрофессиональный политик, был на голову выше тех молодых деятелей, что стояли у колыбели БНР.

РС: Вы объяснили причины, отчего БНР не смогла реализоваться. Но были ли у нее вообще какие-то шансы? Что должно было произойти иначе? Если не

внутренние, так может быть внешние факторы?

Ляховский: Я — пессимист. Я считаю, что единственный шанс — это если вернуть время не в 1918 год, а до 1914-го. Если бы Николай II послушался Столыпина или Дурново и не втянул империю в Первую мировую войну. Это был единственный шанс — вариант того, о чем думал Луцкевич, если бы Россия эволюционировала в федерацию по мягкому сценарию. Тогда к середине 1920-х годов Беларусь и Литва уже обладали бы широкой автономией, имели бы свой Сейм.

Далее — Первая мировая война. Если бы ее не было, то не было бы и Второй, не было бы Холокоста, не было бы столь страшных потерь беларуской экономики и населения от этих войн и в межвоенный период. Тогда бы к началу 30-х прошла беларусизация, сформировалась бы новая политическая элита, потомки Ивана и Лукьяна Солоневичей уже говорили бы по беларуски и не разделяли тех взглядов, которые исповедовали эти деятели.

РС: Какие исторические сюжеты наиболее волнуют вас? Настолько, что они могли бы служить основой для литературных произведений?

Ляховский: Меня интересует фигура Романа Скирмунта. Если бы он мог возглавить кабинет министров — у него была очень прагматическая программа и в сельском хозяйстве, и в сфере образования. Думаю, что этот человек заслуживает пристального внимания.

БНР — ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОПЫТКА СДЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

Философ Игорь БОБКОВ

РС: Что было бы, если бы БНР победила в 1918 году?

Бобков: Думаю, что, как это ни парадоксально, мы не испытывали бы и десятой доли тех позитивных эмоций, которые ощущаем сегодня по поводу БНР. Очень долгое время нам рассказывали, что БНР — это нечто нереальное, эфемерное творение, какой-то проект мечтателей, пытавшихся сделать невозможное. Понятно, что нельзя сотворить невозможное. Мы как-то с этим смирились и тихо завидовали соседям — литовцам, латышам, эстонцам — у которых национальные республики стали реальностью в межвоенный период.

С другой стороны, если так смотреть на ситуацию, то, может быть, настоящий героизм, настоящая трагедия возникают только тогда, когда люди пытаются совершить невозможное. И в этом смысле та красивая утопия, по-своему красивая сказка – она и задала высокую планку, благодаря которой «беларуский проект» продержался все XX столетие. Ведь, по большому счету, весь XX век этот проект являлся невозможным, или почти что невозможным. И то, что люди, несмотря на всю непрагматичность и эфемерность, все же пытались его реализовать — в определенном смысле заслуга именно тех мечтателей, тех утопистов, которые поверили в свою утопию.

РС: Значит, если бы БНР состоялась в 1918-м, мы бы теперь были лишены этой мечты?

Бобков: Лишены мечты и лишены весьма существенного пафоса беларуского проекта.

РС: Как вы себе представляете Беларусь без пафоса и без мечты?

Бобков: С одной стороны, в конце 80-х мы прощались с утопиями и говорили, что после великой утопии коммунизма мы вряд ли еще раз попытаемся создавать какие-то другие утопии, мы хотели как можно ощутимее влиться в реальность. А с другой стороны, в конце 90-х вдруг стало понятно, что утопии — очень важный позитивный элемент человеческого общества и человеческой культуры вообще. Иммануил

Валерштайн, один из самых известных нынешних экономистов и социологов, один из «гуру» современной западной культуры, заявил, что после конца коммунизма главной задачей интеллектуалов на ближайшие полстолетия станет именно конструирование утопий.

И вот то, что у нас есть нереализованная мечта — утопия БНР — это очень важно для нашей культуры как системы, это несовпадение с реальностью есть нечто такое, что заставляет нас сниматься с мест и думать о несбывшемся.

РС: Нет ли у вас сегодня ощущения, что мы — персонажи какого-то литературного произведения, или что все мы просто находимся в чьем-то сне?

Бобков: Думаю, что последние десять лет мы сним самих себя, и оказались не готовы к тому, что собственное сновидение может быть еще большим кошмаром, чем сны других о нас.

РС: А что произойдет, когда мы проснемся?

Бобков: Хотелось бы верить, что мы не проснемся...

ЕСЛИ БЫ БНР СОЗДАВАЛИ НЕ СОЦИАЛИСТЫ, У НЕЕ БЫЛО БЫ БОЛЬШЕ ШАНСОВ

Историк Олег ЛАТЫШОНОК из Белостока

РС: Насколько реальным в 1918 году — если бы какие-то политические события повернулись немного иначе — был шанс сохранить БНР?

Латышонок: Шанс, я думаю, существовал — никогда не бывает так, чтобы все исторические события были заранее предопределены. Я считаю, что всегда имеется большая доля случайности, а людям, принимающим решения, приходится выбирать из примерно равных потенциальных возможностей. Поэтому БНР вполне могла состояться, я рассуждений на эту тему не отвергаю.

РС: Если бы вы были писателем и захотели написать такое утопическое произведение — что вы тогда изменили бы в ходе истории, чтобы она пошла по другим рельсам?

Латышонок: Здесь почти не было случайностей... Думаю только, что у других людей, не социалистов, было больше шансов для создания государства. А эти деятели /основатели БНР — *Ред.*/ и не националисты, и не державники... Превыше всего они ставили социальную революцию, причем непонятно, от имени кого говорили, потому что народ в своем большинстве был консервативный и монархически настроенный.

РС: Они, может быть, думали иначе, все же основную массу населения составляли крестьяне, а эсеры, которые господствовали в БНР-овских кругах, опирались как раз на крестьянство...

Латышонок: Но на крестьянство, придуманное россиянами, а не на беларуское. Они опирались на идею крестьянства, выдвинутую российскими народовольцами. Все эти идеи Беларуской Социалистической Громады накануне Первой мировой войны — просто ужас! Отобрать у людей землю, потом давать ее в аренду, никакой частной собственности — это кошмар, ни к какому беларускому крестьянину с такой программой нельзя было идти...

БНР в идеальных границах, как их представляли себе беларуские политики в 1918–1919 гг., с Белостоком, Вильней и Смоленском, была бы сильным государством. Это государство имело бы какие-то трения с соседями, но думаю, что за такой период /90 лет — *Ред.*/ в Вильне давно появился бы литовский университет, а в Гродно, может быть, польский...

Не было бы, безусловно, Второй мировой войны, в Европе не сложилась бы необходимая для нее политическая конфигурация, если бы даже на Востоке су-

ществовал коммунистический Советский Союз. Думаю, что БНР выглядела бы как среднее центральноевропейское государство.

НАСТОЯЩИЙ ПРАЗДНИК

Алесь РЫБАЧОНОК

(Рассказ)

Город готовился к празднику. Туда-сюда сновали служащие муниципалитета, развешивая бело-красно-белые флаги и транспаранты. Через несколько дней, 25 марта — девяностая годовщина образования БНР. Ничего не скажешь, большой праздник, но не для Миколы. Микола шел по улице имени Езовитова и думал об одном — как не встретить на своем пути полицейских.

Мимо пролетали «мерсы» и «бугатти», по тротуарам прогуливались самодовольные буржуа с женами и детьми. Город жил, работал, дышал воздухом и даже не догадывался, какая опасность нависла над ним.

Микола помнил другой праздник. 1 января несколько тысяч борцов за правое дело собрались на центральной площади. Тоже была годовщина. Годовщина провозглашения действительно

народного, национального государства — БССР. Полицейские в черных комбинезонах, с резиновыми дубинками и щитами сначала только наблюдали за действием, но как только манифестанты развернули красно-зеленые полотнища, ринулись в толпу, вырывали из рук флаги, рвали и топтали их. Топтали самое святое, что есть у сознательного беларуса. В тот день Микола впервые узнал, что такое тюремные подвалы. Десять дней он провел за решеткой за то, что якобы оскорбил сотрудников правоохранительных органов — а Микола в действительности всего лишь осмелился говорить на русском языке. Вот она, буржуазная демократия с ее «справедливой» конституцией.

Слегка дрожали ноги, волнение охватывало Миколу, и ему нестерпимо хотелось повернуть назад. Но нет. Поздно. Надо идти. Микола направился прямо к заводской проходной. Там его ждали. Один из охранников был верным товарищем, членом КПБ(б). Пройдя за ним через служебный вход, Микола оказался на территории предприятия. Впереди до облаков возвышалась высоченная труба-дымоход — его цель.

Первые десять метров дались легко, Микола без напряжения лез ввысь, и ему даже нравилось ощущать себя чуточку героем. Потом пришла усталость, слабели руки, ватными становились ноги. Микола отдыхал и лез дальше. Он уже не чувствовал себя героем, просто исполнял тяжелую, но нужную работу. Микола не смотрел вниз, высоты он не пугался, ему было не до того.

Последние метры — и вот Микола уже на самой верхотуре. Из заплечного рюкзака вытащил стяг и прикрепил его к перилам. Осторожно впервые посмотрел вниз. Разноцветные крыши тянулись за горизонт. По нитям дорог сновали автомобили размером со спичечный коробок, как муравьи суетились люди.

Микола втянул в себя воздух. Воздух свободы и победы. У его ног распластался покоренный город...

КАК МЕНЯЛИСЬ ГРАНИЦЫ БЕЛАРУСИ В XX ВЕКЕ

Сергей Хомич

Территория — необходимое условие и один из важнейших признаков существования любого суверенного государства. Поэтому изучение истории Беларуси в XX веке требует знания пределов распространения беларуского этноса и границ государств, существовавших в этих пределах.

Но в XX веке историческая судьба то включала их в состав беларуских политических образований (БНР, ССРБ, Лит-Бел), то выводила оттуда.

* * *

Как известно, в марте 1918 года правительство большевиков, захвативших власть в Российской Демократической Республике путем государственного переворота и провозгласивших вместо РДР свое государство — РСФСР, заключило мирный договор с Германией и ее союзниками. По этому договору все губернии России, где преобладало беларуское население (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская, Смоленская), считались российскими — включая те, где находились оккупационные германские войска.

Но в ноябре того же года в Германии и Австро-Венгрии произошли революции. Монархические режимы рухнули, вооруженные силы стран Центрального блока капитулировали перед западными союзниками. После этого в восточной части Европы возникла политическая сумятица. Здесь на обломках трех империй — Российской, Германской и Османской — одно за другим появлялись новые независимые государства. Естественно, что этот процесс сопровождали территориальные споры.

Террористический режим большевиков не признало ни одно правительство в мире. Более того, ряд государств намеревался послать свои войска в Россию для усмирения «взбунтовавшейся черни» и восстановления «законного правления» аристократов. Позже большевики назвали такие экспедиции «походами Антанты».

В сложившихся условиях их главный штаб — ЦК РКП(б) — разработал план по созданию цепи советских национальных республик (якобы независимых, а фактически марионеточных) в качестве «буферов», отделяющих этническую Россию от враждебных ей стран на западном направлении. Так появились на свет большевистские «нацioналки»: Эстонская — 29 ноября, Литовская — 16 декабря 1918 года, Белорусская — 1 января, Латвийская — 13 января 1919 года. «Независимость» советской Украины была формально провозглашена еще 25 декабря 1917 года, но фактически власть большевиков установилась здесь в феврале 1919.

ССРБ

То обстоятельство, что советская Беларусь создавалась исключительно по внешнеполитическим соображениям, тогда как этнические, культурные и экономические факторы не учитывались, самым существенным образом повлияло на определение границ новой республики.

В ее создании участвовали три организации: ЦК РКП(б), Облисполкомзап

* Перевод, редакция и дополнения А.Е. Тараса на основе статьи в журнале «Беларускі гістарычны агляд», том 7, сшытак 2 (2000), с. 351–364.

и Белнацком вместе с белсекциями РКП(б)*. Каждая из них имела свои представления о статусе республики и, соответственно, об ее границах.

Что касается ЦК РКП(б), то современные историки полагают, что уже в конце 1918 года руководство Российской компартии имело конкретные планы в отношении территории Западной области РСФСР (бывшего Северо-Западного края империи). Автором и проводником этих идей обычно называют И.В. Сталина, а главным основанием для подобных выводов служит запись его известного разговора с А.Ф. Мясниковым, когда нарком РСФСР по делам национальностей при перечислении беларуских губерний «забыл» назвать Витебскую и Могилевскую.

Однако более правдоподобно то, что слова наркома выражали не столько его собственные взгляды, сколько общую позицию ЦК РКП(б). Напомним, что Сталин, сообщив Мясникову о грядущих изменениях в организации работы Облисполкомзапа, одновременно предупредил, что говорит «по поручению ЦИК и партии».

Последовавшее в январе 1919 года решение ЦК РКП(б) об исключении из состава республики трех губерний, коллегиальный характер принятия которого никто не отрицает, является еще одним доказательством того, что идея образования советской Беларуси в ограниченном территориальном виде была выработана до провозглашения ее независимости. Другой вопрос, что по ряду причин реализация этого плана задержалась на месяц.

Существенное влияние на определение границ ССРБ в конце 1918 года оказал тот факт, что республика образовывалась на территории Западной области РСФСР и стала ее преемницей. Руководство Облисполкомзапа считало, что с провозглашением республики Западная область не исчезла, произошла только смена вывески. Таким образом, областные власти хотя и разделяли позицию ЦК РКП(б) относительно формального характера существования ССРБ, однако стремились сохранить в своем подчинении всю прежнюю территорию области.

За образование советской Беларуси в составе всех этнографических земель выступали также коммунисты белсекций РКП(б) и Белнацкома. И хотя в вопросе насчет принадлежности Вильни беларуским коммунистам пришлось уступить Москве, белсекции РКП(б) и Белнацком не согласились бы на провозглашение ССРБ в чересчур «усеченном» виде. В этом их позиция совпадала с позицией Облисполкомзапа.

Требование ЦК РКП(б) какого-то иного варианта могло вызвать сопротивление как одной, так и второй группы, и замедлить процесс создания новой советской республики. Между тем, внешнеполитическая ситуация требовала ускорить реализацию «буферного плана», поэтому ЦК временно уступил.

* * *

Делегаты VI-й Северо-Западной конференции РКП(б) прибыли в Смоленск еще 26 декабря, однако начало работы конференции был отложено до возвращения А.Ф. Мясникова из Москвы, где он получал инструкции от высшего партийного руководства.

Приехав, Мясников собрал 29 декабря 1918 года руководителей делегаций и сообщил им о решении ЦК РКП(б) преобразовать Западную область в Советскую Социалистическую Республику Белоруссию.

В качестве главных причин такого акта он назвал сложное внешнеполити-

* Облисполкомзап – Исполнительный комитет советов депутатов Западной области РСФСР. Белнацком – Беларуский национальный комитет в составе Народного комиссариата РСФСР по делам национальностей. – *Прим. ред*

ческое положение советской России, а также необходимость публично продемонстрировать стремление широких масс беларуского народа к самоопределению на советской основе — в противовес БНР. Делегаты в порядке партийной дисциплины подчинились постановлению своего высшего руководства и решили не спорить на конференции по этому вопросу.

30 декабря 1918 года в Смоленске открылась VI-я Северо-Западная конференция РКП(б). По предложению Мясникова, озвучившего указания Москвы, она объявила себя первым съездом КП(б) Беларуси. А в ночь с 31 декабря 1918 на 1 января 1919 года съезд заявил, что Западная коммуна — область Российской Республики — объявляет себя Советской Социалистической Республикой Белоруссией (ССРБ).

Границы нового государства были определены в тот же день на основе этнической территории расселения беларусов. Делегаты единогласно поддержали предложения территориальной комиссии и постановили, что в состав ССРБ входят Гродненская, Минская и Могилевская губернии целиком, почти вся Витебская губерния (без отдельных частей Двинского, Режицкого и Люцинского уездов), а также пять уездов Смоленской губернии, четыре северных уезда Черниговской губернии, по одному уезду Сувалковской и Виленской губерний.

В этих границах территория ССРБ составляла более 300 тысяч кв. км, население — около 10 млн. человек. Правда, существенная часть указанных территорий находилась под фактическим управлением недавно возродившейся Польши либо буржуазной Литвы.

2-го января был издан манифест о провозглашении ССРБ, с указанием места издания в Минске, хотя Временное революционное рабоче-крестьянское правительство выехало из Смоленска 3-го января, а прибыло в Минск только 5-го.

* * *

В границах, определенных I-м съездом КП(б)Б, «независимая» ССРБ существовала всего один месяц — до первых числе февраля 1919 года. Уже 16 января в Минск приехал из Москвы А.А. Иоффе и сообщил о решении, принятом накануне на заседании ЦК: «исключить из нее Смоленскую, Витебскую и Могилевскую губернии, оставив только Минскую и Гродненскую»*.

Такое решение обусловили сразу несколько причин.

Во-первых, Польша настойчиво претендовала на беларуские земли, входившие в состав «первой» Речи Посполитой до 1772 года. Между тем большевистскому правительству России в это время уже противостояли организованные силы «белого движения». С востока большевикам угрожали войска «верховного правителя» А.В. Колчака, с юга — войска генерала А.И. Деникина. Поэтому большевики, не располагавшие достаточными силами, всячески стремились избежать военного конфликта с Польшей. В частности, они предлагали Варшаве мирные переговоры и решение всех спорных территориальных вопросов в ее пользу. Учитывая возможность принесения в жертву беларуских земель, большевики не хотели рисковать слишком большой территорией, преждевременно выводя ее из состава РСФСР.

Другой причиной ограничения размеров ССРБ стало желание ЦК РКП(б) ослабить в республике национальные тенденции. Чтобы в Беларуси было меньше национализма, в Москве решили отобрать у нее три губернии из четырех!

Наконец, против ССРБ выступили губернские власти. Несмотря на то, что I-й съезд КП(б)Б принял решение об ее провозглашении единогласно, как толь-

ко делегаты разъехались по домам, из губерний в ЦК РКП(б) пошли письма с протестами против включения в состав ССРБ.

Тактика действий губернских властей была обычной для того времени. Решение ЦК, даже в случая несогласия с ним партийных организаций, начинало проводиться в жизнь, и только после этого местное руководство могло обратиться с предложением о пересмотре. Еще 9 января 1919 года Витебский губернский партийный комитет делегировал в Москву своего представителя для постановки вопроса об исключении губернии из состава ССРБ и присоединении к РСФСР. А 20 января витебские власти первыми получили разрешение на «выделение Витебской губернии из Белорусской республики...». В тот же день соответствующее постановление была проведено на губернской партийной конференции. В административном порядке выход губернии из состава ССРБ закрепило решение IV съезда Советов Витебской губернии.

Причины такого решения нашли отражение в резолюции съезда: дескать, губерния экономически не связано с Беларусью; население не знает беларуского языка; здесь вообще «нет беларуской культуры».

Несколько иначе развивались события в Могилевской и Смоленской губерниях. Здесь позиция губернских властей была менее самостоятельной. В соответствии с постановлением I-го съезда КП(б)Б руководство этих губерний начало непосредственную работу по созданию беларуского государства. Более того, 15 января 1919 года Центрально бюро КП(б)Б поддержало ходатайство Смоленского губернского комитета партии о включении в ССРБ вместе с беларуской частью губернии еще трех уездов — Вяземского, Сычевского и Юхновского, признанных территориальной комиссией спорными. А 23 января Смоленский губком заявил о выходе из ССРБ.

Могилевская партийная организация сначала высказалась против вхождения в ССРБ, однако после разговора с секретарем ЦБ КП(б)Б Вильгельмом Кнориным губернский комитет в порядке партийной дисциплины единогласно признал, что «невозможно существование Беларуси без вхождения в ее состав Могилевской губернии».

Позже, когда поступила противоположная директива ЦК РКП(б), уверенность в необходимости присоединения губернии к ССРБ сменилась растерянностью и незнанием, чьи приказы исполнять — Минска или Москвы. За разъяснениями обратились к Якову Свердлову — председателю ЦИК РСФСР. Его телеграмма от 29 января положила конец сомнениям. Она еще раз подтвердила линию ЦК РКП(б) на исключение Могилевской губернии из состава ССРБ. После этого губернский съезд советов, который в ожидании ответа из Москвы временно приостановил работу, закрепил отрыв Могилевщины от Беларуси.

* * *

Идею резкого сокращения территории республики не восприняли в ССРБ ни группа Мясникова, которая рассматривала этот шаг как ликвидацию Западной области, ни группа Дмитрия Жилуновича, расценившая решение ЦК РКП(б) как нарушение деклараций партии в сфере национальной политики. Однако попытки беларуских властей добиться от ЦК РКП(б) пересмотра январского постановления не имели успеха.

Группа Жилуновича заявила в письме в Москву, что такое решение «пагубно отразится на жизненных интересах

* Адольф Абрамович Иоффе (1883–1927), кандидат в члены ЦК РКП(б) с августа 1917 по март 1919 года, работал в Наркомате иностранных дел, где отвечал за «литовско-беларуское направление».

белорусского пролетариата и крестьянства». Однако ответа на письмо не последовало. Мясников же, терявший власть над огромной территорией, направил в Москву двух своих представителей — Р. Пикеля и И. Рейнгольда.

В.И. Ленин принял посланцев Центрального бюро КП(б)Б, но откровенно заявил им, что «буферная» республика нужна лишь постольку, поскольку граничит с Польшей и Украиной (УНР). Витебская, Могилевская и Смоленская губернии не имеют общих границ с этими государствами, поэтому их можно исключить из состава ССРБ.

31 января 1919 года на заседании ЦБ КПБ Пикель и Рейнгольд доложили о результатах поездки: «Свердлов сказал нам, что ЦК принял решение единогласно и другое решение невозможно».

Кроме того, в Москве беларуской делегации сообщили еще об одном решении ЦК РКП(б): объединить советскую Литву и советскую Беларусь в одну республику.

В знак протеста против насильственного раздела территории Беларуси ушли в отставку трое народных комиссаров ССРБ – иностранных дел Всеволод Фальский, по делам национальностей Фабиан Шантырь, и нарком труда Язеп Дыла.

* * *

2 февраля 1919 года в Минске открылся Первый всебеларуский съезд советов – «верховный орган власти независимого государства». Он должен был юридически оформить создание советской республики. На съезд прибыли 230 делегатов с решающим и 44 с совещательным голосом, в том числе делегаты от губерний, только что включенных в состав РСФСР.

Чтобы избежать возможных «сюрпризов», делегатов не выбирали на городских, уездных и губернских съездах, их просто назначили руководители соответствующих советов по спискам, предложенным партийными комитетами. Такой состав съезда позволял его руководству единогласно принимать любые «нужные» решения.

На съезде присутствовал председатель ВЦИК РСФСР Я.М. Свердлов. Его задача заключалась в том, чтобы следить за выполнением местными партийно-советскими руководителями решений московского руководства.

Съезд прошел по заранее подготовленному сценарию. Он завершил юридическое оформление Беларуси как советской республики, являющейся противовесом БНР, созданной годом раньше. Поэтому «от имени трудового народа» делегаты съезда объявили Раду БНР вне закона. Съезд принял конституцию ССРБ, составленную в обычном для большевиков демагогическом стиле.

Свердлов огласил постановление ВЦИК РСФСР о признании независимости ССРБ. Съезд тут же принял «Декларацию об установлении федеративной связи между ССРБ и РСФСР». Съезд указал и территорию республики: Минская и Гродненская губернии, часть Виленской губернии. Витебскую, Смоленскую и Могилевскую губернии делегаты съезда по требованию московского руководства признали в составе РСФСР (Гомельской губернии на тот момент еще не было).

Официально утвердив 2 февраля независимость Беларуси, Всебеларуский съезд советов по предложению Свердлова уже на следующий день согласился с ее ликвидацией и принял постановление об объединении ССРБ с Литовской ССР. Формальными поводами были заявлены, во-первых, «необходимость обороны от внешних врагов» (подразумевалась Польша), а во-вторых, «давнее совместное пребывание в составе единого государства» (Великого Княжества Литовского).

17–21 февраля состоялся Первый съезд советов Литвы, тоже принявший

по указке Москвы решение об объединении.

27 февраля была провозглашена новая Советская Социалистическая Литовско-Белорусская Республика (Минская, Виленская, Гродненская губернии и часть Ковенской губении) — Лит-Бел, со столицей в Вильне и сформировано ее правительство. Реально большевики контролировали в это время только часть Виленской губернии, вся остальная Литва подчинялась правительству Тарибы в Ковно (Каунасе). А через два месяца (28 апреля) поляки захватили Вильню и правительство Лит-Бел переехало в Минск.

Включение в конце января — начале февраля 1919 года значительной части беларуских земель в состав РСФСР не было последним. Вскоре ситуация повторилась, правда, в меньшем масштабе. Еще в январе 1919 года наркомат иностранных дел РСФСР выступил с инициативой организации совещаний представителей советских республик для решения спорных территориальных вопросов. Результатом заседания 25 февраля, в котором участвовали уполномоченные от РСФСР, УССР и Лит-Бел ССР, стало решение о передаче части украинских и беларуских территорий в состав Гомельской губернии РСФСР, вновь образуемой вместо Могилевской. В частности, Лит-Бел ССР отдала Речицкий уезд Минской губернии.

* * *

В 1920 году московское большевистское руководство подарило часть Беларуси буржуазной Литве и Латвии, которых оно хотело использовать как союзников в борьбе против Польши.

Сначала 12 июля был заключен договор с Литвой, по которому Вильня и значительная часть бывшей Виленской губернии, населенной беларусами, передавалась Литве. Из других крупных городов передавалось Гродно. В сентябре в Вильню вошли литовские войска, но уже 9 октября их выбили оттуда войска польского генерала Л. Желиговского. Литовское правительство эвакуировалось в Шавли (Шауляй), а Желиговский провозгласил создание марионеточного государства «Средняя Литва» и провел выборы в местный сейм. Позже, в феврале 1922 года Средняя Литва присоединилась к Польше.

11 августа 1920 года большевики признали Латвию и передали ей три уезда: Двинский, Режицкий и Люцинский, где среди населения преобладали беларусы. Взамен они получили право пользоваться латвийскими портами Либава (ныне Лиепая) и Виндава (ныне Вентспилс).

В мае — июне 1921 года Латвия передала Литве города Можейки и Паланга с окрестностями, общей площадью 200 кв. км. Взамен Литва отдала Латвии часть территории (229 кв. км) в окрестностях Двинска (ныне Даугавпилс), населенной преимущественно беларусами. Так беларусы, веками жившие на своей земле, внезапно оказались в латвийском государстве. И сегодня в латвийской Латгалии преобладают их потомки.

* * *

В июле 1920 года, после освобождения Минска от поляков (11 июля), советскую Беларусь провозгласили во второй раз. Но теперь ее территория сократилась до самого минимума — шесть неполных уездов бывшей Минской губернии: Борисовский, Бобруйский, Игуменский, часть Мозырского (72%), Минского (68%) и Слуцкого (57%). Общая площадь — 52,4 тыс. кв. км, население — около 1,5 млн. человек. Очевидно, что полноценное развитие беларуской нации при таком положении было невозможно.

Поэтому руководство республики вскоре начало бороться за возврат отобранных городов и земель. Уже осенью

того же года этот вопрос поднял секретарь ЦК КПБ Вильгельм Кнорин.

В 1921 году планы руководства ССРБ относительно возвращения восточных территорий были тесно связаны с проектом районирования советской страны и создания Западной области на основе беларуских земель.

Однако между партийно-советским руководством ССРБ — с одной стороны, властями Витебской, Гомельской и Смоленской губерний — с другой, имелись серьезные разногласия относительно размеров этой области, формы объединения и административного центра.

Так, экономический совет Смоленской губернии стремился создать область в виде административной единицы РСФСР с центром в Смоленске, Витебская губерния допускала только хозяйственное объединение, а власти Гомельской губернии неоднократно меняли свою позицию: то отвергали необходимость существования Западной области, то требовали объединения, с созданием общих областных советских, партийных и хозяйственных органов.

* * *

Осенью 1922 года, в связи с подготовкой договора об учреждении СССР, руководство ССРБ официально поставило вопрос о возвращении восточных беларуских территорий. Территориальный вопрос обсуждался на VII съезде КП(б)Б и II сессии ЦИК ССРБ IV созыва. Необходимость укрупнения республики обосновывалась в первую очередь интересами обороны Советского Союза. Дескать, большая республика лучше защитит западные границы СССР. Кроме того, расширение территории ССРБ было признано необходимым условием дальнейшего развития республики в связи с исторической, экономической и этнографической общностью территорий.

В состав расширенной ССРБ, согласно плану ЦБ КП(б)Б, должны были войти Витебская и Гомельская губернии целиком, а также Горецкий и Мстиславский уезды Смоленской губернии. При таком решении вопроса территория ССРБ достигла бы 155 тыс. кв. км, с населением более 5 млн. человек.

Инициатива беларуского правительства вызвала резко отрицательную реакцию со стороны руководства указанных губерний, почти поголовно состоявшего из русских и евреев. Оно критиковало беларуский план и стремилось доказать его безосновательность. Ставился под сомнение беларуский характер населения восточных губерний, отмечалось отсутствие среди жителей тяги к беларускому языку и беларуской культуре. В свою очередь, власти ССРБ обращали внимание ЦК РКП(б) на многочисленные недостатки в сфере культурной работы среди беларусов восточных районов.

Работникам партийных и советских органов беларуский язык был непонятным и чуждым, или, что еще хуже, казался признаком отсталости и необразованности. Каждый, кто выступал за развитие беларуского языка, в глазах местных властей становился националистом. Нередко приверженцев беларуской культуры обвиняли в контрреволюционной пропаганде. Разумеется, что говорить в такой ситуации о высоком уровне национального самосознания не приходилось. Более того, губернские власти вели неофициальную агитацию против присоединения к ССРБ. Под ее влиянием рабочие и крестьяне беспокоились о том, что объединение с экономически слабой ССРБ ухудшит их материальное положение.

В ситуации, когда статистика, представленная противоположными сторонами, была неточной, неполной и часто противоречивой, большое влияние приобретали внешнеполитические факто-

ры, на которые постоянно обращалось самое серьезное внимание. Беларуская сторона стремилась убедить ЦК РКП(б), что правильное решение территориального вопроса значительно повысит международный авторитет ССРБ и ее влияние на события в Западной Беларуси.

29 ноября 1923 года Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело позицию всех заинтересованных сторон и постановило присоединить к ССРБ Витебскую и Гомельскую губернии целиком, за исключением четырех уездов бывшей Черниговской губернии, а также Горецкий и Мстиславский уезды Смоленской губернии. Это решение было вполне благоприятным для ССРБ.

К сожалению, данное постановление не было реализовано в полной мере. В тот момент, когда казалось, что вопрос уже окончательно решен, на пути к его практическому осуществлению возникли непредвиденные преграды, связанные с деятельностью одного из лидеров оппозиции в ЦК РКП(б), секретаря ЦИК РСФСР и председателя комиссии по районированию РСФСР Т.В. Сапронова. Он обвинялся в том, что стремился отделить советские органы от партийного влияния.

Со своей стороны Сапронов доказывал, что партия «поглощает инициативу и самостоятельность советских органов», и как пример приводил беларуский вопрос, о котором он, секретарь ЦИК РСФСР и председатель комиссии по районированию, ничего не знал, а если и слышал случайные разговоры, то считал, что это только шутки насчет «Великой Беларуси».

Одновременно в ЦК РКП(б) поступил протест Витебского губкома, который высказал свое возмущение тем, что была проигнорирована позиция партийной организации целой губернии.

В сложившейся ситуации Политбюро ЦК 7 марта 1924 года пересмотрело прежнее решение и постановило передать ССРБ 15 уездов.

Из Витебской губернии — Витебский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Оршанский, Полоцкий, Сенненский, Суражский. Из Гомельской губернии — Быховский, Климовичский, Могилевский, Рогачевский, Чаусский, Чериковский. Из Смоленской губернии — Горецкий уезд.

При этом в составе РСФСР остались три уезда Витебской губернии (Велижский, Невельский и Себежский), Гомельский уезд и большая часть Речицкого уезда Гомельской губернии. Мстиславский уезд Смоленской губернии фактически разрезали пополам, к ССРБ отошли только четыре волости, а такие мстиславские местечки как Хиславичи и Починок остались в России.

* * *

В результате возвращения в 1924 году части восточных земель территория республики увеличилась более чем в два раза и составила 110.584 кв. км, численность населения возросла до 4.2 млн. человек. Однако, вопреки заявлению председателя ЦИК ССРБ Александра Червякова на VI Чрезвычайном съезде советов ССРБ о том, что теперь территорию республики составили «все те уезды, большинство населения которых были беларусы», территориальный вопрос был решен далеко не полностью. В составе РСФСР по-прежнему оставались земли, исторически, экономически и этнографически тесно связанные с Беларусью.

Беларуская эмигрантская пресса назвала этот шаг третьим разделом Беларуси (считая за предыдущие разделы 1919 и 1921 гг.). Действительно, почти половина беларуских земель из ранее отобранных осталась в РСФСР.

Руководство ССРБ хорошо осознавало это обстоятельство. Еще в декабре 1923 года его представители на заседа-

нии Политбюро ЦК ВКП(б) высказали свое несогласие с тем, что Гомельский и Речицкий уезды Гомельской губернии, Велижский, Невельский и Себежский уезды Витебской губернии остаются за РСФСР. Позиция беларуской делегации была изложена в качестве отдельного тезиса и зафиксирована в протоколе заседания. Тем самым у руководства ССРБ остался формальный предлог для того, чтобы требовать повторного рассмотрения проблемы беларуских границ. Вместе с тем, требовались весомые мотивы, чтобы после расширения ССРБ, названного «окончательным», снова ставить вопрос о беларуских границах.

К 1926 году появились факторы, позволившие вернуться к вопросу о беларуской территории. Наиболее важными среди них стали причины внешнеполитического характера. Возвращение в 1924 году в состав ССРБ 15 восточных беларуских уездов вызвало большой резонанс в Польше и Западной Беларуси. Это убедительно показала II-я конференция беларуских национальных организаций в Праге, признавшая Минск руководящим центром беларуского национального движения и заявившая о прекращении борьбы против большевиков.

Однако просоветски настроенные делегаты конференции остались недовольны результатами расширения территории ССРБ. В резолюции по политическому положению в Беларуси было отмечено, что «совещание признает справедливым, чтобы к республике были присоединены Гомельщина и все остальные восточные уезды».

Незавершенность территориального строительства ССРБ вызвала резкую критику и в беларуской зарубежной печати. Так, Ластовский в журнале «Кривич», выходившем в Ковно, обвинял руководство беларуской компартии в том, что оно оставило значительную часть беларуских земель в составе РСФСР для их окончательной русификации.

Соображениям внешней политики сопутствовали экономические, этнографические и культурно-исторические факторы. Однако непосредственным толчком к активизации усилий по возвращению восточных земель стали новые попытки Оргбюро Западной области, продолжавшего существовать в Смоленске, реализовать проект создания этой области. Согласно проекту, следовало вернуть в Смоленскую губернию 6 уездов площадью 909,9 кв. км и с населением 45.600 человек.

Первая попытка пересмотреть итоги расширения была сделана уже вскоре после завершения процесса приемки восточных беларуских уездов. В августе 1924 года указанное Оргбюро, совместно с руководством Гомельской губернии, обратилось в ЦИК РСФСР с предложением включить в состав Смоленской губернии Горы-Горецкий сельскохозяйственный институт вместе с частью прилегающей к нему территории ССРБ. Попытки пересмотра границ ССРБ продолжались и в 1925 году. Именно в противовес подобным инициативам Оргбюро Западной области правительство ССРБ выступило с контрпредложением: еще раз рассмотреть вопрос о границах республики с целью окончательного их определения.

17 марта 1926 года Бюро ЦК КП(б)Б постановило: выступить категорически против создания Западной области, требовать присоединения Гомельской губернии и трех южных уездов Псковской губернии с городами Велиж, Невель и Себеж, но воздержаться от обсуждения вопроса о Смоленске.

18 ноября 1926 года Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев выводы комиссии, которая перед этим работала в Гомельской губернии, и доводы ЦК КП(б)Б, постановило: «считать доказанным белорусский характер населения Гомель-

Территория расселения беларуского этноса по Ефиму Карскому (1903 г.) и по Митрофану Довнар-Запольскому (1919 г.).

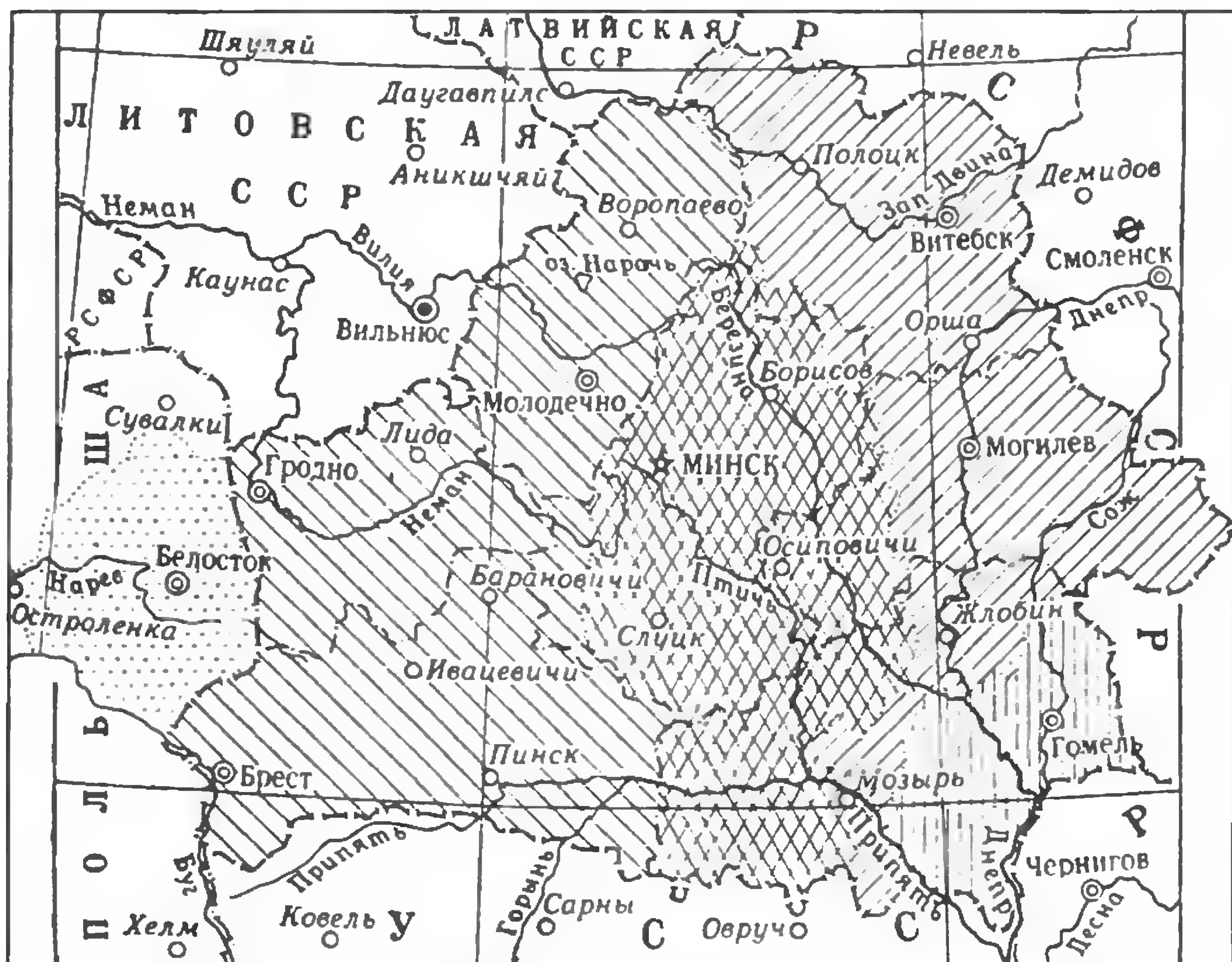
Хотя карта Карского называлась этнографической, по сути она таковой не была. Карский основывался на географии распространения беларуских диалектов, но не учитывал других этнических характеристик, особенностей духовной и материальной культуры народа. Все это принял во внимание Довнар-Запольский.

ского и Речицкого уездов и признать необходимым присоединение отмеченных уездов к БССР». В декабре их вернули из состава Украинской ССР.

* * *

И в 1924, и в 1926 году при изучении территориального вопроса наблюдались существенные расхождения между властями ССРБ и РСФСР в определения беларуской этнической территории. Так, правительство ССРБ и ЦК КПБ утверждали, что кроме уже возвращенных земель беларускими являются Велижский, Невельский и Себежский уезды Витебской губернии; Мглинский, Новозыбковский и Суражский уезды Черниговской губернии. При этом беларуская сторона ссылалась на материалы переписи 1897 года и этнолингвистические исследования беларуских и русских ученых, а руководство РСФСР, которое придерживалось противоположной позиции, предпочитало ссылаться на перепись 1920 года и доклады губернских властей.

О степени «объективности» руководства губерний уже сказано выше.

СКЛАДЫВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ССР

100 0 100 200 км

- ★ 1 января 1919 г. - провозглашение Белорусской ССР
- Территория БССР после заключения Рижского мирного договора между Советской Россией и Польшей 18 марта 1921 г.
- Территория, переданная БССР постановлением ВЦИК от 3 марта 1924 г.
- Территория, переданная БССР постановлением ВЦИК от 6 декабря 1926 г.
- Территория западных областей Белоруссии, воссоединенная с БССР в сентябре-ноябре 1939 г.
- Территория Белостокского воеводства, находившаяся в составе БССР с ноября 1939 г. по август 1945 г. и переданная Советским Союзом 16 августа 1945 г. Польской Народной Республике

А что касается переписи 1920 года, то надо отметить, что ее проводили и Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях как раз в то время (ноябрь 1920 г.), когда между правительствами России и Польши шли переговоры в Риге, главным вопросом которых был территориальный. Не исключалась возможность присоединения всей этнографической Беларуси к Польше. Потому население указанных губерний, напуганное этими слухами, скрывало свою истинную национальность и записывалось русским. Позже данные переписи 1920 года позволили противникам расширения ССРБ утверждать, что спорные уезды Витебской и Гомельской губерний не являются беларускими. Де-

скать, беларусы в лучшем случае составляют там относительное большинство.

В ситуации, когда аргументы каждой из сторон могли быть оспорены и поставлены под сомнение, единственный правильный выход заключался в основательном этнографическом обследовании спорных районов. Но такое обследование не было проведено. В 1926 году комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), в составе которой, кстати, не было ни одного историка или этнографа, выезжала лишь в Гомельский и Речицкий уезды, так как пребывание именно этих уездов за пределами ССРБ вызвало наиболее острую критику за рубежом со стороны не только противников, но и сторонников советской власти.

Анализ методов и характера деятельности комиссии позволяет сделать вывод, что настоящей ее задачей было не столько определение этнического состава населения спорных районов, сколько необходимость засвидетельствовать «демократизм» принятия решения и проверить, как присоединение к ССРБ будет воспринято на местах. Иначе говоря, принимая решение о возврате ССРБ Гомельского и Речицкого уездов и оставлении в РСФСР трех уездов Витебской губернии, а в УССР — северных уездов Черниговской губернии, Политбюро ЦК ВКП(б) руководствовалось исключительно политическими мотивами.

По мнению доктора исторических наук З. Шибеко, «небольшие города Злынка, Клинцы, Новозыбков, Стародуб, находившиеся в 20–30 километрах от Гомеля, не вернули только потому, что там имелись спичечные фабрики и ряд других предприятий».

Архивные документы свидетельствуют, что и после второго расширения беларуское руководство не считало процесс формирования территории республики завершенным. В конце 20-х годов шли переговоры о возврате указанных выше уездов вместе с некоторыми уездами Смоленской губернии. Республиканская газета «Звезда» даже напечатала соответствующую карту. Но вскоре началась первая волна сталинских репрессий, сделавших невозможными и опасными любые попытки постановки вопроса о пересмотре восточной границы. Ее линия в основных чертах сохранилась до сего дня.

Вместе с тем следует отметить, что возвращение в 1924 и 1926 годах восточных беларуских территорий, несмотря на незавершеность этого процесса, имело очень большое значение. Территория республики сравнительно с 1921 годом увеличилась в два с половиной раза — с 52.400 до 125.950 кв. км, а население достигло примерно 5 млн. человек, 80% которых составляли беларусы.

В 1929 году республику (теперь она называлась БССР) разделили на 10 округов: Бобруйский, Витебский, Гомельский, Калининский (с центром в Климовичах), Минский, Могилевский, Мозырский, Оршанский, Полоцкий, Слуцкий. Но уже в следующем году округа преобразовали в области. В 1938 году их было пять: Витебская, Минская, Могилевская, Гомельская, Полесская (с центром в Мозыре).

* * *

Ситуация кардинально изменилась в 1939 году. 17 сентября Красная Армия вторглась на территорию Польши. Так называемый «освободительный поход» повлек за собой присоединение к БССР поветов Западной Беларуси.

Вильня на три недели снова стала беларуской. Здесь начали выходить газеты на беларуском языке, формировались новые органы городской власти. По ночам сотрудники НКВД арестовывали беларуских националистов, недавно приветствовавших приход советских войск и мечтавших о воссоединении Виленского края с Отчизной. Спасались как могли польские военнослужащие,

чиновники, полицейские, а также представители еврейской буржуазии.

И вот наступило 10 октября. Утром Вильня проснулась в другой стране – в Литовской республике. Советские газеты напечатали разъяснение В.М. Молотова. Он признал, что в Вильне и Виленском крае живут в своем большинстве не литовцы, однако город отдан Литве ради политических выгод СССР. Так исчезла беларуско-польско-еврейская Вильня, а вместо нее появился жемойтский Вильнюс.

Вот как вспоминал о тех октябрьских днях один из беларуских интеллигентов:

> «22 октября 1939 года в Вильню приехали расфуфыренные словно петухи первые литовские полицейские. И кто избежал ареста, тот остался в живых...
>
> 28 октября летувиская полиция полностью заполнила город. Носила она синие шинели, красные нашивки, шапки с красными околышами, и говорила исключительно по-жемойтски. За внешний вид и непонятную речь виленчуки метко прозвали их «калакутасы» — «индюки». На следующий день в Вильню вошла бригада летувиского войска, а за ним спешили сотни «шаулисов», чтобы занять теплые должности.
>
> Жемойтские вооруженные подразделения вошли в Вильню как чужие в чужой город. Здесь тогда не было и 2% летувиского населения, оно терялось в славянском море. Поэтому никто их войско не встречал, никто не приветствовал.
>
> Скоро пошли новые порядки. Старых жителей, поляков и беларусов, выбросили из городской управы, железной дороги, предприятий и учреждений, школ, администрации. Их места занимали малограмотные пришельцы. Вскоре они понавесили свои вывески, поменяли на свой лад названия улиц. Сразу ввели жемойтский язык во всех органах и учреждениях. Тепер Вильня стал немой: повсюду требовался переводчик. Люди жаловались, проклинали, возмущались что не могут договориться в своем родном городе по самым мелким житейским делам».
>
> (Язэп Малецкий. Под знаком Погони. Торонто. 1976 год)

Надо сказать в этой связи, что в августе 1940 года, когда независимую Литву превратили в Литовскую ССР, Сталин передал ей еще один кусок Западной Беларуси с городами Друскеники, Свенцяны и Солечники. За обладание курортом Друскеники литовские и беларуские большевики спорили несколько месяцев, но в итоге победили литовцы. Так еще около двух тысяч квадратных километров достались Летуве.

Взамен польских воеводств (Белостокского, Новогрудского, Полесского) большевистское руководство БССР, по согласованию с Москвой, создало в западной части республики 5 областей: Барановичскую, Белостокскую, Брестеткую, Вилейскую и Пинскую. Их, в свою очередь, разделили на районы. Площадь БССР составила 235 тысяч кв. км, а население достигло 10 миллионов человек.

19 ноября 1939 года было произведено разграничение районов между БССР и УССР. Основой для линии административного разделения стали границы между бывшими Минской, Гродненской и Волынской губерниями. Однако при этом возник территориальный спор с Украиной. Хрущев (в то время первый секретарь ЦК КПУ) хотел присоединить к Украине города Брест, Кобрин, Лунинец, Пинск, Пружаны, Столин. 22 ноября он и Пономаренко (первый секретарь ЦК КПБ) обсуждали этот вопрос со Сталиным. Хрущев ссылался на атамана Северина Наливайко и гетмана Богдана Хмельницкого, пытавшихся в XVI–XVII веках присоединить указанные земли к территории,

подконтрольной Войску Запорожскому. Но Сталин взял сторону Пономаренко и сказал, что ссылки на казацких атаманов несерьезны.

* * *

Новая угроза территории БССР возникла после освобождения от нацистов.

Во-первых, Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев задумали присоединить к России Полоцк. 14 августа 1944 года состоялось совещание у Сталина, где Пономаренко доказал, что Полоцк вместе с областью является беларуским.

> «У товарища Пономаренко были три аргумента, которые и победили в споре со Сталиным. Первый был тот, что Полоцк уже давно, более 20 лет, входит в состав советской Белоруссии. Второй, он весьма интересен, — Полоцк является родиной великого беларуского первопечатника Франциска Скорины. Но самым существенным было то, что Белоруссия и так уже пострадала территориально: отдали Литве несколько районов, теперь собираются отдать Польше Белосточчину, а если отдадут и Полоцк, то белорусы этого никак не поймут и сильно обидятся. Сталин подумал и согласился».
>
> (Н. Зенькович «Чья Белоруссия. Границы. Споры. Обиды». М., 2000 г.)

Во-вторых, 10 августа 1945 года был принят закон о Советско-Польской границе. Согласно ему Польше досталась почти вся Белостокская область (17 районов), плюс к тому 3 района Брестской области. Так города Августов, Белосток, Бельск, Гайновка, Дрогичин, Ломжа и другие стали польскими, видимо, уже навсегда. Взамен БССР получила всего лишь 15 деревень на бывшей польской территории.

В 1950 году Польша дополнительно получила еще несколько беларуских деревень.

Беларусь стала единственной страной из числа основателей ООН и победителей фашизма, которая утратила часть своей этнической территории.

Ее обокрали проворные и наглые соседи. Особенно это касается русских.

* * *

Во времена правления Н.С. Хрущева, передавшего в 1954 году Крым из РСФСР в состав Украинской ССР, существовал план передачи БССР Калининградской области. На картах уже рисовали «коридор» между ней и БССР через Литву и Польшу. Но при этом в Москве хотели отдать Гродно Литовской ССР! К счастью, эти планы не осуществились.

В 1964 году БССР получила из состава Смоленской области 8 деревень и территорию площадью 2256 гектаров (бывшей Ослянской волости Мстиславского уезда), которые вошли в Мстиславский район. Это были земли колхоза «Путь к коммунизму».

В конечный период существования СССР, в условиях острой политической борьбы между сторонниками и противниками сохранения Советского Союза, снова был поднят вопрос о беларуских границах. Президиум Верховного Совета БССР — по указке Москвы — принял постановление о Вильне. Мол, если Литва заявит о выходе из Советского Союза, то БССР будет претендовать на Виленский край — в соответствии с принципом возврата к границам сентября 1939 года. Параллельно московские стратеги пугали литовских «незалежников» планом создания в Виленском крае польской автономии, по образцу Приднестровской республики.

Тогда же имела место попытка создания некой «ятвяжской» (или полесской) автономии со столицей в Пинске. В этом городе даже начала выходить газета на «ятвяжском языке», а фактически — на основе западнополесского диалекта беларуского языка. Но и эта авантюра провалилась.

В августе — сентябре 1991 года отдельные московские политики высказывались в том смысле, что Беларусь «должна вернуть» России всю Витебскую область и часть Могилевской.

* * *

В декабре 1991 года на карте Европы появилась независимая Республика Беларусь в административных границах 1964 года. В этой связи встал вопрос о точном определении их линии. В советское время это было сделано только в отношении Польши.

Лишь 26 октября 1996 года Беларусь ратифицировала договор о Беларусско-Литовской границе. Соглашение юридически утвердило и закрепило государственную границу на основе «советской» линии 1940 года.

С Украиной делимитация границы в основном проведена, но до сих пор официально не утверждена. Самые неопределенные границы Беларуси — с Россией. Здесь возможно возникновение споров за конкретные участки.

Понятно, что сегодня границы в Европе неприкосновенны. Это — политический аспект проблемы. Но как быть с различными интерпретациями границ и территорий в учебниках, научных исследованиях, многочисленных исторических картах, издающихся в разных странах? Эти карты нам надо знать. Глупо прятать шило в мешке, потому что оно рано или поздно кого-нибудь уколеот.

С другой стороны, история свидетельствует, что ничего неизменного на свете нет. В том числе и границ. Как бы мы ни противились, но границы менялись, меняются и будут меняться. Иной вопрос, как это происходит.

Например, в Европе произошел уникальный случай — раздел Чехословакии. Чехи и словаки сели за стол и по-братски все поделили. Никаких территориальных споров между ними нет.

Совсем другой пример — распад Югославии. Мы видели, сколько крови там пролилось. А Карабах? А Южная Осетия и Абхазия? А Приднестровье? Вот почему так важно не только уважать своих соседей, но и обладать исторической памятью.

Если мы ставим перед собой цель восстановить свою утраченную культуру и заново обрести историческое наследие, то самая цивлизованная перспектива для нас — вступление в Евросоюз. Тогда в Вильню, Друскеники и Двинск, в Белосток и Дрогичин мы будем ездить без виз.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Сергей ХОМИЧ — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Национальной Академии Наук Беларуси.

ПОТЕРИ БЕЛАРУСОВ: ПЕЧАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Вадим Деружинский

В СССР нас приучили к тезису о том, что Великая Отечественная война была «самой страшной войной в истории беларусов». Однако оценки потерь беларусов в Великой Отечественной войне (погиб каждый четвертый беларус) — не соответствуют фактам и просто баснословны, тогда как войны, действительно КАТАСТРОФИЧНЫЕ для Беларуси, преданы забвению.

САМЫЕ СТРАШНЫЕ ВОЙНЫ БЕЛАРУСИ

В советское время пропаганда называла Великую Отечественную войну «самой страшной войной в истории беларусов». Это не так. «Самой страшной» — в плане людских потерь и демографических последствий — была война 1654–1667 годов.

Хотя правда о войне 1654–1667 годов замалчивалась в СССР, некоторые историки и тогда пытались сказать о ней хоть несколько слов.

> «Для белорусов эта война оказалась губительной. ...Война и сопутствующие ей голод и эпидемия унесли на тот свет половину населения: из 2.9 миллиона человек к 1667 году осталось в живых 1.4 миллиона. Никогда прежде белорусские земли не терпели такого страшного урона в людях. Огромный ущерб потерпели хозяйство и культура. На полях сражений погибла наиболее активная часть народа».

Это цитата из статьи Константина Тарасова «Тьмы невежества противник», посвященной 350-летию со дня рождения Симеона Полоцкого и опубликованной в 1979 году в журнале «Неман» (№ 12, страница 166).

А вот что написал о той войне беларуский историк Владимир Орлов в книге «Невядомая Беларусь»:

> «В 1654 году царь Алексей Михайлович развязал очередную войну за «искони русские земли». Прикрываясь словами о защите православия от гнета «проклятых ляхов», в Беларусь вторглись три огромные армии общей численностью до 100 тысяч. Царские воеводы Трубецкой, Шереметьев и казачий атаман Золотаренко заняли Витебск, Полоцк, Оршу, Кричев, Мстиславль, Гомель, Шклов и другие города. Те, которые отказались от капитуляции и мужественно защищались, были по приказу царя разрушены, а их население — перебито или уведено в плен. Самая печальная судьба ожидала Мстиславль, где, как свидетельствуют российские исторические документы, «шляхты, литвы и иных служилых людей побито больши десяти тысяч». В руины превратились Речица, Жлобин, Рогачев. В 1655 году была занята Вильня.
>
> Все данные Алексеем Михайловичем гарантии, что он сохранит права и имущество беларуской шляхты и обеспечит православным беларусам (отказавшимся под угрозой смерти от Унии и перешедшим в Московскую веру. *Прим. Авт.*) спокойную жизнь (обещания, которые, надо сказать, оказали на пограничных с Россией землях довольно значительное влияние), были забыты. На захваченных землях царские во-

* Специально для дайджеста «Деды».

яки чинили неприкрытый грабеж и насилие. В ответ началось массовое партизанское движение, особенно активное на Мстиславщине (кстати, именно с той войны берет начало знаменитая на весь мир беларуская партизанская традиция). В июле 1654 года отряд из трех тысяч беларуских крестьян Колесниковской волости героически атаковал 15-тысячное войско воеводы Трубецкого. Жители Могилева, сдавшие город царским стрельцам без боя, не выдержали измывательств и бесконечных грабежей: 1 февраля 1661 года они подняли восстание и за несколько часов вырезали весь 7-тысячный царский гарнизон. Народно-освободительное движение на оккупированных беларуских землях дало войскам Речи Посполитой возможность перейти к успешным боевым действиям. В результате Андрусовского перемирия 1667 года Смоленское и Черниговское воеводства отошли к Российскому государству, но весь север Беларуси царю Алексею Михайловичу пришлось вернуть.

Наша страна вышла из той войны, понеся тяжелейшие потери. Беларусь недосчиталась свыше половины жителей, погибших в битвах, умерших от голода, переселенных в Россию. В абсолютных цифрах это выглядело так: из 2 млн. 900 тыс. в живых осталось около 1 млн. 350 тыс., а на востоке Беларуси не уцелело и трети населения. Пленных беларусов московские стрельцы продавали на астраханских рынках в персидское рабство по три рубля за душу.

Как пишет исследователь тех событий Геннадий Саганович, война 1654–1667 гг. словно подменила нашу землю. Иным стало практически все: от условий жизни до национального генофонда. Беларусы почти лишились своей элиты, горожан, предпринимателей. Именно в результате этой войны на чужбине, в Москве и других российских городах оказались тысячи и тысячи образованных и мастеровитых беларусов, о которых шла речь выше. А крестьянскому народу подниматься до национальной консолидации было невероятно тяжело. Как раз в той экономической, культурной, демографической катастрофе — истоки многих национальных комплексов и бед сегодняшних беларусов».

Советская пропаганда любила иллюстрировать «чудовищные потери Беларуси в Великой Отечественной войне» тем фактом, что довоенной численности населения БССР достигла через 25 лет. Но после войны 1654–1667 годов прежняя численность населения восстановилась только через 122 года! Уже одно это показывает, какая война действительно была самой страшной в истории Беларуси.

* * *

«Атлас истории Беларуси XVI–XVIII веков» (Минск, 2005) на странице 19 дает диаграмму, иллюстрирующую изменение численности населения Беларуси в 1650–1772 годах. В 1650 году жило 2,9 млн. беларусов, в 1667 – уже только 1,4 млн., в 1700 — 2,2 млн., в 1717 — снова 1,5 млн., в 1772 — 2,9 млн.

Вторая волна спада численности беларусов (с 1700 по 1717 годы) вызвана второй страшной войной — Северной войной, в которой погиб каждый третий беларус. Вот что пишет о ней Владимир Орлов:

> «Каждый третий погиб в Беларуси в годы Северной войны. Петр I старался вести ее на чужой для него беларуской земле, где стояла 70-тысячная российская армия. В той войне Россия и Речь Посполитая были союзниками, но поведение петровского воинства больше напоминало действия захватчиков. Стоит вспомнить, что сам император вместе с Александром Меньши-

ковым лично участвовал в убийстве пятерых униатских священников в полоцком кафедральном Софийском соборе. Царскому правительству пришлось объясняться по поводу этого инцидента с европейскими дворами, используя самые фантастические отговорки. Но Петр с его патологической ненавистью к униатам на том не успокоился и велел превратить полоцкую Софию (которая со времен Брестской церковной унии 1596 года была главным храмом беларуских греко-католиков) в военный склад, где держали амуницию и лошадей, а в подземельях – пороховые запасы. Достаточно было искры, чтобы беларуская святыня взлетела на воздух, и по странной «случайности» эта искра вспыхнула 1 мая 1710 года, как раз накануне ухода российского войска из Полоцка. Древний храм, символ былого величия и независимости, превратился в руины.

Тяжелые потери несли от «союзников» и сотни других беларуских городов, местечек и деревень. Зимой 1707 года российская кавалерия ограбила в Минске женский униатский монастырь Святой Троицы. Затем пришел черед Святодуховской церкви на Высоком рынке и других храмов и монастырей, в том числе православных. По следам грабителей шли царские казаки и калмыки. Минское православное братство призвало жителей к оружию, и мародеры получили на Немиге отпор.

Драматическая судьба постигла в Северную войну один из богатейших беларуских городов – Могилев. По приказу российского командования он безо всякой военной надобности был разрушен и сожжен. Судьбу Могилева разделили Витебск, Гродно, Несвиж... Беларусь потеряла 700 тысяч жителей. Всего около 10% населения осталось в Шкловском графстве. Три четверти крестьянской пахотной земли пустовало в Гродненской экономии. Типичной картиной были тогда заросшие сорняками и лесом поля, брошенные деревни и поместья».

* * *

Согласно расчетам демографов, если бы этих двух войн не было, то население Беларуси сегодня составляло бы 33–35 млн. человек. Примерно такую же цифру мы получим, если возьмем отношение площади страны к численности ее населения у соседей (например, в Польше или Украине) – и приложим это отношение к площади Беларуси.

Столь чудовищные потери населения Беларуси деформировали ее дальнейшее развитие. Если при создании Речи Посполитой мы были примерно равны с поляками по численности (поляки опережали ненамного), то демографический урон в ходе этих двух войн уменьшил наш политический вес в Речи Посполитой и способствовал польскому доминированию во всех сферах жизни.

Отмечу также, что нынешняя численность населения Беларуси (9,7 млн. человек) делает нас «средней» страной Восточной Европы, стоящей в одном ряду с Чехией, Словакией, Болгарией, Сербией. Численность населения в 35 млн. человек дала бы иной политический статус государству и самой нации: с такой страной куда больше считаются в мировой политике.

Есть и еще одно важное последствие тех двух страшных войн, о котором никто ранее не писал. Я полагаю, что огромный демографический урон именно беларуских земель в ВКЛ прекратил процесс беларусизации жемойтов и аукштайтов: в итоге они смогли сохранить свою национальную самоидентификацию восточных балтов и, в конечном итоге, создали в 1918 году свою Республику Летуву (историческую Самогитию).

Согласно документам ВКЛ (например, Переписям войска ВКЛ в 1528 и 1567 годах), в Жемойтии шел актив-

ный процесс беларусизации зарождавшейся там местной жемойтской шляхты, которая автоматически принимала беларуский язык. Кстати, по этой причине Статуты ВКЛ так и не были никогда переведены на язык летувисов (то есть, жемойтов и аукштайтов): в этом не было нужды, так как всякий шляхтич-жемойт был обязан знать государственный язык ВКЛ.

В Переписи войска ВКЛ 1528 года в этнических землях жемойтов и аукштайтов (то есть, в нынешней Западной Летуве) около 80% шляхты — беларусы (литвины) с фамилиями на «-вич», а около 20% — жемойты и аукштайты. В Переписи войска ВКЛ 1567 года это соотношение заметно меняется: 60% беларусов против 40% жемойтов и аукштайтов. Но при этом разрастании шляхты жемойтов и аукштайтов в Восточной Летуве прослеживается и тенденция перехода летувисов на наши беларуские (литвинские) фамилии — на «-вич».

Сама эта тема требует отдельного исследования, которого еще никто никогда не проводил. Я предполагаю, что когда после двух чудовищных войн наше государство наполовину опустело (именно в землях Беларуси, Жемойтии эти войны почти не коснулись) — значительно ослабло и наше «колониальное» влияние на восточных балтов в ВКЛ, что остановило дальнейший процесс их беларусизации.

Без этих войн жемойты и аукштайты к 1750 1800 годам полностью растворились бы в беларуском этносе — вслед за растворением в нем зарождавшейся в начале XVI века шляхты жемойтов и аукштайтов. Процесс был прерван именно войнами 1654 -1667 и 1700–1721 годов. В противном случае сегодня территория нашей страны была бы существенно больше, и намного больше был бы этнос беларусов (литвинов), дополненный этносами жемойтов и аукштайтов.

Следствием этих двух войн стало катастрофическое снижение плотности нашего населения - в сравнении с аналогичным показателем у соседей. Мы не только потеряли Жемойтию и Аукштайтию — нам стало крайне тяжело ПОЛИТИЧЕСКИ удерживать от соседей даже свои беларуские земли.

Вспомните хотя бы о том, как делили Беларусь между соседями в начале XX века. После долгих требований беларуского руководства РСФСР вернула нам только часть беларуских областей, оставив себе без всяких объяснений половину Витебской области и всю Смоленскую область. У соседей в каждой области ее центр в центре территории и расположен. Но если вы посмотрите на современную административную карту Беларуси, то увидите, что все ее областные центры (кроме Минска) лежат почти у границ с соседними странами. Почему? Да потому, что мы с каждым новым «разделом территории» постоянно УРЕЗАЛИСЬ в пользу соседей: для сравнения взгляните на административную карту ВКЛ XVI или XVII веков: там действительно нынешние областные центры лежат В ЦЕНТРАХ подконтрольных территорий.

Это объясняется не «происками врагов Беларуси», как пишут иные историки (мол, поляки отняли Белосточчину, летувисы — Виленщину и Ковенщину, украинцы и русские – прочее), а объясняется именно ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФОЙ Беларуси в результате этих двух войн. Она вызвала у нас снижение в два раза плотности населения. Вполне понятно, что в опустевшие после войн земли потянулись жители соседних регионов, где плотность населения не снижалась, а наоборот росла — и земли были в дефиците. В итоге мигранты составили со временем уже большинство в пограничных окраинах Беларуси — и сами земли ЭТНИЧЕСКИ перестали быть чисто бела-

рускими. Так что винить надо не соседей, а войны.

Ну и, конечно, важно, что в тех войнах этнос беларусов потерял не просто «каждого второго», а потом «каждого третьего» — сама такая формулировка не отражает ВЕСА УТРАТЫ. Была потеряна почти вся активная, лучшая часть этноса: шляхта, воинство и военная аристократия страны, духовенство, мастеровые городских цехов (тогда многие города Беларуси обладали Магдебургским правом), муниципальная администрация, вообще все патриотически мыслящие беларусы.

Поэтому правы историки, говоря о том, что те две войны изменили само лицо нашей нации: ведь погибли лучшие, а оставшиеся жить «пласты населения» в большей своей части потому выжили, что «не лезли на рожон». Такой «отсев» и создал, как вариант «неестественного» отбора (дарвинизм наоборот), нынешнего беларуса — настолько «толерантного» (то есть ТЕРПИМОГО, что было исстари главной чертой беларусов), что эта толерантность граничит уже с полным равнодушием ко всему, что происходит вне его хаты. Ибо равнодушие тогда и позволило выжить выжившим (во всяком случае, большинству выживших).

Война забирает ЛУЧШИХ — это закон. А мы потеряли ЛУЧШУЮ половину своего населения, и сегодня нация беларусов, увы, являет собой наследников не лучшей части нации.

С этой простой и очевидной мыслью многие не хотят соглашаться, но лично я полагаю, что погибшая тогда половина беларусов — родила бы до сего дня (останься она живой) в 5 раз больше духовных наставников (деятелей Церкви), писателей, философов, полководцев, великих дипломатов и государственных деятелей, промышленников, музыкантов, художников — чем родила их выжившая половина. То есть, это была и Цивилизационная Катастрофа для нации беларусов.

Конечно, точно так и в годы Второй мировой войны беларуская нация потеряла свою лучшую, наиболее активную часть — тех, кто считал долгом защиту Отечества, был готов отдать за Беларусь жизнь. Снова погибли лучшие, а люди с менталитетом «моя хата с краю» опять выживали в этом «неестественном отборе». Но в войне с нацистами беларусов погибло все-таки значительно меньше, чем в двух САМЫХ СТРАШНЫХ для нас войнах, о которых сказано выше. И не было после Второй мировой войны для беларусов столь катастрофичных демографических последствий.

КТО ПОГИБ В БССР?

Удивительное дело: в Беларуси Великая Отечественная война возведена в невероятный культ, но никто в стране не знает толком, сколько же беларусов погибло в этой войне.

Цифры потерь БССР были изначально фантастически завышены той ошибкой, что к ним добавили 800 тысяч погибших на территории Беларуси советских военнопленных, которые не являлись жителями БССР — и учтены как убыль В СВОИХ республиках. Считается, что это сделал невежественный Никита Хрущев. В результате возник миф о том, что тут погиб «каждый четвертый». Некоторые историки полагают, что Хрущев в одном из своих докладов просто не понял смысл цифр и ошибочно, для усиления впечатления, зачислил погибших военнопленных СССР к «убыли населения БССР». Далее я покажу, что то была не ошибка, а «политико-идеологическое решение» руководства СССР в идеологической войне против Израиля.

Этот миф стал настолько расхожим в хрущевские годы, что даже в 1985 году его повторила военная энциклопедия

«Великая Отечественная война. 1941–1945», которая на стр. 86 сообщала:

> «За годы оккупации фашисты уничтожили на территории БССР свыше 2 млн. 200 тысяч советских граждан (свыше 1,4 млн. человек гражданского населения и свыше 800 тысяч военнопленных)».

И в том же абзаце делала нелепейший вывод:

> «Всего за годы войны погиб каждый четвертый житель республики».

Конечно, 2,2 млн. — это почти четверть довоенного населения БССР (9 млн.), да вот только 800 тысяч военнопленных не были жителями республики. «Советскими гражданами» — да, но вовсе не гражданами БССР.

Всего же, как сама энциклопедия сообщает, в рядах вооруженных сил СССР (включая партизанские отряды) погибли 250 тысяч беларусов. Статистическое исследование «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» под общей редакцией кандидата военных наук, профессора генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева (Москва, «Олма-Пресс», 2001 год) дает аналогичную цифру — 252,9 тысяч. Но если мы сложим указанные потери мирного населения (1,4 млн.) и воевавшего (250 тысяч), то получится только 1,65 млн. — а вовсе не 2,2 млн. То есть, ошибка уже налицо: погиб вовсе не «каждый четвертый», а только каждый ШЕСТОЙ житель БССР.

То же самое подтверждают и данные демографии. Согласно энциклопедии «Беларусь» (Минск, 2005 год) и другим советским изданиям, в 1940 году в БССР было 9 млн. жителей; в 1950 – 7,7 млн.; в 1960 — 8,15 млн. За 10 лет (с 1950 по 1960 год) население БССР выросло на 450 тысяч, условно можно эту тенденцию перенести на период 1945–1950 гг. (хотя в тот период рождаемость, конечно, была существенно ниже) и вычислить прирост в 225 тысяч. В итоге получим, что в 1945 году население БССР составляло около 7,45 млн. человек. Это означает, что потери БССР составили 1,55 млн.

Ссылки на то, что, дескать, после войны в БССР приехало много русских, опровергаются демографическими данными. В 1959 году русских было в БССР только 660 тысяч, что даже ниже довоенной пропорции, а вот массовый приезд русских в нашу республику начался после 1960 года — к 1979 число русских в БССР удвоилось.

Таким образом, все источники — и военные, и демографические — дружно указывают, что в БССР погибло около полутора миллионов ее граждан. Это составляет одну шестую довоенного населения в 9 млн.

Однако в последние годы некоторые политики, спекулирующие на Победе, которую они трактуют как «символ нашей борьбы с западными ценностями», стали баснословно преувеличивать число потерь БССР — видимо, в рамках некоего идеологического культа «войны с Западом». Теперь они ввели новую цифру — мол, погиб «каждый третий житель БССР», то есть 3 миллиона. Это ни в какие рамки не лезет — столько вообще не погибло в войну на территории БССР, включая даже все здешние военные потери СССР и Германии. В книге генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева указывается, что в ходе освобождения БССР погибли 213,6 тыс. советских военнослужащих, примерно столько же погибло немцев.

Даже если сложить вместе все потери во время войны на территории БССР: мирного населения, советской и германской армий, 800 тысяч умерших от голода и болезней советских военнопленных — все равно цифра будет меньше, чем 3 млн. Но ведь политики-то говорят не о потерях нацистов

и солдат из других республик СССР, — а говорят именно о потерях БССР! Да еще порой и оговариваются, что столько погибло именно БЕЛАРУСОВ!

2 июля 2008 года программа «Панорама» на Первом канале РБ показала сюжет празднования Дня Независимости Республики Беларусь в беларуском посольстве в России, где многие российские деятели повторяли миф о том, что в войну «погиб каждый третий житель БССР».

Более всего увлекся фантазиями лидер КПРФ Г.А. Зюганов: он сказал, что в войну погибла «ПОЧТИ ПОЛОВИНА БЕЛАРУСОВ». Тенденция налицо: чем дальше от войны — тем больше оказывается число погибших беларусов. Не исключено, что скоро все заговорят, как Зюганов, будто бы «погибла почти половина беларусов», а потом и просто «половина». В будущем, глядишь, станут говорить, что вообще все беларусы погибли...

Между тем, данные демографии показывают, что Зюганов фантазирует: никак у нас не могла погибнуть ни «почти половина беларусов», ни треть, ни четверть, ни даже шестая часть, ни даже десятая! Эти фантазии присутствуют и в сознании беларуской молодежи, так как в школах никто не разъясняет, сколько и кого в процентном отношении погибло среди народов БССР. Я не раз встречал на форумах в Интернете суждения молодых людей о том, что, дескать, евреев у нас погибло много — да вот беларусов погибло несоизмеримо больше.

Это не просто пробел в образовании нашей молодежи — это пробел в знаниях вообще всех беларусов. И всех россиян тоже.

Наконец, подпитывают такие мифы и СМИ Беларуси. Недавно диктор программы «Наши новости» на канале ОНТ ошибочно сообщил стране, что «в БССР погибло 300 тысяч евреев» — рассказывая о «Книге Памяти», куда заносятся имена погибших беларуских евреев. На самом деле это только в «Книгу Памяти» занесли 300 тысяч установленных имен погибших (в 2007 году было лишь 280 тысяч), а общее число погибших евреев БССР — около 1 млн. Только в Тростенецком лагере смерти, в 11 км от Минска, погибло до полумиллиона евреев. Тростенец — четвертый в ряду печально знаменитых Освенцима, Майданека, Треблинки (а многие историки вообще считают его вторым после Освенцима).

Что касается числа погибших беларусов, каковое Зюганов определил в «почти половину», то из довоенных 7,2 млн. беларусов погибли от 500 до 650 тысяч. Далеко не «почти половина». Это, конечно, много — но даже не «каждый шестой», а менее чем каждый десятый. Но самое интересное то, что в указанную цифру входят (от трети до половины) и те беларусы, которые к СССР никаких симпатий не испытывали.

В книге генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева указывается, что несколько десятков тысяч беларусов в составе Красной Армии были расстреляны карательными органами за «нежелание воевать», либо умерли в лагерях, где оказались по тому же обвинению.

Так, 23–24 июня 1941 года, на второй — третий день войны, сотрудники НКВД расстреляли многих политических заключенных в тюрьмах БССР и УССР — так называемые «нежелательные классовые элементы» из оккупированных СССР Западной Беларуси и Западной Украины (священников, предпринимателей, чиновников, торговцев, интеллигентов, парламентариев, сотрудников правоохранительных органов, офицеров запаса и прочих).

Еще в число указанных потерь беларусов входят от 60 тысяч до 120 тысяч (по разным оценкам) «невозвращенцев» из числа вывезенных в Германию

на трудовые работы, которые предпочли не возвращаться в СССР, а стали гражданами западных стран. Плюс беларусы-католики, которые в 1944–1947 гг. «записались в поляки», чтобы уехать в Польшу (несколько десятков тысяч среди 1,5 млн. поляков, покинувших тогда СССР). Ну, и самое главное — в числе этих «жертв фашизма» есть и беларуские фашисты.

Как известно, более 120 тысяч советских людей (в том числе десятки тысяч — бывшие комсомольцы и коммунисты, даже несколько Героев Советского Союза) служили в войсках СС (waffen SS).

Так, Россию представляла 15-тысячная 29-я русская дивизия СС (сформированная на базе Русской Освободительной Народной Армии) и 15-й казачий корпус СС в 25 тысяч человек. Латвию — 15-я и 19-я дивизии СС (около 30 тысяч); Эстонию — 20-я дивизия СС (15 тысяч); Украину — 14-я дивизия СС «Галичина» (до 20 тысяч человек).

По разным оценкам, от 160 тысяч до 240 тысяч беларусов активно сотрудничали с оккупантами. В Беларуси местной марионеточной администрации удалось сформировать 39 стрелковых и 6 саперных батальонов Беларуской краевой обороны (территориальной армии). На их основе позже была создана 30-я дивизия СС «Белорутения» (около 20 тысяч человек).

Вне связи с ней генерал НКВД Б. Кобулов докладывал, что только с сентября 1944 по март 1945 года (то есть за 7 месяцев) в БССР было арестовано 100 тысяч «пособников оккупантов».

Нетрудно увидеть, что из числа погибших в войну 500–650 тысяч беларусов почти половина либо погибла в войне против СССР, либо входит в число «невозвращенцев», либо была уничтожена карательными органами СССР.

По своему характеру война 1941–1945 годов была вовсе не «отечественной», а продолжением Гражданской войны. Поэтому потери беларусов в войне — это не только потери от «зверств фашистов»: к ним, например, никак не причислить 30-ю дивизию СС «Белорутения» — 20 тысяч беларусов. Это ведь не просто фашисты, а эсэсовцы, то есть, фашисты в квадрате.

А мы их считаем «жертвами фашистского геноцида», да еще выдумываем, будто бы «Гитлер хотел всех славян уничтожить». Когда он из славян создал три дивизии и корпус СС, где служили около 40 тысяч русских, 20 тысяч беларусов и 20 тысяч украинцев! Логика советского официоза в данном вопросе не то, что «хромает», она просто отсутствует. И нет мировых аналогов такому факту. Например, разве служили в Красной Армии 80 тысяч сдавшихся немцев?

* * *

Все эти факты, конечно же, в СССР старались скрыть. Одновременно скрывали и тотальное уничтожение советских евреев. Не только потому, что сионистская идеология шла в разрез с идеологией КПСС. Но и потому, что уничтожением евреев на оккупированных территориях занимались не столько немцы, сколько отечественные коллаборационисты.

Хатынь из прочих сотен сожженных сел БССР именно потому в СССР возвели в культ, что она была беларуским селом, а не еврейским местечком.

Но даже в этом избранном примере «не все гладко». Печально знаменитую Хатынь 22 марта 1943 года сожгли вовсе не немцы, а полицаи из Украины — 118-ый украинский полицейский батальон.

Мало того, костяк батальона составляли бывшие кадровые офицеры Красной Армии. В декабре 1986 года, в ходе судебного процесса, бывший начальник штаба 118-го украинского полицейского батальона Васюра говорил:

«Это была шайка бандитов, для которых главное — грабить и пьянствовать. Возьмите комвзвода Мелешко — кадровый советский офицер и форменный садист, буквально шалел от запаха крови. Повар Мышак рвался на все операции, чтобы позверствовать и пограбить, переводчик Лукович истязал людей на допросах, насиловал женщин... Все они были мерзавцы из мерзавцев»...

А вот 90% остальных сожженных вместе с жителями сел Беларуси — это именно еврейские местечки, и проводили такие «акции» — как правило — вовсе не немцы, а литовские, латышские, эстонские, украинские, русские фашисты из всевозможных «охранных», «вспомогательных» и «антипартизанских» подразделений. Что весьма прискорбно, были среди них бойцы и тех 39 стрелковых батальонов БКА, которые позже превратились в 30-ю беларускую дивизию СС.

В подаче истории войны идеологами СССР всегда существовала «брешь»: с одной стороны, они в многочисленных фильмах (художественных и документальных) показывали розыск и судебное возмездие по отношению к беларуским коллаборационистам и фашистам (коих определяли числом от 160 до 240 тысяч) — вполне справедливо обвиняя их в геноциде.

Но при этом события прошлых лет подавались таким образом, будто бы эти беларуские (и прочие доморощенные) фашисты уничтожали селения «жителей Беларуси» (дескать, населенные беларусами) только «за помощь партизанам», но никогда — по этническому признаку. Сама тема уничтожения евреев в СССР считалась ТАБУ. Даже на громких судебных процессах 1960–80 годов над бывшими карателями.

Вполне логично сегодня историки Израиля полагают, что такое замалчивание отражало позицию Кремля, считавшего истребление евреев СССР истреблением на корню и самой идеологии сионизма. Видимо, такая концепция близка к истине. Во всяком случае, она объясняет все: и замалчивание числа погибших в БССР евреев (до 900 тыс.), и замалчивание факта службы десятков тысяч беларусов режиму Гитлера, и путаницу с числом погибших в войну беларусов.

Замалчивается и тот важнейший факт, что война НЕУЗНАВАЕМО изменила демографическую структуру республики. Если до 1941 года евреи составляли весьма значительную часть населения во всех городах Беларуси (от 20 до 50%), то теперь их просто не стало. Нежелание вспоминать об этом израильские историки воспринимают болезненно — как знак нашего «одобрения» — мол, «и слава Богу».

Во времена ВКЛ (с XIV по XVIII век) евреи никак не мешали белорусам, а вот в составе Российской империи восточные соседи стали усиленно навязывать нам свой антисемитизм — параллельно с ксенофобским великодержавным менталитетом Московии. Издающийся в России еврейский журнал «Лехаим» писал в ноябре 2006 года:

«Война стала Катастрофой белорусского еврейства. В 1941 - 1945 годах здесь погибло 983 тысячи евреев, в том числе 85 тысяч иностранных евреев. На территории 207 населенных пунктов было создано 220 гетто. Большая часть узников Минского, Полоцкого и других гетто и евреи стран Европы были уничтожены в Тростянецком лагере смерти».

Евгений Розенблат и Ирина Еленская в журнале «Диаспоры» (2002, № 4, с. 27–52) опубликовали статью «Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке». В ней они, в частности, писали:

«Нападение нацистской Германии на Советский Союз и годы немецко-фашистской оккупации имели самые трагические последствия для еврейского населения. Эвакуация проводилась в спешке. Стремительное наступление противника помешало провести мобилизацию и эвакуацию в западных областях. Точные данные о том, сколько евреев успело покинуть республику до того, как ее оккупировали нацисты, отсутствуют.

...До сих пор вопрос о количестве жертв Холокоста в Белоруссии остается одним из самых сложных и дискуссионных. Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников не занималась специальным выяснением вопроса о национальном составе жертв нацизма. По официальному заключению комиссии, на территории республики за годы оккупации погибло 1.409.225 мирных граждан и 810.091 военнопленных.

...По подсчетам Э.Г. Иоффе, на территории Беларуси, с учетом областей, входивших в состав БССР накануне войны (т.е. включая Белостокскую область), за годы Великой Отечественной войны погибло 946 тысяч евреев, из них 898 тысяч непосредственно в результате «окончательного решения еврейского вопроса» и 48 тысяч — на фронтах (Іофе Э. Колькі ж яўрэяў загінула на беларускай зямлі у 1941–1945 гг. /«Беларускі гістарычны часопіс», 1997, № 4, с. 49–52.).

Р. Хилберг оценивает потери в один миллион человек (такая же цифра фигурирует в Энциклопедии Холокоста) (см.: Hilberg R. The Destruction of the European Jews. Revised and Definitive Edition. New York – London. Holmes and Meier. 1987, page 767: Encyclopedia of the Holocaust. Ed. by I. Gutman. Jerusalem. 1990, volumes 1–4).

Последние исследования показали, что только на территории западных областей было уничтожено от 528 до 569 тысячи евреев (Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси. 1941–1944 гг. Дисс. канд. исторических наук. Минск. 1999, с. 106.).

...По данным на 1944–1945 годы, в Бресте оказалось всего 186 евреев (0.45% горожан), в то время как накануне войны здесь их насчитывалось до 25 тысяч (около 40% жителей города). В Брестской области после освобождения было зарегистрировано только 344 еврея, что составляло 0,075% жителей области. Таким образом, в результате Холокоста произошла необратимая смена этнического состава городов и местечек».

Итак, Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников «не занималась специальным выяснением вопроса о национальном составе жертв нацизма».

Почему же? Ответа нет.

«По официальному заключению комиссии, на территории республики за годы оккупации погибло 1.409.225 мирных граждан и 810.091 военнопленных». Но эти военнопленные — вовсе не жители БССР.

Если верить достаточно обстоятельной «Энциклопедии Холокоста», то из 1.409.225 погибших мирных граждан БССР — 1 миллион были евреями, а остальные 409.225 – это беларусы, поляки, украинцы, русские и другие национальности.

По моему мнению, непосредственно беларусов в войну погибло около 350 тысяч мирных граждан и 250 тысяч военнослужащих. Итого — около 600 тысяч. Это 8,3% беларусов. То есть в войну

погиб КАЖДЫЙ ДВЕНАДЦАТЫЙ беларус — а не «каждый третий», не «каждый четвертый» и даже не «каждый десятый».

Что касается вопроса о том, кого в войну погибло больше — евреев или беларусов, то ответ такой: евреев БССР в войну погибло в полтора раза больше, чем беларусов (0.9–1 млн. против 0.6 млн.).

СПЕКУЛЯЦИИ

Так почему даже сегодня никто на торжествах в честь Победы не говорит, что две трети погибших жителей БССР были евреи? Почему баснословно раздувается число погибших беларусов — до абсурдных размеров? Почему слагают песни, что, дескать, у беларусов было четыре березки, а после войны осталось только три — мол, четверть беларусов погибла? А сейчас можно уже новую песню сочинять — про три березки...

Журнал «Леханм» писал в статье «Эта бедная Белая Русь...» в ноябре 2006 года:

> «В 1945–1946 годах волна антисемитизма прокатилась по многим населенным пунктам Беларуси. Кроме заместителя председателя СНК Г.Б. Эйдинова, евреев на уровне высшего партийного и государственного руководства республики не осталось. После убийства в Минске в 1948 году выдающегося еврейского артиста С.М. Михоэлса в БССР, как и по всей стране, началась антисемитская вакханалия. Евреев арестовывали только за то, что они изучали иврит и идиш, читали книги Шолом-Алейхема.
>
> В 1959 году в Беларуси насчитывалось 150 тысяч евреев. По переписи 1979 года в БССР жили 135 тысяч евреев, а в 1989 году — 112 тысяч. Разгул государственного антисемитизма в 1970-х годах привел к тому, что в 12-томной «Беларускай Савецкай Энцыклапедыі» не было даже статьи «Евреи». В этом издании не нашлось места Марку Шагалу и Хаиму Сутину, уроженцам Беларуси.
>
> В 1989–1994 годах число репатриировавшихся из Беларуси в Израиль составило 49.243 человека. За это же время еврейская эмиграция в Соединенные Штаты и другие страны составила 21.127 человек. В 1999 году в Беларуси проживало 27.810 евреев».

Тут, пожалуй, и кроется ответ на первую «загадку»: почему во времена Хрущева число погибших в БССР было искусственно «раздуто» прибавлением к ним 800 тысяч погибших военнопленных. Предполагаю, что дело было так.

Миф о «каждом четвертом погибшем в БССР» появился, насколько я смог проследить, в начале 1960-х годов, когда активно шла подготовка к празднованию 20-летия Победы. Структуры ЦК КПСС, ответственные за идеологию, просматривали поступившие для утверждения от военно-исторических учреждений цифры потерь по республикам, в которых впервые вводилась классификация потерь в каждой республике СССР по национальностям. В целом, во всех республиках все выглядело «нормально», и только в одной БССР цифры показывали, что евреев погибло значительно больше, чем беларусов.

Поскольку в то время СССР вел идеологическую войну против Израиля и являлся союзником воевавших против него арабских стран, то о «возникшей проблеме» немедленно доложили самому высшему руководству. Я не знаю, кто именно принимал решение (Хрущев, Брежнев, Суслов, кто-то другой — или все они вместе на заседании Политбюро ЦК КПСС), но было найдено «недопустимым приплетать еврейский вопрос» к празднованию 20-летия Победы. Дескать, Израиль неизбежно

использует опубликованные цифры для каких-то инсинуаций против Советского Союза. Например, там скажут: в БССР евреев больше всех погибло потому, что советские власти не желали ни защищать их, ни эвакуировать. Собственно говоря, в американской еврейской прессе позже именно такие обвинения и появились. Так что опасения были обоснованными, они подтвердились: я сам читал статьи евреев-эмигрантов в русскоязычной прессе США.

Судя по всему, статьи с подобными обвинениями уже тогда появлялись в прессе Израиля, о чем знало руководство СССР. На их фоне опубликование официально признанного ЦК КПСС числа потерь среди евреев БССР стало бы «непростительной идеологической ошибкой». Полагаю, что именно в пику «сионистам» решили прибавить к числу потерь в БССР и 800 тысяч погибших на ее территории советских военнопленных. Это создавало «ПРОПОРЦИИ», при которых число погибших евреев уже не являлось лидирующим. Такой маневр уменьшал возможность идеологических и политических спекуляций вокруг численности погибших в БССР евреев.

Итак, было предписано считать отныне, что в БССР погибли не только 250 тысяч военнослужащих из граждан республики и 1,4 млн. гражданских лиц (среди которых евреев было 850–900 тысяч), но еще и 800 тысяч советских военнопленных. Искусственный характер такого подхода очевиден, так как не учитывались погибшие на территории БССР 85 тысяч иностранных евреев, но засчитывались советские военнопленные, которые тоже не были местными уроженцами.

Да, теперь число «потерь БССР» возрастало до баснословной цифры в почти 2,5 млн. человек. Зато убирало «еврейский акцент» в людских потерях нашей республики.

С той поры все книги советских военных историков и военные энциклопедии СССР стали в обязательном порядке заниматься схоластикой по следующей схеме: сначала прибавить потери мирного населения БССР к погибшим на территории БССР военнопленным — и сказать, что вот столько погибло здесь СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН. Потом приплюсовать к ним 250 тысяч погибших военнослужащих из БССР – и тогда получалось, что «в БССР погиб каждый четвертый».

Именно такой схеме следует изданная в 1985 году военная энциклопедия «Великая Отечественная война. 1941–1945», что прямо говорит: нет никакой ошибки, есть своего рода ЗАГОВОР. Еще раз перечитайте:

> «За годы оккупации фашисты уничтожили на территории БССР свыше 2 млн. 200 тысяч советских граждан (свыше 1,4 млн. человек гражданского населения и свыше 800 тысяч военнопленных)... Всего за годы войны погиб каждый четвертый житель республики».

Удивляет формулировка «каждый четвертый», которая идет в разрез со всем остальным содержанием энциклопедии, где называются КОНКРЕТНЫЕ ЦИФРЫ. Но спекуляция понятна: выше писалось о вообще «советских гражданах», а ниже — уже о «жителях республики».

Авторы энциклопедии, конечно, вполне умели различать эти понятия и складывать цифры. Да вот из ЦК КПСС было указано считать навсегда, что «погиб каждый четвертый житель республики».

Здесь же и ответ на странность «формулировки»: «каждый четвертый», которая не называет цифр. Потому что если называть реальные цифры потерь, то они не соответствуют «каждому четвертому» и открывают совсем иную карти-

ну РЕАЛЬНЫХ потерь, показанную выше.

Все это вбивали в мозги беларусов как «истину». А поскольку численность евреев в Беларуси после войны сократилась до минимума и продолжала сокращаться дальше, то ложь создавала теперь у беларуского народа впечатление, что погибшие в наших землях 850–900 тысяч евреев и 800 тысяч советских военнопленных — тоже были беларусы. Вот так родился миф о неимоверных потерях беларуской нации в этой войне. Мол, «погиб каждый четвертый беларус».

* * *

С первой загадкой мы разобрались — откуда взялся миф о «каждом четвертом». Теперь о второй загадке — откуда взялся миф об уже «каждом третьем».

Ответ на нее лежит в «разгадке» третьей загадки — загадки о том, почему в 2008 году А. Зюганов заявил — мол, погибла в войну уже «ПОЧТИ ПОЛОВИНА БЕЛАРУСОВ».

Тут все просто. Цепляющиеся за идею СССР политики коммунистической ориентации хотят противопоставить национальному самосознанию людей (стремительно возрождающемуся) — советское самосознание, в котором Великая Отечественная война является главным идеологическим инструментом для спекуляций. Им кажется, что раздувание числа потерь в Великой Отечественной войне как бы «повышает ее рейтинг» в сознании населения и тем самым «ограждает его от вредоносных идей западной демократии».

Сегодня идеологи коммунистической и национал-патриотической ориентации изображают войну между СССР и нацистской Германией как войну Цивилизаций — войну Московского великодержавия с Цивилизацией Запада (включая США). В рамках такого «перераставления акцентов» им кажется очень важным преувеличивать свои потери в войне, так как они теперь преподносятся ими как УЩЕРБ, ПРИНЕСЕННЫЙ НАМ ВОЙНОЙ ЗАПАДА ПРОТИВ НАС.

Отсюда становится понятной и выдумка лидера КПРФ о том, что в войну погибла «почти половина беларусов». Он желал бы сказать, что «почти все беларусы погибли», но степень спекуляции не может быть безграничной, как резина, на какой-то отметке все-таки следует остановиться.

Между тем, предлагаемая Зюгановым формула — «погиб почти каждый второй» — должна означать, что в БССР погибли около 4 миллионов из 9, остались 5 миллионов. Но при таких потерях сегодня численность нашего населения была бы не 10 млн., а только около 7.5 млн. человек (согласно данным демографии, за каждое послевоенное десятилетие численность населения БССР возрастала примерно на полмиллиона человек — до наступления эпохи депопуляции) — и на этом уровне остановилась бы на необозримое время. Точно так же, как давно уже не меняется реальная численность населения около 10 млн.

Важный аспект вопроса о демографических потерях заключается в том, что в последние два десятилетия СССР нас задела демографическая катастрофа — депопуляция, а начиная с 1990-х годов в Беларуси смертность превысила рождаемость (как и у всех наших соседей). Поэтому нелепо ставить вопрос — к какому бы году, по мнению Зюганова, мы в его «версии потерь» достигли бы довоенной численности населения. Мы бы ее НИКОГДА не смогли достигнуть из-за этой депопуляции. Тогда как на самом деле достигли за три послевоенных десятилетия.

НЕВЕЖЕСТВО Зюганова и ему подобных «спекулянтов» цифрами потерь шокирует. Эти люди даже не предполагают, что показатели потерь населения

БССР четко зафиксированы государственными комиссиями СССР и отражены в военных энциклопедиях, а также одновременно и независимо отражены в данных демографов. То есть, как минимум ДВАЖДЫ независимо установлены, являются НАУЧНЫМ ФАКТОМ. Нет же, спекулянты хотят видеть «больше потерь в нации беларусов».

Но почему бы Зюганову заодно не «открыть» нам, что, скажем, диаметр Луны составляет не четверть диаметра Земли, а «почти половину»? Почему бы и тут не приукрасить?

Да потому что сразу его назовут фантазером. Но в точно таком же научном – по сути – вопросе о давно выясненных потерях населения БССР никто почему-то не возразил Зюганову. НИКТО! Что же получается – в астрономии врать нельзя, а тут можно?

А ведь это удручающий факт: после распада СССР прошло уже почти два десятилетия, но историки СНГ так и не нашли нужным прояснить вопрос о том, сколько же на самом деле погибло в Великую Отечественную войну жителей БССР, в том числе беларусов и евреев, поляков и русских, татар и украинцев. Что и позволяет всяким Зюгановым заниматься фантазированием.

Самое интересное в том, что истинные цифры погибших в БССР известны давно и всегда были доступны, но вот подытожить их, сделать очевидные выводы никогда не позволялось. Это какой-то «секрет Полишинеля»: историки знают, но молчат.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

ДЕРУЖИНСКИЙ Вадим Владимирович (1965 г.р.) — журналист, редактор газеты «Секретные исследования». Автор многих десятков статей по вопросам истории Беларуси, а также книги «Забытая история Беларуси» (готовится к печати).

ЯНКА КУПАЛА И НЕЗАВИСИМОСТЬ БЕЛАРУСИ

Олег Трусов

27 июля 2009 года исполняется 19 лет с того дня, когда Верховный Совет БССР принял декларацию о государственном суверенитете БССР в составе советской федерации. Декларация провозгласила полное самоуправление республики, приоритет республиканских законов над союзными, право на создание национальной армии, милиции и органов государственной безопасности, утвердила приоритет беларуского языка. С этого политического акта в Беларуси начался новый период политической жизни, завершившийся в декабре 1991 года юридическим и фактическим восстановлением независимости.

Как известно, далеко не всем это понравилось. Спустя какое-то время у нас появились различные «демократы», особенно русскоязычные, которые начали утверждать и продолжают говорить до сих пор, что независимость свалилась на беларусов внезапно, «словно снег на голову». Одна такая «демократка» сказала даже, будто бы независимость «упала на беларусов как кирпич с крыши». После таких заявлений действительно дальше уже некуда ни идти, ни ехать!

Поэтому более чем уместно вспомнить наших классиков, разрабатывавших национальную идею и концепцию беларуского независимого государства. Одним из идеологов подобной концепции являлся знаменитый поэт и публицист Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич; 1882–1942).

* * *

Формально Купала никогда не принадлежал ни к одной партии, но уже с молодых лет хорошо знал беларуских громадовцев. Так, в одном из своих писем он вспоминал, что в 1904–1905 годах познакомился с Владимиром Самойло и Александром Бурбисом, и что они снабжали его нелегальной литературой*. Кстати, Самойло был репетитором, то есть учителем Янки Купалы. Именно по протекции Самойло 28 мая 1905 года в газете «Северо-Западный край» было опубликовано стихотворение Купалы на беларуском языке «Мужык» — первое его печатное произведение.

Важную роль в приобретении Купалой общего образования сыграл известный беларуский этнограф Бронислав Эпимах-Шипило. Именно к нему в Санкт-Петербург поехал в декабре 1909 года Купала с рекомендательным письмом от В.И. Самойло. Шипило не только помог молодому поэту поступить на курсы, но и помог деньгами, устроил на работу в Публичную библиотеку.

Купала прожил в Петербурге 44 месяца, этот период жизни стал его «университетом». В решающей мере способствовало становлению политических убеждений поэта его участие в работе

* Специально для дайджеста «Деды».

* В. Самойло (1878–1941) — беларуский публицист, критик, издатель. С 1918 жил в Вильне. С 1923 года являлся одним из ведущих публицистов западнобеларуской периодической печати, настойчиво критиковал колониальную политику тогдашних польских властей на «крэсах всходних». В октябре 1939 арестован в Вильне агентами НКВД и отправлен в концлагерь, после начала войны с немцами казнен.

А. Бурбис (1885–1922) — актер по профессии, был одним из основателей Беларуской Социалистической Громады, членом ее ЦК в 1903–05. В 1917 возглавлял московскую организацию БСГ, в 1918 консул БНР в Москве. В январе 1919 Бурбис приветствовал создание ССРБ, в июле 1921 года занял пост заместителя наркома иностранных дел советской Беларуси.

научно-литературного кружка беларуских студентов Петербургского университета.

В 1913 году в статье «Почему плачет песня наша?» Купала писал: «Остается нам одна только вера в то, что не за горами уже время, когда наш беларуский народ пробудится как один к новой, светлой жизни». В тот же год в другой статье под названием «Как они воюют» поэт утверждал «...по всей сторонке просыпается простой народ, растут силы демократии, и она берет в свои сильные руки управление краем, и вряд ли уже выпустит».

В своих статьях Купала называл Великое Княжество Литовское «Литовско-беларуским княжеством», подчеркивая непрерывность традиции беларуской государственности.

В 1914 году он опубликовал статью «Имеем ли мы право пользоваться родным языком?», не утратившую своей актуальности до сих пор. В ней поэт напомнил о наличии у беларусов своего государства в прошлом: «Несколько сотен лет тому назад, когда Беларусь жила своей независимой жизнью, имела своих князей, свое вече, могли ли беларусы говорить иначе, чем по-беларуски?».

В том же году Купала в статье «А все ж таки мы живем» сказал: «Если мы посмотрим на то, что сделано за несколько лет нами, беларусами, для подъема своего национального богатства, то душа может только радоваться. В несколько лет мы сделали то, что у поляков и русских делалось чуть ли не целыми веками».

* * *

В 1918 году Купала жил в Смоленске и не принимал непосредственного участия в создании БНР. Поэтому много лет его отношение к событиям 25 марта 1918 года советские историки и литературоведы либо замалчивали, либо сводили к поддержке советской республики. Но лучше всего сказал о своем отношении сам Купала в статье «За целостность Отчизны», опубликованной в январе 1919 года в газете «Беларусь»:

> «Беларусь устами Всебеларуского съезда 1917 года и Рады Республики провозгласила себя независимым государством и как таковая выступит на международной арене. И как на таковую смотрит на нее весь мир. Беларуская делегация в Париже отчетливо воспринимается как делегация Беларуской Народной Республики.
>
> ...И только идея Беларуского государства, в котором беларуский народ был бы хозяином, способна крепко связать обе религиозные группы — католиков и православных, так как и одним, и другим государственная независимость Отчизны дает больше свободы и счастья».

В наибольшей мере Купала проявил себя как идеолог беларуской независимости в 1919–20 годах. В статье «Дело независимости Беларуси за прошлый год», написанной в 1920 году, он выступил как настоящий политолог. В ней Купала обозначил две противоположные силы, проявившиеся в российской революции. Это приверженцы революции социальной и революции национальной.

Сторонники первой, российские большевики, стремятся разрушить национальные перегородки и объединить под красным флагом все народы мира. Национальная революция поставила своей целью освобождение всех наций, ранее угнетенных крупными державами. Далее Купала очень точно отмечает, что обе эти революции ярко проявили свои положительные и отрицательные черты именно на беларуской земле.

Основные моменты купаловской концепции независимости Беларуси хорошо показал беларуский литературовед Вячеслав Рагойша в предисловии

к сборнику стихов и статей Купалы «Жыве Беларусь». По его мнению, стержневая идея нашего классика заключалась в том, что в свободной стране «все равны перед правом и законом», и что «каждый гражданин нашей страны должен пользоваться равным уважением, равной защитой с точки зрения права». Поэт мечтал, что в свободном независимом беларуском государстве не будет «ни эллина, ни иудея» — то есть, будет соблюдаться принцип равенства прав людей всех национальностей.

Янка Купала в 1919 году

Между тем, в органах власти и управления разных уровней советской Беларуси, во всевозможных учреждениях и организациях засели лица некоренного происхождения, воспитанные либо в духе великорусского шовинизма, либо польского национализма. Поэтому вполне справедливо Купала писал:

У беларускім вольным краі,
З ярэмнай збрыўшы старапы,
Царыць чужынец, а ў паслугах
Хто?
— Беларускія сыны!

Болезненной темой в то время, впрочем, как и сейчас, являлся земельный вопрос. Купала надеялся, что в новом государстве крестьяне получат панскую землю в свои руки.

Писал поэт и о наших старинных символах — флаге и гербе, беспокоился о будущем беларуском гимне. И это беспокойство, к сожалению, сегодня по-прежнему актуально.

Потому что поныне отсутствуют слова и музыка, способные вдохновлять граждан Беларуси. Вспомним потрясающие строки британского гимна — «никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом!» И сравним с нашими пресмыкательскими: «мы, беларусы, с братскою Русью...» Выходит, что без «соизволения» Москвы нам и дышать нельзя, не то, что жить своим умом!

Думал Купала о своей армии — гаранте независимости государства. Он даже написал в 1920 году для беларуских жолнеров несколько «военных» стихов-маршей.

Свою позицию по вопросу развития национальной культуры Купала четко сформулировал в стихотворении «Годзе!» (Хватит!), опубликованном в 1921 году:

Годзе заходняй ці ўсходняй культуры!
Для беларуса цана ім адна.
Усе вы, панове, аднолькай натуры
З сэрца чужога кроў ссалі б да дна.

Вашу карысць нам і вашы заслугі
Добра ўжо скеміў таптаны народ;
Добра вядомы і путы і пугі
Несціў якімі ваш захад і ўсход.

Литовско-беларуской столицей Купала называл Вильню и приветствовал в октябре 1920 года открытие Виленского университета. В статье «Воскрешение польского университета в Вильне» он утверждал, что «Вильня — это спорный город, на который заявляют

права три государства — Польша, Литва и Беларусь». Исходя из этого факта, Купала считал, что «Виленский университет Батория должен и обязан удовлетворить духовные потребности всех трех народов: поляков, литовцев и беларусов».

В марте 1921 года Польша и Россия поделили между собой Беларусь. Купала остался в Минске, на советской стороне разорванной пополам страны. В это тяжелое для беларусов время он написал стихотворение «Перед будущим», которым его много раз попрекали враги нашей нации. Именно их имел в виду народный поэт:

А хтось далёкі ці хтось, можа, блізкі
Засеў за наш бяседны, сыты стол
І кідае, як з ласкі, нам агрызкі,
А мы к зямлі з падзякай гнёмся ў пол.

Позже, 15 ноября 1930 года, во время допроса в ГПУ, Купала объяснил «националистическую окраску» стихотворения тем фактом, что территория беларуской советской республики составляла в то время всего лишь шесть уездов бывшей Минской губернии. Способствовало «националистической окраске» и пренебрежительное отношение представителей советской власти к беларускому языку.

Но боль в душе поэта не утихала. В 1926 году он написал следующие строки:

Калісь мы ў Рыгу збожжа везлі,
Цяпер зямлі завезлі часць.

* * *

Публицистика Купалы 1918–20 годов, его стихи в сборнике «Спадчына» — «Буралом», «Званы», «Паязжане», «Першы снег», «Рунь», «Спадчына» и другие, а также трагикомедия «Тутэйшыя» (сборник был опублкован, а пьеса написана в 1922 году) четко засвидетельствовали истинное отношение поэта к октябрьскому перевороту — неприятие.

В 1921 году дело даже дошло до домашнего ареста и конфискации рукописей! Позже советские апологеты Купалы, чтобы как-то выгородить его, придумали тезис «поэт не сразу понял революцию»! Все он прекрасно понял. Купала не мог ни принять, ни оправдать чудовищное избиение собственного народа, которое учинили большевики.

Ведь его взглядам был присущ демократизм, отрицание насилия, приоритет гуманистических духовных ценностей над классовыми и политическими. Напротив, «кредо» большевизма — это уничтожение огромных масс людей на основе искусственно придуманных «социально-политических» критериев и как результат — деградация общества, погрязшего в нищете, невежестве и произволе.

Наиболее «открытое» стихотворение Купалы, выражающее его враждебное отношение к большевизму – «Позвали вас», было написано в 1922 году и сопровождено эпиграфом: «Эўрапейскія дзяржавы пастанавілі запрасіць на міжнародную нараду ў Геную т. Леніна» (З газэт, 1921 г.)

В нем свой вызов большевизму Купала представил в форме бинарного противопоставления «нас» и «вас».

Пазвалі вас на пір пірой,
Пазвалі вас за волю стаць,
І далі ўладу путы рваць,
І далі ўладу біць царой, —
Зрабілі з вас гаспадарой,
І вы з рабой пайшлі ў цары...

Стихотворение содержит разные оттенки политической инвективы в адрес большевистских «царей-рабов» – от едва сдерживаемого гнева до «черной» иронии. Купала предсказал создание большевиками собственной диктатуры,

благодаря которой вчерашние рабы превратятся в новых царей, еще более хищных и кровожадных, чем прежние.

В том же 1922 году вышел из печати четвертый сборник его стихов — «Спадчына». Советская критика встретила эту книгу негативно. Большевики ожидали от поэта прославления революции и принесенных ею перемен. Вместо этого они обнаружили картину того, как революционные вихри разрушают человеческие судьбы, ставят родственников по разные стороны баррикад, заводят людей в житейские тупики.

Купала с 1917 до 1930 года несколько раз впадал в молчание. Это было внутреннее переживание яростного протеста против окружающей «социалистической практики», которое внешне выражалось в так называемой «внутренней эмиграции». Точно так же, как его герой Янка Здольник, когда ему становилось неуютно и душно в Минске, занятом очередными оккупантами, уезжал в деревню, так и сам Купала отправлялся в свои Акопы.

Вот некоторая статистика. В 1917 году Купала не написал ни одного стихотворения! В 1918 – 29 стихов (именно они составили основу сборника «Спадчына»); в 1919 — 19; в 1920 — 16; в 1921 — 10; в 1922 — 9; в 1923 — только 3; в 1924 – 4 (в том числе знаменитое «О, так! Я – пралетар!», полное разочарования и горечи); в 1925 — 2; в 1926 — 21; в 1927 – ни одного; в 1928 — 2; в 1929 – 2; в 1930 – 3.

И даже в самый разгар «сервильного» периода, когда поэту строго-настрого запретили молчать, в 1933 — только 3 стиха, в 1936 — 6. И это Купала, с его феноменальной продуктивностью, способный в лучшие годы за день сочинять сотни рифмованных строк!

* * *

Знаменитая пьеса Купалы «Тутэйшыя» («Здешние») очень не понравилась большевикам и была запрещена сразу же после премьеры, состоявшейся в 1926 году, через четыре года после создания.

Только во время горбачевской «перестройки», в 1989 году, в издательстве «Мастацкая литаратура» была издана эта гениальная пьеса классика беларуской литературы. В послесловии к изданию Виктор Коваленко отметил, что «произведение остается чрезвычайно актуальным и в современной ситуации общественного развития».

Наиболее точную характеристику «Тутэйшым» с политической точки зрения дал народный поэт Нил Гилевич. Он считает, что устами своего героя Янки Здольника «Купала преподносит в концентрированном виде и суть беларуской национальной идеи, и основы национальной политики БНР, политики, которую он хотел бы видеть осуществленной в Беларуси».

Но Купала уже разуверился в способности «тутэйшых» самим решать свою судьбу. Он понял, что судьба беларуской государственности зависит в первую очередь от внешних политических обстоятельств.

Как известно, премьера спектакля состоялась в 1926 году, но в следующий раз зрители увидели его только через 56 лет – в 1982 году! Дело снова кончилось исключением пьесы из репертуара театра сразу же после премьеры.

Прошло еще 25 лет. Беларусь теперь независимая, но реакция властей не изменилась: «низззя!» Одно только слово «тутэйшыя» вызывает у чиновников колики в печени.

В 2007 году «Тутэйшыя» были исключены из школьной программы беларуской литературы.

15 марта 2008 года, в День Конституции, состоялась телевизионная премьера новой постановки пьесы. Через несколько месяцев беларуское министерство культуры отказало в регистрации

телеспектакля. Одной из причин отказа названо ...низкое качество звука! Но главное, конечно же, другое:

> «Кроме того, в данном фильме искажается смысл и художественная направленность произведения народного поэта Беларуси Я. Купалы, что создает у зрителя неверное представление о творчестве классика белорусской литературы, задевает его достоинство. В финальной части фильма имеет место проявление шовинизма и национальной исключительности, что недопустимо».

Так утверждает В.А. Курлович, начальник Управления регистрации и классификации киновидеопродукции Департамента кинематографии*.

Между тем, телеспектакль «Тутэйшыя», снятый режиссерами Валерием Мазинским (Минск) и Дариушом Шада-Бажишковским (Белосток), точно воспроизвел оригинальный текст Купаловской трагикомедии.

Утверждать, что пьеса шовинистическая столь же безосновательно, как и обвинять в шовинизме самого Купалы. Так в чем же дело?

Вот что сказал Мазинский:

> «Помню, как в 1985 году я работал над пьесой в Зеленой Гуре. Через десять лет, возвращаясь из Германии, снова заехал туда. Там охранник, с которым я разговаривал, пожаловался, что при советах было лучше, стабильнее, да и денег было больше. Это именно «тутэйшасць». Если кто-то отдает кому-то свои права, мысли, власть над собой, он является «тутэйшым». Пьеса Купалы вообще не устарела и остается актуальной. Для нас, беларусов, это самая важная драма».

Второй режиссер, Шада-Бажишковский, дополнил коллегу:

> «Человеку для нормального наполненного существования необходимо отождествление с ценностями. Одна из них – это самоидентификация, принадлежность к определенной группе. «Тутэйшасць» я понимаю как опасную безыдейность... В тексте Купалы много «тутэйшых», они направляются туда, куда подует ветер. Один из персонажей говорит: «Наши пришли». «Какие наши?» – спрашивает другой. «Ну, поляки». После очередного исторического поворота тот же персонаж говорит: «Выпьем за наших». «Каких наших?» – спрашивает кто-то. Ответ: «Ну, за немцев...»

Иными словами, причина запретов состояла и состоит в том, что кое-кому очень противно видеть самих себя в зеркале.

* * *

В 1925 году общественность республики отмечала 25 лет литературной деятельности Купалы. Правительство ССРБ присвоило ему звание народного поэта. В своем обращении к гражданам по этому случаю Купала выдвинул весьма примечательный лозунг: «Да здравствует независимая Советская Социалистическая Республика Беларусь в своих этнографических границах!». А в следующем году он написал вот такие строки:

Былых ня выклічыш вякой,
І ты, Масквы каронная гразь,
Парваных не скуеш акой,
Зь якой брахнёю ні вылазь!

Таким образом, и в советское время поэт сохранил свои взгляды на содержание идеи независимости, он лишь сменил форму ее выражения.

25 мая 1930 года отмечалось 30-летие литературно-художественной деятельности Янки Купалы. В связи с этим редакторам всех газет БССР был разо-

---

* Журнал «Arche», № 11 2008, с. 4.

слан из ЦК КПБ секретный документ, в котором период творчества поэта, связанный с «Нашей Нивой», обозначен как переход на позиции буржуазного либерализма и культуртрегерства:

> «Этот период подготавливает третий этап его развития, когда в его творчестве звучат во весь голос буржуазно-реакционные и возрожденческие, национально-демократические настроения».

Вместо поздравлений летом того же года в печати появилась статья большевистского критика Л. Бенде «Путь поэта». В ней Купала был объявлен «идеологом буржуазного национал-возрожденчества». Поэта систематически вызывали на допросы в ГПУ и требовали признания в том, будто бы он является руководителем придуманной чекистами «контрреволюционной организации «Союз Освобождения Беларуси».

Доведенный до отчаяния травлей большевистских «мосек», Купала 22 ноября 1930 года решил добровольно уйти

Янка Купала в 1941 году

из жизни, ибо «лучше смерть физическая, чем незаслуженная смерть политическая». Однако врачи спасли его.

После излечения поэту пришлось написать покаянное «открытое письмо» к общественности, которое в январе 1931 года опубликовала газета «Звезда». В нем Купала сам назвал себя «одним из идеологов буржуазно-демократического «возрожденчества» и «незалежничества». Не отрицал он и своей роли в беларусизации 1920-х годов.

Но тем дело не кончилось. В 1932 году на заседании бюро ЦК КПБ, где рассматривался вопрос о состоянии литературного фронта в БССР, тогдашний второй секретарь ЦК Василий Шарангович утверждал, что Купала так и «не стал нашим», продолжает вести враждебную работу против большевиков.

Шаранговича поддержал секретарь ЦК Вацлав Жабровский. Он сказал, что лучшие произведения Купалы несомненно направлены против большевиков. Это связано с тем, как Купала воспринял Октябрьскую революцию, установление советской власти в Беларуси: «лейтмотив пяти томов сочинений поэта — антисоветский, классово враждебный большевикам».

В секретной биографической хронике беларуского литератора, посланной в Москву 28 мая 1940 года, отмечалось, будто бы «контрреволюционная деятельность» Купалы началась еще в 1908 году (!), а после Октябрьской революции он стал одним из руководителей антисоветского движения национал-демократов.

Первый секретарь ЦК КПБ П.К. Пономаренко в конце 1938 года просил Сталина дать разрешение на арест Янки Купалы, а заодно и Якуба Колоса. К его огромному удивлению, непредсказуемый тиран вместо этого приказал наградить их обоих орденами Ленина. У кремлевского горца было весьма специфическое чувство юмора!

Благодаря своему творчеству, Янка Купала еще при жизни стал не только символом Беларуси, но и ее духовным лидером.

С этим большевики никак не могли смириться. 18 июня 1942 года Купала приехал в Москву из Казани, в пригороде которой жил в эвакуации. Через десять дней его убили агенты НКВД. Они подпоили 60-летнего поэта в ресторане гостиницы «Москва», затем повели в номер, расположенный на одном из верхних этажей здания, и сбросили с четвертого этажа в лестничный пролет, замаскировав убийство под «несчастный случай».

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Олег Анатольевич ТРУСОВ (1954 г.р.) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Беларуского университета культуры и искусств. Автор более десяти научных монографий и научно-популярных брошюр, свыше 500 статей в научной и периодической печати. С 1999 возглавляет «Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны» (Общество беларуского языка имени Фр. Скорины).

ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС РОССИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ НАЦИОНАЛИЗМА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Александр Грицанов

НОВАЯ ПЕСНЯ НА СТАРЫЙ ЛАД

Достаточно длительный (по политическим меркам) и весьма кратковременный (по историческим масштабам) период правления в России президента В.В. Путина и его команды наглядно продемонстрировал трагическую предопределенность имперской внешней и жестко-авторитарной внутренней политики Кремля.

Активный экспансионистский курс «Руси – России» (по термину Л.Н. Гумилева) присущ этой державе уже более пяти столетий: точкой старта можно считать «дранг нах вест» Ивана III, нацеленный против Новгорода (1456 г.), Ливонии (1480 г.) и Великого Княжества Литовского (1492 г.). Его внук Иван IV направил свои удары также и на восток, против Казанского и Астраханского ханств, и далее — за Урал.

Как следствие этого традиционного курса, всю территорию традиционной Евразии в России полагают относящейся к ареалу влияния аборигенов Московской Руси. (Напомним: по квалификациям ООН, народ считается коренным для определенной территории в том случае, если пребывание его предков зафиксировано там на протяжении последних 500 лет.)

Относясь к огромной территории от Варшавы до Курильских островов и от Кушки до Чукотки как к своей исторической вотчине, правящая элита Москвы и Санкт-Петербурга и в XXI столетии продолжает ориентироваться на сопряженные с такой геополитической моделью агрессивные политические, экономические и культурные стратегии.

По мнению исследователя глобального культурного бинаризма «славяне – русские» А.Е. Тараса, «несмотря на исчезновение СССР с политической карты мира и значительные изменения, произошедшие во всех сферах жизни российского общества, большинство официальных российских изданий события царского и советского прошлого по-прежнему рассматривают в духе канонов... отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

По-прежнему «правильным» считается только то, что до 1917 года соответствовало имперским амбициям Петербурга, а с 1918 года – аналогичным устремлениям Москвы... Дескать захват Российской империей этих стран (бывших союзных республик СССР), оголтелая русификация, уничтожение национальной культуры, насаждение московской церкви – все это делалось ради блага порабощенных народов!» (1, с. 4).

ИМПЕРСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Идеология «мировой революции», взятая на вооружение международной террористической организацией, именовавшейся РСДРП, а затем РКП(б) и ВКП(б), захватившей в ходе переворота 25 октября (7 ноября) 1917 года власть в России, предполагала в перспективе ликвидацию наций и национальностей и создание «Всемирной Республики Советов».

* Специально для дайджеста «Деды».

** Discursus (латин.) – довод, аргумент; Discours (франц.) – целенаправленная аргументация.

Провозглашение Советского Союза 30 декабря 1922 года на руинах Российской империи явилось беспрецедентным эпизодом во всемирной истории. Впервые свет увидело геополитическое образование, с момента собственного рождения открыто заявившее о претензиях на мировое господство.

Любое агрессивное государство, порожденное союзом варварских племен, властью какого-нибудь монарха, тщеславием сложившейся нации, сначала взвешивало ресурсы: свои и соседей. Полученный баланс диктовал линию поведения. Здесь ситуация была иной – к власти в стране с практически неограниченной территорией и природными богатствами, а также с огромным людским потенциалом пришла международная террористическая организация. Тогда она именовалась Российской коммунистической партией (большевиков).

Современные аналитики ошибаются, когда утверждают, что феномен радикально-исламской «Аль-Кайды» – явление рубежа XX – XXI веков. Ситуация, когда радикалы-авантюристы овладели бы крупной державой (ее экономической, военной и сырьевой базой), некогда уже случилась. Только тогда вместо ислама был марксизм-ленинизм, на месте Афганистана находилась Россия, а «джихад» именовался стратегией «мировой революции».

Романтичные коммунистические поэты публично предвещали времена, когда их «новая Родина» будет цвести «от Японии до Англии», а политики тщательно продумывали наименование новорожденного субъекта международной политики. Имя было выбрано удачно: без какого-либо упоминания о географическом месторасположении. 20-й советской республикой вполне могла стать Финляндия, 28-й – Болгария, а 38-й – Греция или Турция. По сути, это ничего бы не изменило.

Первый же съезд Коммунистического Интернационала, созванный большевиками в Москве в марте 1919 года, убедил гостей столицы большевиков (33 делегации), что политическая игра такого рода с лихвой окупает любые преступления. Абсолютная бесконтрольность представителей новой власти, цинизм и необузданность их фантазий, а также перспективная несменяемость – произвели неизгладимое впечатление на радикалов всего мира.

Реальной программой приверженцев идеалов новой эпохи был вовсе не лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Большинство рабочих развитых государств отвергли этот эксперимент: они быстро узнали, что новые хозяева многократно взвинчивают степень эксплуатации трудящихся масс.

Фактически идея была иной: «Пассионарии всех стран, соединяйтесь!» Множество ловцов счастья и чинов, не обремененных жаждой преодоления трудных демократических маршрутов к вершине властной пирамиды, примкнули к новому радикальному движению. СССР был державой космополитов, стремившихся превратить разноцветье наций мира в планетарное стадо, управляемое пастырями-пастухами из одного центра.

Наиболее полно соответствует базовым системным характеристикам советской цивилизации большевизма – коммунизма определение «квазифеодальная империя». Данный термин является не только экономическим понятием, но и маркером особой системы социальных отношений и жизненного уклада, вытекающих из специфической структуры ментальности и определяющих соответствующую ей шкалу ценностей.

По мнению С.Н. Гаврова, ментальным стержнем всякого традиционного культурно-цивилизационного уклада является системообразующий миф, представляющий собой взаимосвязан-

ный комплекс мифологем. По отношению к российско-советской квазифеодальной империи базовым выступает имперский миф в его евразийском варианте (2. с. 220).

Гавров предлагает удачную версию иерархии мифов и мифологем, фундирующих традиционную национальную модель Российской империи — Советского Союза — суверенной Российской Федерации (2, с. 221 — 231).

1) Миф Святой Руси. В национально-культурном контексте «Святая Русь» является понятием не столько географическим и историческим, сколько близким к платоновскому «эйдосу» — понятию, существующему вне зависимости от возможности или невозможности своего эмпирического воплощения, завершённому и неделимому.

Среди российских утопий миф «Святой Руси» занимает центральное положение: согласно ему, это «благословенная святая Русь, для которой ничего не нужно, ни прав, ни внешнего богатства, ни порядка, ибо жребий ее не от мира сего, — этому учили еще старые славянофилы» (3, с. 528).

Согласно и православному, и коммунистическому идеалу, именно Святая Русь должна спасти весь остальной мир; в этом положении проявляется мессианский комплекс, устойчивый к изменению исторического и социокультурного контекста. Более того, и сегодня, в наши дни, «поиск путей спасения мира, России не прекратился. Он продолжается» (4, с. 26).

2) Миф имперского государства — наиболее важный в рамках национальной стратегии Российской империи — СССР — России, в каковой со временем плавно переходит миф Святой Руси. В качестве метафизической квинтэссенции мифологического «народа-богоносца», имеющего мало общего с конкретным народом, живущим на определенной территории, выступает имперское государство.

Отметим, что интересы этого государства абсолютно приоритетны по отношению как к отдельному человеку, так и к обществу в целом. Имперское государство продолжает в этом отношении традицию, идущую от государств Древнего Мира: «Пред этой общей волей государства отдельный гражданин был совершенно беспомощным и бесправным... Государство было как бы земным богом, отдельный же человек был рабом этого земного бога» (5, с. 107).

В рамках этого мифа имперское государство и является той силой, которая способна привести человечество в эсхатологический рай, достигнуть конца истории, установить тысячелетнее царствие Божье на земле (= коммунизм). Имперское государство является не только средством осуществления, но и целью «божественного проекта», поскольку земной рай должен быть не только организован по принципу российского имперского государства, но и быть ИМ САМИМ, расширившимся на все континенты и вобравшим в себя весь человеческий род.

Миф имперского государства проявляется, в частности, в утверждении, согласно которому государство должно быть сильным, и чем более сильным, тем ближе оно к идеалу. Отсюда следует необходимость усиливать его любыми средствами, не считаясь с ценой очередного укрепительного проекта.

Проецируясь в пространство истории, мифы Святой Руси и Имперского Государства раскрываются, согласно Гаврову, через набор подчиненных им исторических мифологем:

а) Московия является единственной законной преемницей Киевской Руси. Другие русские земли, в соответствии со своей «установленной свыше» ролью, только периферия, центром высту-

пает сначала Киев, в последующем — Москва (временно уступившая свой статус Санкт-Петербургу). То, что эта мифологема не соответствует исторической реальности, — очевидно. В неангажированной философии истории Евразии вполне утвердился тезис «о врожденном (генетически обусловленном) антагонизме между русскими (финно-тюркским этносом) и поляками-беларусами (славянским этносом)» (1, с. 201).

Была ведь и другая линия наследования, условно обозначаемая как демократическая социокультурная традиция, идущая от Киевской Руси через Новгородскую и Псковскую республики. Но главные роли в ней играли не финско-тюркские, а славянские земли, развивавшиеся под властью Великого Княжества Литовского, где города приняли Магдебургское право, где отношения между центральной властью и народом регулировались в договорной форме. Поэтому имперская идеологическая традиция эту линию всегда отвергала, замалчивала, не признавала.

б) Святая Русь (Московское царство, Российская империя, СССР, Российская Федерация) постоянно находится в окружении внешних врагов. Ей приходится терпеть незаслуженные обиды от коварных и агрессивных соседей, но сама она никогда ни на кого не нападает. Окрестные земли приходится присоединять только тогда, когда они «сами просятся» под руку Москвы, а оказание братской помощи тоже вынужденное, ее приходится оказывать, откликаясь на зов угнетаемого кем-то народа, и отказать в этой просьбе никак нельзя, поскольку глас народа есть глас Божий.

К внешним врагам Святой Руси (Имперского государства) в разные исторические эпохи примыкают враги внутренние. Только за последнее столетие к внутренним врагам причисляли левые партии, в том числе РСДРП(б) и анархистов, затем, после 1917 года, мелкобуржуазные, дворянские и образованные слои общества, а также представителей различных группировок внутри правящей партии. В поздний советский период список пополнили активисты правозащитных организаций и диссиденты вообще.

В 1990-е годы представления о внутреннем враге «диверсифицировались» в зависимости от политических симпатий и антипатий различных частей российского общества: пожалуй, впервые в истории России враг не назначался сверху в директивном порядке.

Десять лет жизни без внутреннего врага и без единственно верной идеологии явились для политических традиций Кремля чем-то в высшей мере непривычным, поэтому авторитарная социально-культурная традиция подталкивала своих адептов к поиску того и другого. Другой вопрос, что их совокупная креативность в сфере идеологии не идет дальше очередных интерпретаций на неувядающую тему православия, самодержавия и народности...

в) Наделение всего окружающего мира, и прежде всего Запада — главной цивилизационной альтернативы феодальной империи — набором отрицательных, а то и просто губительных для российского человека свойств. Подозрительному и негативному восприятию окружающего империю мира способствует постоянно воспроизводящаяся «сложная международная обстановка», что подкрепляется исторической статистикой.

В российской истории часто военные периоды значительно превосходили мирные («за 36 лет петровского правления Россия знала всего один по-настоящему мирный год» (6, с. 70). При этом «за кадром» остается тот факт, что инициатором подавляющего большинства военных кампаний была именно «Святая Русь».

г) Святой Руси приходится наносить превентивные удары отнюдь не с целью агрессии, а лишь для того, чтобы упредить агрессивные намерения врага, благодетельствуя при этом как отдельным народам, так и человечеству в целом. Вхождение в состав Российской империи является благом для ближних и дальних ее соседей, поскольку «правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство на Земле» (7).

д) Мифологема «Россия – Запад». Запад в такой системе координат является не только извечным врагом, но и антиподом России, «зазеркальем», местом, откуда нельзя вернуться неиспорченным умственно и душевно.

е) Имеющая самостоятельное значение мифологема, вменяющая всякому без исключения подданному империи набор антизападнических свойств. В контексте этой мифологемы все построено на противопоставлении вполне абстрактного российского и столь же абстрактного западного человека.

Так, если на Западе с конца Средних Веков наблюдался постепенный переход к индивидуальным жизненным стратегиям, то в российской Евразии сохранялась общинность, которая в своем высшем проявлении перерастает в Соборность:

> «Общинное начало составляет основу, грунт всей русской истории, прошедшей, настоящей и будущей... Общинный быт в существе его... основан не на личности и не может быть на ней основан, но он полагает высший акт личной свободы и сознания – самоотречение» (8, с. 431–432).

Если на Западе понимание частной собственности находится в традиции римского права, то на Востоке мы видим ее неприятие. То же самое можно сказать о стремлении жить не по писаному закону, а по интуитивно переживаемой Правде, то есть – совести (9). К этому же смысловому ряду можно отнести отторжение меры и умеренности во всех человеческих проявлениях.

В работах многих специалистов неоднократно отмечалось, что особенности русско-российского национального характера, заметно обусловившего так называемый «советский характер», были в значительной мере сформированы Русской Православной Церковью с ее традиционной ортодоксальностью и враждебностью ко всему иностранному, особенно к латинским христианам, «которых ненавидели и боялись» (10, с. 264).

Эта политика способствовала консервации экстенсивных жизненных, в том числе хозяйственных, стратегий, недаром в последующий исторический период все инновации, особенно технологические, приходили из Европы, а не вызревали непосредственно внутри страны.

Средневековый характер различных областей советской жизни не остался незамеченным не только внутри страны, но и для компетентных иностранных наблюдателей. Так, Генрих Бёлль писал:

> «Намеков на царизм в сопоставлении с коммунизмом в СССР в XX веке достаточно, – и все они кажутся мне убедительными. Ибо СССР явно феодальное государство, в котором угнетение осуществляется под другим знаком...» (11, с. 531).

И добавил, имея в виду иерархичность всей советской систем (ранжиры, категории, ранги): «Советский Союз – укомплектованное феодальное государство».

* * *

Тяжелое национал-культурное наследие Советского Союза остается радикальным препятствием на пути к гар-

монизации межэтнических отношений во многих постсоветских государствах. Оно продолжает сохранять весомый деструктивный потенциал в отношении как возможного экономического роста России (чему способствовала бы грамотная иммиграционная политика), так и в отношении процессов демократизации в бывших «союзных» республиках.

Проблема состоит здесь в том, что идеология «мировой революция», взятая на вооружение международной террористической организацией, именовавшейся РСДРП(б) — РКП(б), предполагала *перспективную ликвидацию наций и национальностей* и создание «Всемирной Республики Советов».

При этом, потерпев фиаско в укоренении в Средней Азии и Закавказье дискурса, фундированного «классовой основой», большевистские идеологи совершили радикальный идеологический поворот, увязав (впервые в истории) национальную идентичность с территориальными *топосами* — нации в СССР начали конституироваться в качестве территориальных образований;

Культурно-цивилизационная система Советского Союза сложилась как квазифеодальная империя (во многом выросшая из практик Российской империи) с сопутствующим ей набором псевдонаучных мифологем пропагандистско-агитационного толка. Данные идеологические установки по-прежнему влиятельны на постсоветском русскоязычном пространстве.

В качестве наглядной демонстрации сохранения прежних имперских российских мифологем в полном их объеме приведем фрагмент текста, адресованного одним из московских духовных «мудрецов» своим *литовским* (!) оппонентам. Осмысливая то, как на постсоветских просторах «национальные интеллигенции создают ксенофобские настроения», автор из газеты «Московские Новости» пишет:

«В еще советской Литве прославлялось Великое княжество Литовское, включавшее в себя в годы расцвета кроме территории нынешней Литвы земли нынешней Белоруссии, почти всю Украину, берег Черного моря. Восточная граница княжества проходила около Можайска.

С удовольствием обсуждались документы, доказывающие, что Московское государство признавало верховную власть Литвы. Мог ли народ с такой историей быть частью страны, управляемой русскими?

Но дело в том, что могучее средневековое государство называлось великим княжеством литовцев и русских, глава его именовался русским словом князь, а не европейским аналогом герцог или литовским кунигас. Языком летописей и двора был русский, по-русски пели колыбельные матери будущим великим князьям (все их отцы были женаты на русских). Русские составляли около 90 % населения государства.

Можно говорить о неравноправии литовцев — ведь выходец из коренной Литвы не мог сделать карьеру без знания русского языка. Князья не завоевывали русские земли — они сами присоединялись, сплачиваясь против общих врагов — рыцарских орденов и татар. И Москвы. Тогда она не была центром всего русского...

Не могли сражавшиеся за независимость с Москвой Новгород, Тверь и Рязань знать, что Русское государство сложится вокруг Москвы. Не знали этого и жители Смоленска и Полоцка, погибавшие за право жить в государстве литовцев и русских, не желавшие идти под Москву. Не было русско-литовских войн — сражались два русских государства, претендовавших на власть над всеми русскими. Литовцы были меньшинством в том, которое проиграло...» (13).

Современные москвичи даже не считают население «соседней страны с центром в Минске» потенциальным партнером в разделе культурного и цивилизованного наследства ВКЛ. Вильнюс — как прагматичный и по-европейски окультуренный политический центр — начал эту игру немедленно после обретения суверенитета. Литву в Москве воспринимают всерьёз (как, впрочем, и раньше).

Ведь известно, что «приватизация» всего исторического наследства ВКЛ исключительно литовцами последовательно поддерживалась Москвой в советские времена:

> «В обмен на лояльность мощной национальной интеллигенции и национал-коммунистов в Литовской ССР, одной из «союзных» республик, рядом с коммунистической была разрешена националистическая идеология, которая основывалась на исторических мифах (про завоевание литовскими князьями белорусских земель, определяющую роль литовских земель в ВКЛ и т.д.)» (14, с. 43).

К беларуским же исследователям, творящим в угоду нынешним власть предержащим — не слишком искушенным в хитросплетениях реальной «исторической геополитики» — отношение вполне презрительное. То есть именно такое, какое официальные беларуские историки заслужили, в виде откровенных издевок над немышлеными «братьями меньшими». Например, в упомянутой статье из «Московских Новостей» ее автор обращает внимание читателей на то, что «новейшие исследования бакинских историков доказывают, что Ветхий Завет переведен неверно: Бог творил Адама и Еву отнюдь не в междуречье Тигра и Евфрата, а в Карабахе, очевидно, тогда уже азербайджанском». Почти рядом там же он говорит:

> «Можно и Франциска Скорину назвать белорусским ученым, а его Библию русску — переводом на белорусский язык, но вот сам Скорина так не думал» (13).

Необходимо констатировать, что сценарии «геополитического развода» бывших советских союзных «республик-сестер» весьма различны. Тем не менее, очевидна ситуация «несправедливости» межкультурных войн со стороны современной России:

> «Один вывод... является бесспорным: в течение всего рассмотренного периода (за последние 250 лет) именно Россия являлась атакующей стороной по отношению к Польше — если отбросить все лицемерные заявления российских государственных деятелей и «национал-патриотов» на этот счет /.../.
>
> Имперское мышление современных российских идеологов, политиков, деятелей культуры, равно как и значительной части рядовых граждан, не позволяет им признать вину своего Отечества перед любым народом, когда-либо порабощенным их предками, прадедами или дедами. Это касается не только Польши, но и всех бывших союзных республик, автономий и других национальных образований СССР. Советский Союз уже заплатил собственной гибелью за такую позицию. Заплатит и Россия...» (1, с. 781).

* * *

Сохранение идейной установки на повторное распространение сферы влияния Москвы в пределах всей прежней территории Российской империи — СССР будет неизбежно способствовать усилению национализма в постсоветских республиках, а также угрожать культурной идентичности и геополитической целостности самой Российской Федерации.

Данная тенденция являет собой усиление (реактивным образом даже избыточное) местных национальных стратегий по отторжению таких идеологем коммунистической пропаганды, как «советский народ — новая историческая общность людей», «три братских славянских народа с общей судьбой», «Москва — мать городов русских», «пролетарии не имеют отечества» и т.п.

Средства же восстановления в массовом сознании новых независимых государств этих идей, используемые сегодня Кремлем, сугубо силовые: от чередования «кнута» и «пряника» (применительно к Беларуси) — через регулярный экономический прессинг (в отношении к Украине) — к финансовому шантажу (государства Средней Азии) и открытому военному воздействию (Грузия).

Правящие круги Москвы (ибо российская периферия — особенно дотационные регионы, коих большинство — намного менее озабочена вопросами постсоветского колониализма) по-прежнему исходят из имперского конфигурирования собственных политических пределов. Согласно такому мировидению, необходимо иметь «санитарный кордон» из государств-лимитрофов между Смоленском и НАТО, между Кубанью и ирано-турецкой сферой. Казахстан же — увы — вообще не рассматривается как стратегическое «заграничье».

Такое положение вещей будет сохраняться лишь до тех пор, пока благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура позволяет подкупать элиты окраинных регионов РФ посредством определенного перераспределения нефтегазовой ренты. Свертывание же этого источника доходов потребует опережающих капиталовложений в российский культурный «периметр», в отличие от бывших национальных республик всегда выпадавший из иерархии инвестиционных приоритетов союзного центра. Именно в результате подобного исторически значимого сдвига Россия обретет шанс гармонизировать собственную архитектонику.

Цитируемые источники

1. *Тарас А.Е.* Анатомия ненависти (Русско-польские конфликты в XVIII - XX вв.). Мн.: «Харвест», 2008.

2. *Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи (Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России). М.: «Эдиториал УРСС», 2004.

3. *Новгородцев П.И.* Идея права в философии В.С. Соловьева /Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: «Пресса», 1991.

4. *Спиваковский Е.И.* Достоевский: Судьбы России. Идеи — Загадки — Дискуссии. М.: ИНИОН РАН, 2003.

5. *Гессен С.И.* Политическая свобода и социализм /Избранные сочинения. М.: «РОССПЭН», 1998.

6. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме Пер. с англ. В. Козловского. М.: «Независимая газета». 1993.

7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Том XIII. О древней и новой России. М.: «ЭКСМО», 2003.

8. *Самарин Ю.Ф.* О мнениях «Современника», исторических и литературных Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996.

9. *Грицанов А.А.* Правда /Всемирная энциклопедия: Философия. М.: «АСТ». Мн.: «Харвест», «Современный литератор», 2001.

10. *Кёнигсбергер Г.Г.* Средневековая Европа, 400 - 1500 годы /Пер. с англ. А.А. Столярова/ М.: «Весь Мир», 2001.

11. *Бёлль Г.* Солженицын и Запад /Собрание сочинений, том 5 / Пер. с нем. Н. Бунина/ М.: «Художественная литература», 1996.

12. *Грицанов А.А.* Большевизм /Всемирная энциклопедия: Философия.

13. «Московские новости». № 41, 2006 г.

14. *Невядомая Беларусь.* Аналітычныя эсэ. Менск, 2008.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Александр Алексеевич ГРИЦАНОВ (1958 г.р.) — беларуский философ, историк, социолог, журналист. Кандидат философских наук (1983). Преподаватель Беларуского Коллегиума.

Руководитель и главный научный редактор международной серии «Гуманитарная энциклопедия» (в 1999 — 2008 гг. опубликованы 11 томов), а также просветительского проекта «Мыслители XX столетия» (в 2008 — 09 гг. изданы 12 книг). Научный редактор и соавтор 4 учебных пособий, автор 19 монографий, около 2000 научных публикаций, свыше 400 статей в периодической печати.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСКОЙ НАЦИИ

Захар Шибека

За два столетия национального угнетения беларусы не превратились ни в поляков, ни в русских. Пока что не стали они и «настоящими» беларусами. Существуют разные мнения о причинах этого феномена, большей частью — пессимистические по своему духу. Я полагаю, что для выяснения перспектив беларуской нации стоит еще раз вернуться к проблемам ее развития как в прошлом, так и на современном этапе.

НЕРАЗВЯЗАННЫЕ УЗЛЫ

Религия. Вследствие многоконфессиональности страны по-прежнему остается невозможным слияние христианской и национальной идей. Религиозность не стала характерным отличием беларусов, не стимулирует их собственную культуру и национальную элиту, как это происходит у соседей — в Польше, Литве, Украине. В результате теряется возможность консолидации общества на основе какой-то одной конфессии, хотя бы самой многочисленной – православной. А униатство и протестантизм делают общую картину еще более пестрой.

В таких условиях беларуской нации остается придерживаться идеалов либо атеизма, либо национализма: первый отвергает религиозность, второй выходит за ее рамки. Национализма у нас явно не хватает. Преобладают атеизм и стремление масс к социальному равенству. В этом — специфическое отличие беларусов от соседей.

Следовательно, современная Беларусь может существовать только как атеистическое либо националистическое государство, во всяком случае до той поры, когда (и если!) православие и католицизмом заменят конфронтацию диалогом и полностью перейдут на беларуский язык.

Язык. Во времена царизма используемый язык в беларуских землях служил отличительным признаком не национальности, а социального положения: беларуский считался «сельским», польский – «панским», русский – языком чиновников. Чтобы «выйти в люди», надо было утвердить себя либо как «поляка», либо как «русского».

Беларуский язык не установил прочной связи с национальной идеей, так же, как и русский, который принес с собой преимущественно наднациональные идеалы (православные, коммунистические, технократические и т.д.). Поэтому и сегодня среди беларусов нет понимания исключительной важности сохранения и развития своего национального языка.

Но есть основание смотреть в будущее с оптимизмом. В условиях глобального межкультурного диалога русский язык превращается для беларусов из фактора культуры в техническое средство общения. По мере расширения международных контактов, особенно на личном уровне, очень сильно возрастает значение иностранных языков, особенно английского.

В то же время в рамках собственной культуры и традиций беларуский язык – вне конкуренции. В этой сфере и русский язык предстает всего лишь как диалект беларуского. Напомню, что на так называемой «трасянке» говорят, согласно исследованиям филологов, около 80% жителей Беларуси.

* Специально для дайджеста «Деды».

Говорить по-беларуски уже стало делом чести и гордости для большого числа граждан страны. Все же народ в своей массе заговорит по-беларуски только тогда, когда на нем начнет говорить «начальство».

Историческое и культурное наследие. Историческое беспамятство и культурная неосведомленность — это результат утраты собственной исторической и культурной традиции. Вдобавок, в многочисленных войнах и грабежах были уничтожены либо похищены артефакты нашей истории и культуры, сегодня они украшают зарубежные музеи, в первую очередь российские.

История советской Беларуси началась в 1919 году, а всё, что происходило на беларуской земле до этой даты, коммунистические власти считали либо польским, либо русским. Поддержку государства получала только «пролетарская» культура, по своему содержанию преимущественно космополитическая, но с весьма отчетливым «руским акцентом». Именно поэтому исторический и культурный багаж большинства жителей современной Беларуси (в том числе ее политических лидеров) позволяет им чувствовать себя сравнительно комфортно только среди представителей культуры «русской по форме, советской по содержанию».

Эта ситуация неизбежно изменится после освоения населением своего культурно-исторического наследия и создания современной беларуской массовой культуры.

Отчужденность от власти. В Беларуси укоренилось преклонение перед властью, основанное на страхе, связаным, в свою очередь, с веками деспотического произвола. Народ по привычке все еще ставит власть выше церкви, выше самоидентичности. Так уж повелось: если власть русская, то и народ русский, если власть польская, то и народ польский, а если власть советская, то и народ советский. За «беларуское» власти всегда укоряли: и российские, и советские. Вот почему беларусы сначала называли себя «тутэйшыми» («здешними»), а позже — «советскими людьми». Им, в принципе, было все равно, какая власть, лишь бы не мешала жить своими личными интересами. Жизненный опыт настойчиво подсказывал, что под любую власть можно подстроиться. Беларусы научились хорошо приспосабливаться к любой власти, даже чужестранной.

Особая ментальность. Беларусы думают немного не так, как другие. Беларусов не понимают европейцы. Беларуская интеллигенция не понимает своего народа, а народ — интеллигенцию. Более того, простые беларусы иногда не понимают друг друга. А все потому, что наш народ не знает собственной ментальности и не рассказывает о ней другим.

Мощный вал урбанизации и стремительное распространение трафаретов городской жизни (в 1960–80-е гг.) — с одной стороны, и с другой — прочные традиции жизни деревенской породили среди наших горожан своеобразный феномен — *недоурбанизированную ментальность.*

В чем же проявляется такая ментальность?

1. Важная ее черта — *мифологизация*, склонность к утопиям, в первую очередь к социальным утопиям и мифам.

2. Она проявляется и в отсутствии у граждан развитого *исторического сознания.* Сельский житель редко интересуется прошлым всей страны, ему в основном интересен свой родной угол.

3. Еще одна крестьянская традиция — *стремление к самоизоляции*, к хуторской жизни — желание спрятаться от всех (от власти, от злого соседа, от дурного глаза). Эта черта и сейчас присуща нашим горожанам. Они слабо контактируют между собой. Вечерами сидят у телевизоров, в свободные дни

ездят на свои «сотки». Между тем город объективно делает своих жителей взаимозависимыми. Простой пример: лишите город электричества на несколько часов и его функционирование приостановится; если электричества не будет неделю, город окажется на грани массового вымирания.

4. Для крестьянского менталитета характерно отсутствие развитого *национального сознания*. У других европейских наций на страже национального сознания стоит государство, опирающееся на сеть взаимосвязанных между собой городов. Но поскольку беларусы долгое время были нацией не только безгосударственной, но и не городской, это закономерно замедлило процесс их национального самоопределения.

5. *Сервилизм* (проще говоря — холуйство) тоже имеет сельское происхождение. Корни беларуского сервилизма тянутся с времен крепостного права. У беларуских крестьян не было ни времени, ни возможности вытравить их.

6. Для беларусов характерно не только холуйство, но и чрезмерная *спесивость*. То и другое — две стороны одной медали. Перед сильными и богатыми — пресмыкаться, а перед теми, кто слабее (или беднее) — задирать нос, гоношиться.

7. Еще одна черта недоурбанизированной ментальности — *завистливость*. Говорят, что сильнее всего беларус радуется тогда, когда у соседа подыхает корова. Может быть, наши недоброжелатели преувеличивают, но стремления к взаимной поддержке, к взаимопомощи нам действительно не хватает.

Холуйство, спесивость и завистливость — эта именно те качества психики, которые мешают сплоченности и консолидации общества. Кстати говоря, по произведениям классиков мировой литературы известно, что холуйство, спесивость, зависть были присущи всем народам во все времена. В этом плане беларуские селяне и горожане ничем особенным не отличаются от других. Беда лишь в том, что нам не хватает самокритичности, стремления избавиться от этих грехов.

ПРИЧИНЫ НЫНЕШНЕГО ПОЛОЖЕНИЯ

Беларуский вариант городской идентичности. Специфику беларуской нации и многие недоразумения в оношениях с европейскими странами объясняют местные особенности городской идентичности.

По мнению специалистов, формирование современного европейского города прошло три этапа:

1) открытый аграрный город;

2) закрытый торговый, самодостаточный, свободный город;

3) индустриальный город, подчиненный государству, вмонтированный в национальное государство, которое само сформировалось по образцу свободных городов.

В странах Западной Европы городская идентичность постепенно превратилась в идентичность национальную.

На беларуских землях в ранний период существования ВКЛ тоже существовали открытые города. В период расцвета ВКЛ и его союза с Польшей сложились здесь и полузакрытые города, внутрене свободные, хотя внешне зависимые от крупных местных феодалов. По образцу свободных городов было создано свободное шляхетское государство.

А вот беларуское национальное государство не успело возникнуть. В результате разделов Речи Посполитой беларуские земли были вырваны из европейского контекста развития и насильно помещены в сферу российского азиатства. В России не город господствовал над деревней, а деревня (в лице дворянства и «обслуги») — над городом.

В российской истории не было ни одного периода, благоприятного для независимого развития городов по своим внутренним законам. Поэтому не города моделировали национальное государство московитов, а Московское государство моделировало города по своему образцу. Государство это было деспотическим, ибо с самого начала (с XIII века) оно являлось составной частью Золотой Орды, с присущим ей жестким иерархическим подчинением мелких феодалов более крупным вплоть до великого хана (или царя).

Российские власти путем насилия и мелочной регламентации переделали города ВКЛ (Беларуси) на свой манер. Поэтому беларуская городская идентичность не переросла в государственную идентичность. Напротив, сельская идентичность оказала существенное влияние на идентичность городскую. Но первая принципиально мешает формированию современных наций. Горожанам сельского происхождения, каковых у нас по-прежнему большинство, до конца своей жизни не удается преодолеть бессознательное недоверие (даже враждебность) к городской цивилизации. Помимо всего прочего, это недоверие трансформируется у них во враждебность к Европе как цивилизации городов.

До тех пор, пока город не подчинит себе деревню, пока не распространит на нее городское сознание, пока не урбанизирует крестьян — до тех пор нельзя говорить о единой консолидированной нации. Вот почему для того, чтобы стать современной европейской нацией, нам нужна городская ментальность.

Урбанизация и национальная консолидация. Между тем, городские центры до последнего времени не способствовали консолидации жителей Беларуси. На то был ряд причин:

а) Беларусы долгое время были не только лишены собственной государственности, но и оставались преимущественно сельской нацией (всего 17% горожан по переписи 1897 года).

б) Средневековая традиция городской жизни беларуского народа была прервана в конце XVIII века, с той поры он никогда не ощущал себя господином в городах своей страны. Город остается «чужим» для большинства беларусов даже сегодня.

в) Беларуский город демографически очень долго (до второй половины XX столетия) проигрывал деревне. Между тем власти Российской империи традиционно опирались на деревню, а не на город.

г) Стремительный рост городского населения в 1960–80 годы не привел к трансформации сельской ментальности переселенцев в городскую. Между тем, крестьянские по ментальности нации не только разобщены, но и беззащитны перед угрозами извне. Они стремятся приспосабливаться к власти, вместо того, чтобы упорно бороться за свои права и интересы.

д) В беларуских городах и в XIX и в XX веках отсутствовало демократическое управление. Они не дали образцов для формирования современного правового государства.

е) Массовая культура, создающаяся в наших городах и нивелирующая нацию, все еще использует русский, а не беларуский язык.

ж) Минск не является бесспорной столицей Беларуси. Он и не лучшая столица, так как лишен славного исторического прошлого (например, в сравнении с Полоцком или Новогрудком).

Меду тем, только городская модель государства создает ситуацию гомогенности: все жители Парижа — парижане, все жители Франции — французы. Государство сельского типа лишь создает условия для межэтнических конфликтов, как в деревне — кто чью границу земельного надела запахал. Яркий пример

из новейшей истории — конфликт между азербайджанцами и армянами. Государства, крестьянские по своему духу, только и занимаются тем, что провоцируют подобные ссоры.

Новую социальную модель нации (в частности, с неизбежным разделением граждан на богатых и бедных) тоже могут принять люди только с городской ментальностью, ибо крестьяне традиционно стремятся всех уравнять и всё разделить.

В связи с этим возникает вопрос — сможет ли современный беларуский город национально кристаллизовать личность и консолидировать нацию, как это сделал западноевропейский город? Сможет ли он стать образцовым городом демократии, чтобы и государство по его примеру стало демократическим? Иными словами, сможет ли он пройти тот прерванный царско-большевистской экспансией путь взаимоотношений с государством, который прошли города Запада? Это — не просто. Тем более, что тот город, который ранее терпеливо выращивал национальную идентичность, на Западе всё больше становится транснациональным и транскультурным. В нем уже проявляется функция разрушения национальных традиций.

Думаю, что беларуский город не может сразу вступить в разрушительную фазу, не пройдя пропущенную ранее созидательную. Процесс глобализации еще почти не затронул его. Оптимизм придает и то обстоятельство, что беларусам присуща ментальность либерального типа. Русские, напротив, отличаются ментальностью тоталитарного типа.

Совершенно очевидно, что разобщенность беларуов возможно преодолеть только в рамках урбанизированного менталитета и только в рамках городской цивилизации. Поэтому наш народ должен учиться пользоваться достижениями городской цивилизации. Урбанизация ментальности сельских жителей ведет к постепенной ликвидации их традиционного противостояния горожанам. По мере усиления «духовной урбанизации» провинциализм постепенно исчезнет, утвердится авторитет национальных центров. Придет осознание того факта, что здесь, в Беларуси, и наша Москва, и наша Варшава, и наш Париж.

Однако современный беларуский город сыграет свою консолидирующую роль только тогда, когда он станет действительно беларуским — по языку, по культуре, по общественным идеалам.

Назойливая мысль. После распада Российской империи беларусы уже 90 лет идут, казалось бы, неизвестно куда. В XIX веке беларусы стремились к союзу с соседними народами, но как свободные со свободными, равные с равными. И на протяжении всего XX века их неизменной фундаментальной идей тоже оставалась идея федерализма.

Именно федеративный союз предлагали всем соседям деятели БНР. Идея федерации с Польшей либо с Россией питала надежды беларуских патриотов на объединение своих земель в межвоенный период. С той же идеей были связаны надежды на поддержку Беларуси государствами Западной Европы во времена Второй мировой войны.

В составе Советского Союза — этого нового варианта Российской империи — беларусы в определенной степени реализовали свои идеалы федерализма. Нынешнее стремление к союзу с Россией, присущее части политической элиты и народа, не означает полное отсутствие национального самосознания. Сейчас речь идет не об этнической солидарности с русскими, а солидарности государственной, политической.

Стремление к федерализму не является свидетельством самонедостаточно-

сти, якобы присущей беларуской нации. Это ее неизменная стратегия выживания в условиях сложнейшей геополитической ситуации. И надо надеяться, что стремление к федерализму, временно монополизированное Россией и ее сторонниками, в конечном итоге приведет беларусов от «имперской унии» — через независимость — к общеевропейскому пути (к унии демократической).

Привязанность к России. В отношении беларусов закрепилось мнение, будто бы они мало отличаются от русских и не видят своего будущего вне России. Но правда заключается в том, что в советский период истории, особенно после 1945 года, беларуский народ подвергся сильнейшей русификации, намного превзошедшей всё, что делалось в этой области при царизме. Поэтому после провозглашения независимости Беларуси в 1991 году сразу вернуться к уровню национального самосознания 1920-х годов было невозможно. Именно это обстоятельство явилось одной из главных причин политического поражения Беларуского Народного Фронта.

Парадокс современного беларуского государства состоит в том, что оно до сих пор не стало инструментом национализации своих граждан. Скорее наоборот — способствует их денационализации в пользу русской нации. Среди причин такого феномена - сила исторической инерции (то есть, российского провинциализма). Эффект этой инерции таков, что Беларусь, уже отрезанная от России, вплоть до недавнего времения повторяла все ее движения. Складывалось впечатление, что создается еще одно параллельное русское государство и еще одна параллельная русская нация.

Интрига в жизни беларусов. Всякий раз, когда беларусы заявляли о своем праве на независимую политическую жизнь, это интерпретировалось как чья-то интрига. Так, беларускую газету «Наша Нива» русские считали польской интригой, а поляки — русской. Провозглашение БНР в Москве считали интригой польской, а появление БССР в Варшаве восприняли как русскую интригу. Даже сейчас провозглашение независимости Беларуси кое-кто расценивает как интригу ЦРУ! Что ж, беларусы прошли хорошую школу интриг, а потому могут легко превратить их из средства оскорбления в оружие самообороны.

Идеалы свободы беларусов. Представители международной общественности, да и сами беларусы тоже, очень мало знают об идеалах свободы, складывавшихся на просторах беларуского края во времена двухсотлетнего господства России. Отсюда проистекают сомнения в жизнеспособности беларуской нации. Однако новая и новейшая история беларусов — это именно история их стремления к независимости от России.

В нашей освободительной борьбе можно выделить пять периодов.

1. Первый проходил под флагом возрождения утраченной государственности - Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Он характеризовался пропольскими иллюзиями. За неполные сто лет российского господства беларусы четыре раза — в 1794, 1812, 1831 и 1863 гг. — включались в безрезультатную борьбу народов бывшей Речи Посполитой с царизмом. Через этап напрасных надежд на возврат шляхетской свободы прошли также поляки, украинцы и литовцы. Тем не менее, приверженность народов бывшей Речи Посполитой идеалам свободы ускорила отмену крепостного права в Российской империи.

2. На втором этапе пропольские иллюзии сменились пророссийскими. Этот этап начался в 80-е годы XIX века, когда беларуские народники (группа «Гомон») выдвинули идею административно-культурной автономии в составе

России. Опять-таки, через этап напрасных надежд на российскую демократию прошли не только беларусы, но и соседи — украинцы, литовцы, поляки. И все же стремление народов Российской империи к национальной автономии позволило в конце концов свергнуть режим самодержавия, в рамках которого такие надежды оставались нереальными.

3. Третий период (1915–1945) отличался разнообразием вариантов. Наряду с сохранением идеи автономии, а затем федеративного союза с Россией, постоянно возникали другие проекты. В первую очередь надо отметить идею полной независимости Беларуси. За нее боролись деятели БНР, патриоты Западной Беларуси, беларуские патриоты времен Второй мировой войны, «лесные братья» послевоенного антисоветского сопротивления.

Весь третий период прошел для беларусов, литовцев, украинцев, поляков под знаком поиска и реализации идеалов национальной государственности, которые не могли быть идентичными, а потому вызвали множество конфликтов и недоразумений. А этим обстоятельством пользовались такие социально опасные экспериментаторы как коммунисты и нацисты. И все же совпадение антирасистских идеалов народов Центральной и Восточной Европы позволило им избавиться от угрозы нацистского порабощения.

4. Четвертый этап (1950–80 годы) стал самым мрачным. Беларуская нация находилась в коматозном состоянии. Политическая оппозиция не существовала. Генерировать национальные идеалы после бойни 30–40-х годов было просто некому. О независимости мечтали лишь единицы, имена которых большей частью остались неизвестными. И лишь в беларуском зарубежье идея независимости Отчизны сохранялась, наполняя смыслом жизнь политических изгнанников. Эта идея приводила беларускую эмиграцию в ряды борцов за демократию, способствовавших краху коммунизма.

5. С середины 1980-х годов, вслед за горбачевской либерализацией, начался пятый период — период возрождения и осуществления в Беларуси идеалов независимости. В отличие от предыдущих периодов, ныне они соединяются с идеалами интеграции в международное сообщество. Именно международная солидарность позволила беларусам вместе с другими народами Восточной Европы избавиться от коммунистического тоталитаризма.

Однако для окончательного утверждения своих национальных идеалов гражданам Беларуси еще предстоит преодолеть советизацию, духовно-идеологическую и патологическую зависимость от России, выработать цивилизованную модель сотрудничества с ней, а также с другими европейскими странами.

ПУТЬ В БУДУЩЕЕ

Ускоренная национализация. За годы советской власти беларусы утратили культурно-национальные достижения нескольких столетий. Поэтому в 1991 году нам пришлось заново начать движение по пути осознания своего национального единства и избавления от российского регионализма, так же, как свыше ста лет назад мы начали избавляться от польского регионализма.

Но существует принципиальное отличие от ситуации прошлого. Ныне этот процесс осмысления происходит в условиях независимого беларуского государства. Период, когда беларусы хотели быть «русскими», завершился после референдума 1995 года. В 1996 году идею «нового западнорусизма» сменила идея федеративного союза с Россией. Всеобщее недовольство неискренос-

тью российских стремлений к интеграции породило в 1997 году идею беларуского панславизма. Но если славянские народы Балкан идея славянского единства в свое время спасала, то беларусов – губила. Россия по-прежнему настолько «любит» Беларусь, что готова проглотить ее целиком. Поэтому идея панславизма быстро утратила в беларуском обществе свою привлекательность.

Утратили популярность и планы интеграции «по-советски». Уже мало кто верит в то, что проявлений дружеских чувств в отношении к России достаточно для того, чтобы она подкармливала Беларусь. Все эти изменения общественного настроения – суть движения живой беларуской нации. Она ускоренными темпами воспроизводит прежний столетний путь. Сегодня народ осознает свою самобытность гораздо отчетливее, чем в 1991 году. Национализация «новой номенклатуры» тоже началась, хотя и происходит в замедленном темпе.

Выбор модели нации. Исторический опыт показывает – надежнее всего рассчитывать на собственные внутренние силы. Беларуский национальный проект на протяжении двух столетий остается малоуспешным в значительной мере именно потому, что в его основе лежала ориентация на внешние силы. А они никогда не поддерживали национальные стремления беларусов.

Но, исходя из реальной ситуации, нам надо ориентироваться не на культурную (этноязычную) модель нации, которая была эффективной в XIX веке, а на современную государственно-политическую (функциональную) модель.

Правда, не стоит забывать и то, что государственно-политическая модель тоже строится на основе языка, культуры, традиций титульной нации. Суть в том, что национальные ценности в рамках государственно-политической модели неизбежно принимают представители всех этносов страны. Все, что имеется в Беларуси – беларуское. Все граждане Беларуси являются беларусами. Этот факт позволяет всем жителям нашей страны чувствовать себя хозяевами на своей земле, воспринимать Беларусь во всей совокупности того, что в ней есть хорошего и плохого.

Уже все поняли, что в современном Минске живут минчане, в Полоцке – полочане. А вот в Беларуси пока еще живут беларусы, русские, поляки, евреи, украинцы и прочие – все сами по себе. Они еще не научились считать себя беларусами русского, польского, еврейского, украинского или иного происхождения.

Национальная элита и национальный проект. Национальная элита традиционно терпела поражение в борьбе за распространение национальной идеи, так как ее периодически уничтожали, либо переманивали к себе на службу соседние государства. А национальный проект не получил надежного финансирования. Поэтому деятельность беларуской интеллигенции по созданию современной нации станет эффективной только тогда, когда на помощь интеллектуалам придут «новые беларусы».

Лишь с возрождением и повсеместным утверждением частной собственности носители национальной идеи избавятся от монополизма государства и обретут независимый источник финансирования в лице национальных банкиров, торговцев, фабрикантов, фермеров, «среднего класса». Только тогда перестанет работать принцип: какова власть – такова и нация.

Жители Беларуси останутся гражданами своего государства при любой геополитической ориентации властей. Но экономическая мощь вернет им утраченный духовный суверенитет и национальное самосознание, а политическим лидерам – уверенность в своих силах. Нынешняя слабость национальных политических партий – от нищеты.

Испытание будущим. В независимой Беларуси существуют два варианта достижения цивилизованности — через свою собственную культурно-историческую традицию и через российско-советский провинциализм. До 1995 года преобладал первый вариант, который его противники объявляли «гибельным» для народа. После 1995 года преобладает второй вариант, который опять-таки рассматривается оппонентами как путь «в никуда». В том и другом случае мы имеем дело с излишней драматизацией, присущей политикам и журналистам.

Безусловно, самоутверждение современной беларуской нации на основе отечественной культурно-исторической традиции — лучший вариант. Но и отрыв от исторической традиции лишь усложняет процесс самоутверждения, но не прекращает его. В крайнем случае, национальное самоутверждение может происходить и на основе российского провинциализма. Разумеется, путь от такого провинциализма к беларускому национальному самосознанию является более долгим и менее продуктивным.

Наличие национально ориентированной политической оппозиции (пусть слабой идейно, организационно и политически), а также обострение — в условиях мирового экономического кризиса — вопросов экономической целесообразности ставят сторонников российского провинциализма в крайне сложное положение.

Между тем, тупиковая ситуация в развитии экономики Беларуси неизбежна. Следовательно, неизбежен и «дрейф» властвующей элиты в направлении национальной культурно-исторической традиции. Иного пути для нее просто не существует, если только не считать вариант полного отказа от государственного суверенитета и добровольной передачи власти руководству соседнего государства.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Захар Васильевич ШИБЕКА (1948 г. р.) — доктор исторических наук, профессор Беларуского университета культуры и искусств (Минск), а также Европейского гуманитарного университета (Вильня). Автор книг «Города Беларуси: 60-е годы XIX — начало XX веков» (1997), «Нарыс гісторыі Беларусі. 1795–2002» (2003), «Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет» (2009).

СТАНИСЛАВ БУЛАК-БАЛАХОВИЧ — ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ

Анатоль Грицкевич

Забытые имена героев Отечества возвращаются. После долгого периода замалчивания советской историографией, в 1990-е годы беларуские историки вернули нам имя одного из наиболее видных беларуских военных и политических деятелей — генерала Станислава Булак-Балаховича. В отечественной истории мы можем сравнить его разве что с полковником Александром Лисовским, жившим в XVII веке.

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фигура этого человека неоднозначна. Отношение к нему со стороны большевистских деятелей, равно как и советских историков, было крайне негативным*.

Между тем, генерал совершил немало патриотических поступков. В историю он вошел как удачливый партизанский командир, убежденный противник большевиков, а впоследствии и как участник антифашистского сопротивления. Кроме того, он был популярным публицистом.

Станислав Никодимович Булак-Балахович (10.02.1883 — 10.05.1940) родился в небольшом имении Мейшты Видзовской волости Браславского уезда Ковенской губернии (ныне в Литве, у самой литовско-беларуской границы). Его отец, Никодим-Михаил — беларус-католик — происходил из мелкой шляхты и работал поваром у Мейштовичей, владельцев имения, а мать — Юзефа Шафран, полька, была горничной в том же имении.

После рождения Станислава отец получил в аренду от Мейштовичей небольшое имение Стоконьево в том же Браславском уезде. Там родился младший брат Станислава — Юзеф (22.07.1896 - 13.06.1923), его сподвижник.

Станислав и Юзеф окончили агрономическую школу. Станислав работал администратором имения Городец — Лужки в соседнем Дисненском уезде Виленской губернии. В 1905 году он выступил на стороне крестьян в их конфликте с помещиками, за что крестьяне назвали его «батькой», хотя этому «отцу» было только 22 года.

В самом начале мировой войны Станислав Булак-Балахович (далее СББ) вместе с братом и двумя друзьями добровольно вступил в российскую армию. С 20 августа 1914 года он служил во 2-м Курляндском уланском полку 2-й кавалерийской дивизии — сначала рядовым, затем унтер-офицером. С ноября 1914 года Станислав находился на Северо-Западном фронте, участвовал в боях с немецкими войсками в Польше и Литве.

9 июля 1915 года Станислав получил первый офицерский чин прапорщика. Брат Юзеф после излечения от ранения закончил военную школу, получил чин подпоручика и командовал пехотной ротой.

---

* Специально для дайджеста «Деды».

** Обычно ему вменяли в вину расправы с большевиками. Но задумайтесь на минутку, сколько жертв, в том числе абсолютно невинных, на совести всех так называемых «героев революции». Один лишь карательный поход Конной армии С.М. Буденного в Среднюю Азию в 1929 году чего стоит! Там этого кровавого мясника с ужасом вспоминают по сей день. А «идейный палач» Дзержинский? А Бела Кун и его подруга Роза Залкинд (Землячка), по чьим приказам в ноябре — декабре 1920 года в Крыму было казнено около 100 тысяч человек?! — *Прим. ред.*

С сентября 1915 года СББ участвовал в разведывательных рейдах по тылам противника, во главе отряда конных партизан (72 человека). В ноябре 1915 этот отряд вошел в состав армейского партизанского отряда Северного фронта (около 500 сабель) подполковника Леонида Пунина. В отряде Станислав сначала командовал эскадроном, а после гибели Пунина в бою под Ригой 1 сентября 1916 года стал командиром отряда. Во время боев в 1915–17 гг. на территории Латвии он был пять раз ранен, награжден за мужество Георгиевской медалью, Георгиевскими крестами 4-й, 3-й и 2-й степени. Молодой офицер приобрел богатый опыт молниеносных атак маневренной кавалерии.

Находясь на фронте, СББ быстро получал очередные офицерские чины. В 1917 году он уже был ротмистром (соответствует капитану в пехоте).

Последний бой с немцами отряд Балаховича провел 5 марта 1918 года у деревни Смолова над Чудским озером, в районе Гдова. В этом бою Станислав был ранен в грудь (это было его шестое ранение) и некоторое время лечился в госпитале в Петрограде.

Немного залечив рану, СББ записался в Красную Армию. В апреле 1918 года он в городе Луга переформировал свой конный партизанский отряд в 1-й Лужский конный партизанский полк 4-й Петроградской дивизии. В мае полк был переименован в 3-й Петроградский.

Успешные партизанские рейды в тылу немецких войск привлекли внимание наркома РСФСР по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого. Он вызвал СББ в Москву и предложил ему должность инспектора кавалерии Красной Армии (эту должность впоследствии занимал С.М. Буденный). Но Станислав отказался от предложения, так как ему сильно не нравилась антикрестьянская политика большевиков.

СББ лично подбирал бойцов и командиров в свой полк, а потому пользовался большим авторитетом у подчиненных. Он противостоял попыткам большевистских властей направлять в его полк коммунистов. В полку, насчитывавшем 1121 бойца, служили беларусы, поляки, украинцы, латыши, литовцы и много русских, в своем большинстве враждебно настроенных по отношению к советам.

Постепенно конфликты Станислава с представителями советской власти нарастали, так как он спасал своих командиров от арестов ЧК. Тем не менее, СББ продолжал служить в Красной Армии на «линии завесы», так как за ней — в Эстонии и Латвии — до конца 1918 года находились германские войска, а немецкую армию он по-прежнему считал главным врагом. В этом же полку служил брат командира — Юзеф.

БУЛАК-БАЛАХОВИЧ В ЭСТОНИИ

Наметившееся поражение Германии в войне и стремление балтийских стран добиться независимости изменило ситуацию в регионе. На территории Латвии и Эстонии при помощи германского командования была сформирована белая Северная российская армия. Она стремилась удержать губернский город Псков, когда его покинут немцы. В конце ноября 1918 года эта армия насчитывала 4500 штыков.

Еще в октябре 1918 года Станислав отправил в Псков своего представителя, поручика Видякина. Он сообщил командованию Северной армии о намерении Булак-Балаховича перейти со своим полком на сторону белых. Для обеспечения связи в Пскове прибыл и штабс-ротмистр Борис Перемыкин.

16 октября 1918 года СББ собрал в Елизаровском монастыре совещание офицеров своего полка. Прибыл и командир Чудской флотилии капитан

2 ранга Д.Д. Нелидов. Офицеры договорились, что в подходящий момент перейдут на сторону Северной армии. На следующий день брат Станислава – ротмистр Юзеф Балахович и командир 1-го эскадрона полка подъесаул Перемыкин, младший брат штабс-ротмистра Б. Перемыкина, подписали соглашение с представителем штаба Северной армии об условиях перехода полка и Чудской флотилии на сторону белых.

Первым перешел 26 октября 1918 года 1-й эскадрон подъесаула Перемыкина, находившийся на линии «завесы» восточнее Пскова. За несколько часов до перехода Перемыкин послал политическому комиссару района Гдов – Торошино Янису Фабрициусу поздравительную телеграмму в связи с первой годовщиной Октябрьской революции.

После перехода эскадрона на сторону белых Фабрициус вызвал к себе на станцию Торошино Юзефа Булак-Балаховича как заместителя командира полка, а затем и самого командира (Станислава). Оба заверили комиссара в своей лояльности. Тем временем подготовка полка к переходу продолжалась. Не ожидая перехода полка, 28 октября командир Чудской флотилии Нелидов поплыл к белым. Три парохода из пяти имевшихся, два катера и семь моторных лодок дошли по Чудскому озеру до Пскова, занятого немцами и белыми.

Полк сконцентрировался в районе станции Струги Белые. Здесь Булак-Балахович 28 октября издал воззвание к «братьям крестьянам». Он объявил о начале партизанской войны против большевиков, за русский народ, за православную церковь, за землю. Он призвал крестьян бороться против большевистской власти и вступать в его отряд. Подписался «Атаман крестьянских партизанских отрядов Батька Балахович».

В ночь с 5 на 6 ноября 1918 года Станислав перешел со своим полком демаркационную линию вблизи железнодорожной станции Карамышево, в 20 километрах восточнее Пскова. Полк увеличил численность Северной армии на треть ее состава.

После ухода немцев и белых из Пскова в Эстонию 26 ноября, ротмистр С. Булак-Балахович был назначен командиром Особого конного отряда в районе Печоры (ныне на границе с Эстонией), южнее Псковского озера.

С 25 декабря 1918 года части Северной армии подчинились властям независимой Эстонии. Армия была преобразована в Северо-Западный корпус, разделенный на две группы. Одна группа действовала на севере, в районе Нарвы, вторая – на юге, в районе Пскова.

В южной группе сражался с красными Особый конный отряд СББ. За участие в освобождении Тарту от большевиков Станислав в январе 1919 года получил чин подполковника. Его отряд часто прорывался через линию фронта и наносил удары в тылу красных войск. В феврале 1919 года командующий Южной группой генерал-майор А.П. Родзянко переименовал отряд в кавалерийский полк.

15 мая 1919 года полк и другие части, подчиненные в этой операции СББ, заняли город Гдов, за что Станислав получил чин полковника. Затем полк принял участие в псковской операции, в результате которой 25 мая Псков был занят эстонской армией и частями белых. За участие в этих боях командир корпуса генерал Родзянко присвоил Станиславу чин генерал-майора, а части, подчиненные ему, преобразовал в Особую сводную дивизию. Он назначил Станислава комендантом Пскова и Псковского уезда.

По инициативе СББ были созданы народные суды, каравшие смертью большевистских комиссаров и активистов, развернута антикоммунистическая пропаганда. Среди населения и красноармейцев за линией фронта распростра-

нялись многочисленные воззвания и листовки. Так, в призыве к красноармейцам Станислав писал:

> «Вы знаете меня. Я — слуга народный. Я — меч народного правосудия... Я воюю не за царскую и не за барско-помещичью, а за новую, вольную, демократическую народную крестьянскую трудовую Россию. Я несу оружие моих героев к сердцу русской земли не за прежний, старый, проклятый «прижим», не за черную сотню и не за возвращение помещиков, а за землю и хлеб для всего народа, за право трудящихся, за новое всенародное Учредительное собрание»*.

В результате такой пропаганды в июле 1919 года на сторону Балаховича перешел целый полк Красной Армии.

Между тем, белую армию (теперь она называлась Северо-Западной) возглавил прибывший в конце июня 1919 года из Гельсингфорса (ныне Хельсинки) генерал Н.Н. Юденич со своим штабом. Между монархически настроенными генералами и революционно-демократической группой во главе с Балаховичем возникли разногласия. К идейным разногласиям прибавилась еще и зависть старых генералов огромной популярности Балаховича среди солдат и части офицерства.

Правда, в начале августа генерал Н.Н. Юденич назначил СББ командующим 2-м корпусом (две дивизии). Однако отношения между ними быстро ухудшались.

22 августа главнокомандующий Юденич приказал полковнику Б.С. Перемыкину занять Псков, арестовать СББ и предать военному суду «за беззаконные действия» во время управления Псковом и уездом. 23 августа вышел приказ об отстранении СББ с должности командующего корпусом. В тот же день Б.С. Перемыкин с четырьмя полками, двумя батареями и другими частями прибыл в Псков, и арестовал офицеров штаба корпуса. При аресте были убиты начальник штаба полковник Стоякин, городской голова Н.Н. Иванов. Но через некоторое время все арестованные офицеры были освобождены.

Станислав Булак-Балахович
на станции в Пскове (1919 г.)

Однако Станислав с группой в 20 конников ушел в Гдов, где заявил о подчинении Юденичу. Формально он находился под «домашним арестом», но реально выехал на фронт в район Острова (60 км южнее Пскова), в расположение своего прежнего конного отряда (полка), насчитывавшего 1200 человек. А красные войска, воспользовавшись этим переворотом в стане белых, через три дня, 26 августа, заняли Псков.

СББ продолжал на южном участке борьбу с большевиками, совершая партизанские налеты в тылы красных войск. Действовал он независимо от Юденича, пользуясь покровительством эстонских властей. Во время осеннего наступления армии Юденича на Петроград СББ атаковал Порхов и перерезал железнодорожную линию Петроград — Полоцк.

Как известно, белая Северо-Западная армия потерпела поражение под Петроградом в ноябре 1919 года и отступила на территорию Эстонии. Вскоре начались переговоры между РСФСР и Эстонией, а 2 февраля 1920 года в Тар-

* Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград (1919). Л., 1929, с. 125–126.

ту был подписан мирный договор. По условиям договора, Северо-Западная армия подлежала ликвидации, приказ о чем Юденич издал еще 22 января 1920 года. Но Балахович хотел продолжать борьбу против большевиков. Через русскую газету в Эстонии «Верный путь» он обратился к главнокомандующему эстонской армии генералу Йоханессу Лайдонеру с просьбой о разрешении набрать добровольцев. Эстонские власти не дали официального ответа, но неофициально поддержали.

Бойцы Беларуского отряда в Эстонии. Слева — «сын отряда» с ручным пулеметом (1920 г.)

Для содержания отряда Балаховича и вербовки новых добровольцев требовались деньги. Поэтому Балахович решил заставить Юденича вернуть громадную сумму денег, которую тот взял из армейской кассы. Заручившись поддержкой эстонских властей, СББ с группой офицеров в ночь на 28 января 1920 года приехал с фронта в Ревель (Таллин), где в гостинице «Коммерс» проживал Юденич. Там Балахович арестовал бывшего командующего, а также генерала Крузенштерна и адъютанта.

В номере Юденича были найдены более 227 тысяч фунтов стерлингов, 250 тысяч финских марок и 110 миллионов эстонских крон. СББ заставил Юденича передать эти деньги военному прокурору Северо-Западной армии Вишневскому и подписать приказ о передаче их на нужды ликвидации. Так удалось заплатить жалованье солдатам и офицерам. Воины получили хоть какие-то средства на первое время после ликвидации армии. В результате этой акции авторитет Булак-Балаховича среди военных поднялся очень высоко, а его отряд пополнился новыми добровольцами.

Арестованных генералов СББ доставил на вокзал в Таллине, посадил в товарный вагон и поехал с ними на фронт. Только вмешательство английской военной миссии вынудило эстонские власти перехватить поезд на станции Тапа и вернуть его в Таллин. Там Юденича перевезли в английскую военную миссию, где он вернул остаток армейских денег и был «отпущен с миром», но без денег. Вскоре он уехал в Англию как частное лицо*.

Станислав вернулся на линию фронта, где снова возглавил свой полк. Этот полк, состоявший главным образом из конницы, назывался теперь Добровольческим беларуским народным отрядом. Половину офицеров и 75 % солдат отряда составляли беларусы. А среди представителей других национальностей было немало выходцев из Беларуси. Отряд принял свой штандарт – беларуский бело-красно-белый стяг, и кокарды на фуражках с изображением герба «Погоня».

СББ получил разрешение от эстонских властей набирать в полк добровольцев из частей бывшей Северо-Западной армии, выходцев из Беларуси и Литвы.

* Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград (1919). Л., 1929, с. 473–474.

К моменту заключения мира между Эстонией и РСФСР, отряд Балаховича насчитывал уже 1700 человек. СББ обратился к руководителю военно-дипломатической миссии в Латвии и Эстонии (в Риге) полковнику К. Езовитову с просьбой о переходе отряда в подчинение правительству БНР.

Первые контакты с представителями БНР Балахович имел еще в ноябре 1919 года, когда участвовал в работе конференции делегатов балтийских стран в Тарту. 14 ноября 1919 года СББ подал беларуским дипломатам официальную декларацию о своем беларуском гражданстве и просьбу о принятии его на службу Беларуси.

26 ноября 1919 года чрезвычайный уполномоченный БНР в Латвии и Эстонии Клавдий Дуж-Душевский и полковник Константин Езовитов обратились к эстонскому правительству с просьбой о временном размещении отряда СББ в Эстонии как «Отдельного отряда БНР в Балтии». Эстонское правительство согласилось, и даже взяло на себя расходы по содержанию отряда, оформив их в виде займа правительству БНР.

Чтобы ускорить переход своего отряда в Беларусь, Балахович предложил полякам план похода на территорию Беларуси для продолжения борьбы против большевиков под оперативным руководством польского командования.

23 февраля 1920 года соглашение об этом было подписано в Риге с польским военным атташе капитаном Александром Мышковским. А 3 марта Балаховича принял в Двинске (Даугавпилсе) с воинскими почестями и оркестром генерал Э. Рыдз-Смиглы, командир 1-й пехотной дивизии Легионов.

14 марта 1920 года Беларуский отряд пересек Западную Двину. Поляки направили его в Брест, где отряд получил пополнение, дополнительные оружие и боеприпасы.

ДЕЙСТВИЯ БЕЛАРУСКОГО ОТРЯДА В КАМПАНИИ 1920 г.

К началу июня 1920 года Беларуский отряд СББ насчитывал около 2 тысяч сабель. В составе Полесской группы Войска Польского он принял активное участие в боевых действиях против войск Красной Армии.

Беларуский отряд воевал в Полесье во время контрнаступления РККА в Украине в июне 1920 года. Подразделения отряда вели партизанскую войну, прорываясь в тылы красных в районе Чернобыль — Черевичи. Они нарушали управление войсками и перерезали коммуникации противника. Действуя на правом крыле Полесской оперативной группы, Беларуский отряд играл роль связующего звена этой группы с 3-й польской армией в Украине.

30 июня группа ротмистра Дарского захватила местечко и станцию Славечно южнее Петрикова. Была уничтожена часть обозов, взяты несколько десятков пленных. Через два дня эта же группа атаковала деревню Веледники, вытеснив оттуда пехотный полк красных. При этом был захвачен штаб 2-й стрелковой бригады, а трофеями стали несколько пулеметов.

Полковник Юзеф Булак-Балахович совершил налет на Малин, в 11 июля — на Овруч. Он скрытно подвел к Овручу эскадрон кавалерии и добровольцев из Подгалянской пехотной дивизии и на рассвете ворвался в местечко. Застигнутые врасплох красные пытались организовать оборону, но вскоре им пришлось отступить. В Овруче эта группа захватила орудия и 30 пулеметов, освободила заключенных из подвалов местной ЧК.

В последующем Беларуский отряд отступал вместе с соседними польскими частями. 24 июля он занял оборонительные позиции на левом берегу реки Стырь у деревни Млынок (в 30 км южнее нынешней беларуско-украинской

границы). Двое суток шел бой. Красным частям удалось форсировать Стырь и занять Млынок, а понесшему потери отряду Балаховича пришлось отступить. В конце июля Беларуский отряд ушел за реку Стоход в районе города Любешов. Здесь он перешел в подчинение командующего 3-й польской армией генерала Зыгмунта Зелинского.

Балахович сам повел эскадрон из 117 человек на Любешов, уже занятый красными, отбросил их за реку Стоход, а его всадники уничтожили наведенные противником переправы. Но удержаться в Любешове не смог и отступил к Камню-Коширскому. 3 августа его отряд вынужден был оставить и этот город и отступить дальше на запад. Но сам генерал взял 200 конников и устроил рейд на восток. Тем временем основные силы отряда, разделившись на малые группы, действовали между Бугом и Вепшем в тылу противника.

К началу августа 1920 года относится характеристика, которую дал в своем рапорте офицер штаба 3-й польской армии поручик С. Блоньский. Он писал:

«Командир – генерал Станислав Булак-Балахович, называемый всеми «Батька», человек большой гордости, хочет быть знаменитым, много кричит, с солдатами очень близок. Часто с ними разговаривает или читает им газеты, иногда рассказывает байки... Отношение его к офицерам товарищеское, большинство обращается к нему на «ты», и он тоже. Когда разгневается на офицеров, ругает всех на рынке или в доме, а также бьет хлыстом...»*.

Польский офицер описал и сам отряд:

«Вся группа насчитывает не более 700 человек, в том числе 160 сабель, остальные – штыки, батарея орудий, пулеметы и т.д. Группа поделена на полки: 1. Семеновский; 2. Партизанский; 3. Вознесенский; 4. Псковский; 5. Островский, а также отряд саперов и перевязочный пункт, который возглавляет студент медицины. Каждый полк насчитывает от 60 до 90 человек, за исключением Вознесенского, который насчитывает 150 штыков.

В группе 35 процентов состава – офицеры. Офицерам дается звание в поле за мужество и отвагу, несмотря на отсутствие образовательного ценза. Также и старших офицеров переводят в рядовые, если они не соответствуют требованиям, предъявляемым к командиру... Солдаты набраны из старой российской армии, которые раньше служили со своими офицерами и теперь вместе с ними пришли. Этих — около 250, остальные раньше были в лагерях для пленных... Люди без политической ориентации... Но когда им приказывают идти на фронт, приказы выполняют»*

Пилсудский дал СББ свою характеристику:

«Не ищите в нем признаков штабного генерала и не будете иметь разочарования. Это типичный смутьян и партизан, но безупречный солдат, и скорее умный атаман, чем командующий в европейском стиле... Бьет большевиков во многих случаях лучше штабных генералов, так как сам генеалогически происходит от них. Не жалеет чужой жизни и чужой крови, совершенно также, как и своей собственной»**.

Станислав сохранял структуру своего отряда с 1919 года (отсюда «псковские» названия частей). Однако полки его сократились до численности рот. Впрочем, в случае пополнения они мог-

* Sasiedzi wobec wojny 1920 roku. Wybor dokumentow. Londyn, 1990, s. 124.

* Там же, s. 125.

** Там же, s. 143-144.

ли снова достигнуть прежней численности. Фактически Беларуский отряд являлся отдельной воинской частью, где С. Булак-Балаховичу принадлежали все права, в том числе право суда не только над своими солдатами и офицерами, но и над гражданским населением. А суд тогда был короткий: своего офицера — разжаловать в рядовые, пленного большевика — расстрелять, шпиона — повесить, крестьянина — наказать 25 ударами плетью.

Поскольку Беларуский отряд понес потери, с конца августа он начал пополняться. 27 августа военное министерство Польши предписало всем военным округам провести вербовку добровольцев в отряд Балаховича. Офицерам Балаховича было разрешено посещать лагеря пленных красноармейцев, а также интернированных солдат из российского корпуса генерала Н. Бредова и агитировать их за вступление в Беларуский отряд.

По данным разведки штаба Западного фронта Красной Армии, в конце августа 1920 года в отряде СББ, когда он находился в районе Влодавы, было 4 пехотных полка (Партизанский, Псковский, Островский и Вознесенский), всего до 1600 штыков с 16 пулеметами, а также партизанский кавалерийский полк (3 эскадрона) численностью 400 сабель.

В середине августа 1920 года Беларуский отряд находился в составе 3-й польской армии, прикрывавшей с востока наступление польских войск от реки Вепш в северном направлении. 16 августа Балахович сконцентрировал подчиненные ему части в районе города Ленчна (восточнее Люблина) и предотвратил наступление Мозырской группы и 12-й армии красных на Люблин. Затем, выполняя директиву командарма, он двинул свои силы к Влодаве, которую занял 17 августа. Отряд разместился над Бугом.

22 августа красные атаковали отряд Балаховича в районе Влодавы и даже заняли временно станцию Влодаву и железнодорожный мост через Западный Буг, но были отброшены. На следующий день подразделения отряда СББ продвинулись до 30 км на восток, заняли населенные пункты Пулемец и Пища, захватив 2 орудия и много пленных.

Булак-Балахович со своими бойцами (1920 г.)

В сентябре 1920 года польские войска пошли в наступление по фронту от границы с Румынией до Бреста. В нем участвовал и отряд СББ. После занятия Кобрина оперативной группой генерала Ф. Краевского 12 сентября, Беларуский отряд на следующий день захватил город Камень-Коширский. Сводка генерального штаба сообщала:

> «Северо-восточнее Ковеля отряды генерала Балаховича заняли Камень-Коширский, взяв батарею, более 1000 пленных и около 500 обозных повозок, а также массу снарядов»*.

* Pierwsza wojna polska (1918-1920). Zbiór komunikatów. Warszawa, 1920, s. 295.

В сводке генштаба от 22 сентября говорилось:

«Возле Любешова генерал Балахович разбил 88-й полк советской пехоты и взял в плен целый батальон».

Советские военные историки Какурин и Меликов позже отметили:

«Появление в лесисто-болотистом углу между рр. Припятью и Стырью предприимчивого и дерзкого партизана Булака-Балаховича с его отрядом авантюристов, состоявшим из трех родов войск, общей численностью до 1000 человек с несколькими орудиями могло сделать тылы и коммуникационные линии IV армии объектом покушений этого партизана»*.

* * *

Наиболее известным успехом отряда Булак-Балаховича стал захват Пинска.

26 сентября Беларуский отряд у Невельской переправы через Припять (25 км юго-западнее Пинска) прорвался к железной дороге Брест — Пинск и разрушил железнодорожный путь у станции Молотковичи (12 км западнее Пинска). Узнав об этом, Тухачевский тут же приказал командующему 4-й армией «красных» разбить и отбросить части Балаховича за Припять.

Но в это самое время командующий 4-й польской армии генерал Владислав Сикорский, которому теперь подчинялся Балахович, поручил ему прорваться через фронт и овладеть Пинском. 26 сентября Балахович со своим отрядом с юго-запада переправился через Стоход, прошел через расположение советских войск и подошел к Пинску. Гарнизон Пинска составляли запасной полк и тыловые отряды — около 2000 бойцов, 400 командиров. В городе имелись склады продовольствия, боеприпасов, обмундирования. На станции находилось 280 вагонов со снаряжением, 3 паровоза и масса грузов возле путей. Подразделения отряда Балаховича окружили город. После полудня его конница ворвалась на улицы Пинска. К 16 часам 26 сентября Пинск был взят. В плен попала часть штаба 4-й советской армии. Самому командующему армией Д.Н. Шуваеву, начальнику штаба и члену РВС армии удалось верхом бежать на запад, на линию фронта.

Корреспондент газеты «Свобода» сообщил:

«26-го сентября, после полудня, в Пинск, совершенно неожиданно и для населения, и для большевиков, ворвались передовые конные части ген. Балаховича. Большинство комиссаров, как сидели в различных, наскоро сорганизованных, в Пинске советских учреждениях, так тут же были расстреляны, так как комиссаров «балаховцы» принципиально в плен не берут.

Удар был тем более неожиданный, что западнее, в направлении на Брест, в Янове и Дрогичине большевики держались еще крепко: части ген. Балаховича, по своему обыкновению, зашли большевикам в тыл. В полчаса все дело было кончено. Стрельба стихла. На улицах пусто, потому что население попряталось... большевистские части, которые держались упорно в Дрогичине и Янове, узнав, что Балахович зашел им в тыл, бросились уходить в северо-восточном направлении»*.

Победителям достались 30 тысяч пар сапог и несколько тысяч полушубков. Генерал тут же одел и обул свою армию, так как уже наступали холода.

В Пинске разместился штаб СББ. В следующие дни его отряд вместе с 18-й польской дивизией вел бои с отступавшими частями 4-й армии крас-

* Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. М., 1926. с. 385.

* «Свобода», 6 ноября 1920 г., № 95. с. 3.

ных западнее Пинска, в районах Дрогичина и Янова-Полесского. 30 октября группа Булак-Балаховича была отведена с линии фронта, ее сменили части 18-й пехотной дивизии.

Поскольку отряд СББ постоянно пополнялся за счет разнородных элементов, то немалую часть солдат составляли перебежчики, неустойчивые элементы из пленных красноармейцев и командиров, а также дезертиров и даже криминальных элементов, привыкших к легкой наживе за счет населения, морально разложившихся в условиях войны. Поэтому за балаховцами утвердилась недобрая репутация грабителей, убийц и насильников, организаторов еврейских погромов. Обычно сами балаховцы объясняли свои погромы тем, что большинство евреев на стороне советов (что было правдой), но это не оправдывало убийств, грабежей и массовых изнасилований женщин.

Доставалось от балаховцев и крестьянам, у которых они реквизировали скот и хлеб. Вместе с тем, значительная часть крестьянства поддерживала Балаховича, в деревнях имелась целая сеть его агентов-осведомителей.

Сам СББ осуждал уголовные преступления своих подчиненных, а под горячую руку мог и расстрелять. Поэтому в местах его присутствия было относительно спокойно. Так, 20 октября 1920 года в Пинске он издал приказ, осуждавший насилия и погромы:

«После взятия города Пинска начали повторяться факты убийств и грабежей, как в самом городе Пинске, так и в окрестных местечках.

От убийств этих, насилий и грабежей пострадало главным образом еврейское население...

Грабежи и погромы умаляют нашу боевую славу и порочат наше доброе имя.

Я буду беспощадно бороться с лицами, подстрекающими к еврейским погромам, так как это зачастую дело рук провокаторов...

Приказываю Начальников, части которых занимаются погромами, отрешать от должностей и предавать военному суду для суждения по законам военного времени, ибо начальник отвечает за свою часть.

Приказываю солдат, виновных в погромах и грабежах, тоже предавать военному суду для суждения по законам военного времени, а застигнутых на месте грабежа, как солдат, так и офицеров, расстреливать тут же. Погромы не должны быть и не будут более допускаться»*.

Одна из рот Беларуского отряда Балаховича (1920 г.)

В тот же день Булак-Балахович отдал еще один приказ:

«Разрешаю Прапорщику Цейтлину формировать при штабе Народной Добровольческой Армии, Отдельную еврейскую дружину»*.

Цейтлин, впоследствии поручик, сформировал еврейский эскадрон численностью до 300 человек. Кроме службы на фронте, этот эскадрон охранял и порядок в городах и местечках с еврейским населением. Позже еврейский эскадрон вошел в состав 2-й дивизии народно-освободительной армии Булак-Балаховича.

* «Свобода», 24 октября 1920 г., № 85, с. 1.

Балахович сурово расправлялся с пойманными грабителями. Например, под Кобрином на месте были расстреляны взводный Савицкий и двое солдат, в Скородном — поручик Андреев, в Лучном — поручик Смирнов и т.д. В Камне-Коширском нескольких офицеров арестовали и отдали под суд (фон Даселя, Павловского, Войнюнского и Бромберга) за учиненный погром. В связи с этим любопытно сообщение корреспондента газеты «Свобода» из Пинска от 31 октября:

> «Приказ ген. Балаховича о беспощадной расправе с офицерами и солдатами, уличенными в грабеже, энергично проводится в жизнь. Вчера в Давид-городке комендант города лично застрелил солдата, который украл у еврея несколько тысяч марок и шубу, и был пойман на месте преступления...
>
> Объехав ряд селений на восток от Пинска, наш корреспондент из личных разговоров с евреями вынес впечатление, что еврейское население в районе операций армии, относится к ген. Балаховичу вполне доброжелательно»*.

ПОХОД БУЛАК-БАЛАХОВИЧА В ПОЛЕСЬЕ

Политическая ситуация в Беларуси к моменту заключения советско-польского перемирия оставалась напряженной. В полосе действий Западного фронта экономика пребывала в состоянии разрухи вследствие боевых действий, польской оккупации, политики «военного коммунизма» в районах, занятых красными. Все это вызывало потери среди гражданского населения, его полуголодное существование и недовольство действиями властей.

В Беларуси ширилось антибольшевистское партизанское движение, особенно среди крестьянства, так же, как в России и Украине. Большевики жестоко подавляли его, но в условиях войны с Польшей полностью подавить не могли. Партизанское движение подпитывалось массовым дезертирством из рядов Красной Армии.

***

Статья 2-я договора о предварительных условиях мира установила запрет на пребывание на территории обеих сторон «организаций, ставящих себе целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной».

А такие вооруженные силы имелись с обеих сторон. В Беларуси в Бобруйске и других местах создавались части Польской Красной Армии. Но они были выведены на Урал после ратификации договора, а затем и вовсе расформированы.

Сложнее обстояло дело у польской стороны. На советском Юго-Западном фронте на Украине сражалась вместе с польскими войсками союзная им украинская армия под командованием С.В. Петлюры. Подписав договор о перемирии, польское правительство поставило украинских союзников перед выбором: либо сложить оружие и ликвидировать свою армию, либо вести борьбу против Красной Армии самостоятельно.

В таком же положении очутились российские воинские части, формировавшиеся в Польше из числа добровольцев и военнопленных красноармейцев. Так, в августе 1920 года Борис Викторович Савинков, известный политический деятель, письменно поблагодарил главу государства Пилсудского за разрешение формировать российские вооруженные части. Он сообщил, что на 23 августа сформирован штаб Российской армии, 3 стрелковых полка (по 200–460 человек), два полка казаков (оренбургских и кавказских), дивизион

* «Свобода», 4 ноября 1920 г., № 93, с. 3.

артиллерии и другие части — всего 2711 человек, в том числе 710 офицеров и военных чиновников.

Савинков сообщал, что есть еще две самостоятельные части казаков: бригада есаула М.И. Яковлева и бригада есаула А. Сальникова (донские и кубанские казаки, перешедшие летом 1920 года из 1-й Конной армии к полякам). Эти две бригады не пожелали присоединяться к вновь формируемой Российской армии, так как ею командовал генерал Петр Глазенап, которого казаки считали сторонником Деникина и Врангеля, а, значит, противником автономии Дона и Кубани.

Беларуский особый отряд генерала Булак-Булаховича после ратификации договора о перемирии тоже подлежал разоружению и расформированию.

После заключения советско-польского перемирия Пилсудский вызвал к себе Савинкова и предложил в 24 часа дать ответ, будут ли они воевать. Савинков собрал представителей русских и беларуских формирований, передал им требование Пилсудского и предложил дать ответ Пилсудскому. На совещании присутствовали генерал С.Н. Булак-Балахович, его брат Юзеф, российские генералы Б. Перемыкин и Н. Махров, представитель Врангеля. Они единогласно приняли решение воевать. Савинков определил общие силы в 27 тысяч солдат.

Но генерал Б. Перемыкин, поддерживаемый Н. Махровым, отказался подчиняться С.Н. Булак-Балаховичу и заявил, что его части будут действовать на правом фланге украинской армии, т.е. ближе к Крыму и врангелевской армии. А СББ заявил, что избирает другое направление для наступления: Лунинец — Мозырь.

К моменту окончания военных действий, на 20 октября 1920 года, линия Юго-Западного фронта Красной Армии проходила по рекам Уборть (южнее Турова) — в районе Олевска — далее по реке Случь в район Новограда-Волынского — далее на юг до местечка Литин (35 км западнее Винницы) — далее по реке Мурафа до впадения ее в Днестр возле города Ямполь.

На следующий день, 21 октября 1920 года начала наступление в Украине 30-тысячная армия Петлюры. В первые дни наступление велось в районе Могилева-Подольского на фронте шириной 30 километров. В последующие дни оно продолжалось на других участках фронта.

Ее частям удалось занять Литин, продвинуться к Бердичеву, Виннице и на линию Бар — Ялтушков — Замехов — Рудковицы (на границе нынешних Винницкой и Хмельницкой областей). Однако украинская национальная армия (УНА) не получила сколько-нибудь значительной поддержки от местного населения.

Очередную наступательную операцию командование УНА планировало на 11 ноября. Но войска Юго-Западного фронта нанесли упреждающий удар днем раньше и 14 ноября перешли в общее наступление.

Несмотря на контратаки частей УНА в районах Жмеринки и Бара, красные 16 ноября заняли Каменец-Подольский, а 18 ноября вышли на линию Летичев — Деражня — Каменец-Подольский. Украинские войска 21 ноября ушли за реку Збруч у Волочиска и Тарноруды. Там их интернировали поляки. Границу перешли 17 тысяч украинских солдат и офицеров, 3 тысячи кубанских казаков есаула Яковлева, а также 8,5 тысяч солдат и офицеров армии генерала Б. Перемыкина.

После этого осталась еще одна группировка войск — беларуские и российские части под командованием С. Булак-Балаховича, которые готовились к походу в беларуское Полесье и, в случае удачи предприятия, в Россию.

РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ В ПОЛЬШЕ

Определенную роль в борьбе против большевиков на территории Беларуси в 1920 году играл Русский политический комитет в Польше — центр левого крыла российской эмиграции. Руководил им известный политический деятель и литератор Б.В. Савинков (1879–1925), в прошлом один из руководителей боевой (террористической) организации российской партии социалистов-революционеров (эсэров). Прославился он и своими литературными произведениями на темы революции и революционного террора.

Станислав Булак-Балахович (справа) и его телохранитель (1920 г.)

После октябрьского переворота 1917 года Савинков участвовал в организации Добровольческой армии на Дону, был организатором подпольного офицерского «Союза защиты родины и свободы» в Москве, участвовал в организации антибольшевистского восстания в Ярославле и других городах Поволжья в 1918 году. За границей он являлся активным деятелем российской эмиграции. В 1920 году использовал эсэровскую теорию «третьей России», согласно которой революцию продолжит крестьянство, которое не поддерживает ни большевиков, ни монархистов-белогвардейцев. Главной задачей Савинкова в Польше являлось создание боеспособных воинских частей из российских офицеров и солдат для борьбы с большевистской Россией.

В январе 1920 года Савинков приехал из Парижа и 16 января встретился с Пилсудским, предложив ему создать русский политический комитет и воинские формирования. Пилсудский был заинтересован в такой организации, поскольку не смог договориться с белыми генералами, не желавшими делать политических и территориальных уступок Польше, и не признававших прав Украины и Беларуси на самостоятельность.

Второй раз Савинков появился в Польше в начале июня 1920 года. Его

снова принял Пилсудский. В результате переговоров он получил разрешение на создание российских воинских формирований. Политическую организацию и контроль за их деятельностью получил созданный в начале июля Русский Эвакуационный Комитет, который возглавил Савинков. В августе этот комитет с разрешения польских властей был переименован в «Русский комитет по делам формирования русских частей на территории Польши» и получил возможность формировать такие части из пленных красноармейцев.

Но поскольку принятое название было слишком громоздким и неудобным, в том числе в политическом отношении, комитет вскоре переименовали в Русский политический комитет (РПК) в Польше. В него вошли известные российские литераторы, проживавшие в Варшаве, Дмитрий Мережковский и его жена Зинаида Гиппиус, генерал-лейтенант П.В. Глазенап, генерал-майор П. Симанский, Д. Философов, Ю. Соловьев, Ф. Родичев, князь Мещерский, эсэры П. Племянников, Н. Штейнберг, В. Бадер и А. Лелюхин.

РПК с 17 июля 1920 года издавал в Варшаве газету «Свобода» на четырех полосах. В первом номере было опубликовано «Воззвание к русским людям», призывавшее к совместной борьбе русских и поляков против красных. Воззвание подписали члены РПК.

14 июля Пилсудский сообщил Савинкову, что он желал бы соглашения между ним и Булак-Балаховичем и высказал пожелание, чтобы генерал С. Булак-Балахович был назначен командующим российскими военными частями, формируемыми в Польше, хотя Савинков уже назначил на эту должность генерала Глазенапа.

В таких условиях 27 августа 1920 года СББ заключил соглашение с Савинковым о сотрудничестве, признав политическое руководство Савинкова, но сохранив самостоятельность в военных делах. Соглашение было подписано обоими деятелями как равноправными сторонами и содержало главные принципы их сотрудничества. Создаваемая армия первоначально получила название Народной Добровольческой армии (НДА). В частности, в нем говорилось:

«...Б.В. Савинков и генерал Булак-Балахович пришли к следующему соглашению:

1) Отряд ген. Булак-Балаховича выступает под общими лозунгами российских частей на польской территории, во главе которых стоит Б.В. Савинков:

а) Учредительное Собрание; б) Земля для народа; в) Демократия; г) Союз народов (федерация).

2) Отряд генерала Булак-Балаховича подчиняется политически Б.В. Савинкову, как особе, стоящей во главе российского политического центра, имеющего цель восстановить Россию на демократической основе.

3) Отряд ген. Балаховича находится под финансовым контролем не польских властей, а Б.В. Савинкова.

4) Отряд ген. Булак-Балаховича действует в оперативном отношении самостоятельно, поддерживая однако по мере возможности необходимую стратегическую связь с действиями других российских частей, сформированных на польской территории и политически подчиненных Б.В. Савинкову.

5) В случае возможного объединения всех отдельных российских войсковых групп под единым главным командованием, проблема дальнейшей стратегической зависимости ген. Балаховича и других отрядов будет выяснена дополнительно, причем политическое подчинение ген. Балаховича останется без изменений.

6) При отряде ген. Балаховича, в случае его продвижения вглубь рос-

сийской территории, будет организовано создание местного самоуправления и административного управления, согласно плану, выработанному Б.В. Савинковым, стоящим во главе российского политического центра.

7) Б.В. Савинков принимает на себя обязательства:

а) политически представлять отряд ген. Балаховича, как при польском правительстве, так и по отношению союзных держав.

б) По мере возможности действовать во всех отношениях для улучшения снабжения отряда ген. Балаховича...

27 августа 1920 г., Варшава

Б. Савинков.

Ген.-майор Булак-Балахович»*.

Подготовка российских военных формирований на территории Польши продолжалась и в последующие недели. В сентябре СББ имел в своем распоряжении 5 тысяч человек, а 2 еще тысячи человек были временно командированы в распоряжение командующего 3-й польской армией. Эти 7 тысяч штыков и сабель находились в районе Влодавы.

ПОДГОТОВКА ПОХОДА НА ПОЛЕСЬЕ

Формирование НДА шло быстрыми темпами и завершилось в октябре. Внешнеполитические события подталкивали к скорейшему началу похода. Переговоры в Риге о заключении перемирия и предварительных условиях мира не вызывали сомнений, что никаких других вооруженных сил, кроме польской армии, на территории Польши не останется: им придется либо самораспуститься, либо воевать с Красной Армией на территории РСФСР. Поэтому штаб НДА срочно разрабатывал план похода. 12 октября на совещании генералов было принято решение о начале военной операции.

Направлением похода Балахович и Савинков выбрали Полесье, лесисто-болотистый район, удобный для партизанских действий, и в то же время кратчайший путь для выхода на территорию России, охваченной крестьянскими восстаниями.

Хотя Савинков и СББ договорились о создании единой армии, их взгляды на дальнейшее развитие событий расходились. Ведь Савинков согласился с кандидатурой Булак-Балаховича на должность командующего лишь потому, что российские генералы в Польше были монархистами и не поддерживали его программу создания Российской демократической республики. Пилсудского же Балахович вполне устраивал: он не был связан с Врангелем, да и по происхождению был местный.

17 октября в газете «Свобода» председатель РПК Савинков и командующий НДА генерал Булак-Балахович опубликовали свою программу. Она содержала следующие пункты:

«1) Борьба с большевизмом;

2) Борьба вместе с другими народами не за восстановление прежней России, а за признание тех государств, которые уже возникли. Военная коалиция против большевиков;

3) Борьба против понятия «Советская Россия», которое является гнездом самодержавия, группой захватчиков. Борьба «не против Красной Армии, состоящей из насильно мобилизованного народа, а против тех, кто произвел эту мобилизацию, против комиссаров, коммунистов и их приспешников»;

4) «Уничтожение советской власти... исключительно на добровольном начале. Это подразумевает полную свободу выбора — идти с нами или нет»;

5) Создание временного управления в «очищенных от большевиков об-

* Sasiedzi wobec wojny 1920 roku. Wybor dokumentow. Londyn, 1990, s. 111–112.

ластях». Создание на местах учредительных собраний, которым вручается вся власть*.

Одновременно (12 октября) СББ заключил соглашение с Беларуским Политическим Комитетом (БПК) польской ориентации, созданным в начале октября в Варшаве. В состав БПК входили Вячеслав Адамович, Павел Алексюк, Антон Левицкий, Евгений Миткевич, Радослав Островский, Юрий Сенкевич, полковник Беляев и некоторые другие лица.

БПК обязался помочь генералу в организации беларуской армии в составе его «Отдельной Союзной армии», как ее официально называли польские военные власти. Со своей стороны, С. Булак-Балахович обязался передать власть БПК на занятой его армией территории Беларуси. Отдельное соглашение БПК заключил с Савинковым.

В письме членов БПК к СББ выражалась уверенность, что «армия пана Генерала, в составе которой значительное число беларусов, действительно принесет нашему краю подлинную свободу и возможность создания своего государственного устройства».

Вскоре после захвата Пинска численность Беларуского отряда резко увеличилась за счет пленных. К 29 сентября в нем насчитывалось уже 4600 штыков и 1150 сабель. НДА пополнялась и за счет формировавшихся в Калише, Люблине и Бресте отрядов из российских солдат и военнопленных. Группа офицеров Балаховича объезжала лагеря военнопленных и вербовала добровольцев.

Охотно записывались в армию Балаховича уроженцы Пинского Полесья, особенно из партизанских отрядов «зеленых». Кроме того, крестьянские волостные сходы принимали постановления о мобилизации крестьянской молодежи в возрасте от 19 до 24 лет в распоряжение Балаховича. Крестьяне также обслуживали обозы НДА.

За короткое время были созданы два беларуских пехотных батальона. Одним командовал капитан Николай Демидов, сформировавший батальон в районе Белостока. В начале ноября в НДА вошел беларуский отряд капитана Тимофея Хведощени. Затем присоединились еще два партизанских отряда — один из окрестностей Слуцка, другой — из-под Минска.

В середине октября НДА имела уже 6500 офицеров и солдат. Но ее формирование продолжалось вплоть до дня начала наступления в Восточном Полесье.

Что касается национального состава НДА, то вопрос этот достаточно сложный из-за отсутствия соответствующих документов. Ясно лишь, что большинство солдат составляли русские из числа пленных красноармейцев.

Наиболее беларуской по составу была 2-я Минская дивизия. Здесь и названия полков имели местный характер — Витебский, Минский, Могилевский, Смоленский. В дивизии первоначально имелся Беларуский отдельный батальон с конным взводом и два беларуских партизанских отряда.

Еще один беларуский батальон входил в состав Островского полка 1-й дивизии. Здесь же служили и старые бойцы из отряда Булак-Балаховича — родом из Беларуси.

3-я Волжская дивизия, кроме офицерских кадров, полностью была создана из русских военнопленных. Названия полков имели «волжский» характер — Казанский, Нижегородский, Самарский, Ярославский.

В кавалерийской дивизии и в крестьянской бригаде атамана Искры (И. Лохвицкого) было много украинцев. Ее полки носили соответствующие назва-

* «Свобода», 17 октября 1920 г., № 79, с. 1.

ния: Киевский, Путивльский и Новоград-Владимиро-Волынский.

Немало в НДА служило поляков; в основном это были дезертиры из польской армии, искавшие «легкой жизни» в полупартизанских формированиях. Как уже сказано, в Пинске был сформирован еврейский эскадрон Цейтлина. Служили у Балаховича и другие офицеры-евреи.

Уже в самом начале формирования «Особой Союзной армии», или НДА, был намечен раздел ее в ближайшем будущем на Русскую и Беларускую армии.

ПОХОД БУЛАК-БАЛАХОВИЧА НА ПОЛЕСЬЕ

После подписания предварительного мирного договора между Польшей и РСФСР польское командование формально прекратило отношения со своими союзниками — Петлюрой, Перемыкиным и Балаховичем, и даже предложило им покинуть территорию Польши до 2 ноября. Начальник генштаба Войска Польского послал начальнику штаба 4-й польской армии депешу, в которой предписывал:

> «Отряды Балаховича, Перемыкина и Петлюры нам не подчиняются, и со дня ратификации (перемирия, т.е. с 22 октября — А.Г.) всякие отношения с ними прекращаются. До этого времени, имея моральные по отношению к этим отрядам обязательства, мы экипировали их, потому что предложение сложить оружие они не приняли. С момента же ратификации всякая помощь наша для них прекращается. Если будут отброшены на нашу территорию, то подлежат разоружению.
>
> Командование советских войск не может возлагать на нас ответственность за выполнение условий перемирия и мира отрядами, нам не подчиненными и в защиту которых выступать вооруженным путем или дипломатическим мы не будем»*.

15 октября генерал Тадеуш Розвадовский сообщил и.о. военного атташе в Париже: «части генерала Балаховича в количестве около 12 тысяч человек остаются перед польским фронтом, и они предпримут акцию на Мозырь, оттуда на Жлобин или Овруч в зависимости от обстоятельств**.

Находясь в нейтральной зоне, 25 октября С. Булак-Балахович, Б. Савинков и В. Адамович вместе с другими членами БПК пересекли новую государственную границу, установленную договором о предварительных условиях мира.

Генерал Врангель был противником каких-либо национальных государств на территории Российской империи, но формально поход поддержал. Савинков относился к независимости Беларуси безразлично. А беларуские деятели из БПК выступали за независимую Беларусь в союзе с Польшей.

Перед началом наступления (25 октября) Савинков и Булак-Балахович направили телеграмму маршалу Пилсудскому и генералу Врангелю:

> «Сего 25 октября я, согласно выраженному ими желанию, объединил под своим командованием все белорусские отряды, поставившие себе целью свержение власти большевиков и освобождение самостоятельной Белоруссии. Как Командующий Русской Народной Добровольческой Армией, имеющий в своем составе Белорусские Добровольческие Части и как сын белорусского народа, я поднимаю сегодня знамя Самостоятельной Демократической Белоруссии.
>
> Русская Народная Добровольческая Армия, борющаяся против больше-

* Sasiedzi wobec wojny 1920 roku, s. 136.

** Rok 1920. Wojna polsko-radziecka we wspomnieniach i innych dokumentach, s. 249–250.

виков за свободу всех народов и за мир всему миру, призванная на помощь представителями Свободного Белорусского Народа перешла сегодня границу, установленную прелиминарным миром. Поддержанная восставшими белорусскими крестьянами и имея в своих рядах многочисленных белорусских добровольцев, она продвигается вперед для освобождения самостоятельной Белоруссии и для окончательного торжества над захватчиками власти — большевиками»*.

Таким образом, начиная свой поход, Булак-Балахович открыто заявил о создании самостоятельной Беларуси. Эту идею поддержал БНК, который в своей телеграмме Савинкову и СББ заявил:

«Зная программу Русского Политического Комитета и Народной Добровольческой Армии и твердо веря в ее искренность, мы, представители Самостоятельной Белоруссии, обращаемся к Вам за помощью. Русская Народная Добровольческая Армия, которая имеет в своих рядах многочисленных сынов Белоруссии и сам вождь которой является сыном нашего народа — приветствуется нами. Страдая под игом захватчиков-большевиков, Белорусский Народ зовет ее помочь ему освободиться и тем осуществить заветную мечту многих поколений о самостоятельной демократической Белоруссии, связанной узами братского родства с двумя великими славянскими народами — Россией и Польшей»**.

Телеграмму подписали председатель БНК В. Адамович, члены комитета и члены Рады БНР Н. Сенкевич и П. Алексюк, командир Крестьянской Добровольческой Беларуской бригады капитан Курьен, командир Минского партизанского отряда подпоручик Хведощеня, представители организации «Зеленый Дуб» из Минской, Могилевской, Смоленской и Витебской губерний (со штабом в Лунинце).

* * *

В начале ноября 1920 года на Припяти, в районе Микашевичи — Туров, собралась армия, подчиненная СББ. По сведениям российского генерала Н. Симанского, изучавшего этот поход, в ноябре в НДА состояло 20 тысяч человек, из них в строю 14.750 человек, в том числе штыков и сабель 11.050, остальные — штабы, артиллерия и технические службы. В НДА входили следующие соединения.

1-я дивизия «смерти» полковника (позже генерал-майора) Матвеева:

4 полка (1-й Партизанский, 2-й Псковский, 3-й Островский, 4-й Вознесенский); дивизион конной артиллерии (8 орудий); инженерный батальон; штабы и мастерские. Всего до 4000 человек, в том числе 2600 штыков и сабель.

2-я дивизия полковника Микоши:

4 полка (Георгиевский, Минский, Смоленский, Витебский), 2 батареи (8 орудий); инженерная рота; штабы и мастерские. Всего до 4800 человек, из них 3200 штыков и сабель.

3-я Волжская дивизия генерал-майора Ярославцева:

4 полка (Казанский, Ярославский, Нижегородский, Самарский); одна батарея (5 орудий). Всего около 2200 человек, в том числе 1500 штыков.

Крестьянская бригада атамана Искры (Лохвицкого):

3 полка (Киевский, Новоградско-Владимиро-Волынский, Путивльский конный); сотня Меркулова. Всего 1200 штыков и сабель.

Кавалерийская дивизия полковника Павловского:

4 полка (1-й конный, гусарский, уланский, Тульский драгунский). Всего

---

* «Свобода», 3 ноября 1920 г., № 92, с. 3.

** Там же.

1100 человек, в том числе 400 штыков и 700 сабель.

Отдельный полк туземной кавалерии полковника Мадатьяна (100 штыков и 300 сабель).

Полк донских казаков полковника Дулопельникова (около 1200 сабель).

Личная сотня ген. Булак-Балаховича (120 сабель).

Железнодорожный полк (в стадии формирования).*

В армии числились две эскадры самолетов с командирами эскадр и четырьмя пилотами-офицерами в каждой — всего 10 машин.

Станислав Булак-Балахович среди своих бойцов (1920 г.)

К моменту начала похода армии на восток польское командование отвело свои войска с занимаемой ими территории ССРБ на свою территорию за нейтральной зоной, расчистив тем самым место прорыва для НДА. Одновременно, в ответ на протесты советской делегации в Риге по поводу поддержки отрядов Балаховича и Петлюры, польское правительство заявило, что оно разоружило части, оставшиеся на польской территории — бригаду тяжелой артиллерии и бронепоезд.

Начиная свою акцию, Булак-Балахович провел торжественную церемонию установления народной национальной власти на занимаемой территории. 7 ноября в Турове на рыночной площади в центре местечка выстроились беларуские части. На торжество приехало много крестьян из окрестных деревень, делегации христианского и еврейского населения (в Турове преобладало еврейское население). Присутствовал и Борис Савинков.

В церкви во время генерал Булак-Балахович поднял беларуский национальный стяг и принял присягу, что «не сложит оружия, пока не освободит родной край от узурпаторов». Во время торжества генерал официально передал власть Беларускому Политическому Комитету «на освобожденной земле Беларуской Народной Республики». Торжество закончилось парадом беларуских подразделений.

Еще 6 ноября армия Булак-Балаховича перешла в наступление от Турова на восток по обоим берегам Припяти. Наступление вели три пехотные и одна кавалерийская дивизии.

Крестьянская бригада и ее Путивльский конно-стрелковый полк проводили отвлекающий маневр, действуя на самом юге беларуского и на украинском Полесье (район Ельск - Овруч).

В центре наступала ударная группа Булак-Балаховича, продвигавшаяся вдоль Припяти по правому берегу на Мозырь. В ее состав входила 1-я пехотная дивизия с приданым ей Витебским пехотным полком 2-й дивизии и Кавалерийская дивизия (без Уланского полка) полковника Сергея Павловского. За ними шла 3-я пехотная дивизия генерала Ярославцева.

Эта центральная группа насчитывала около 6400 штыков, 800 сабель и 6 орудий.

На левом крыле армии, по левому берегу Припяти в общем направлении на Калинковичи, а затем на Жлобин наступала 2-я пехотная дивизия вместе с Уланским полком. Эта группа была

* Simanskij P. Kampania białoruska rosyjskiej armii ludowo-ochotniczej gen. Bulak-Balachowicza w r. 1920. «Bellona», 1931, tom 37, zeszyt 2, s. 232.

меньше — 3000 штыков, 150 сабель и 8 орудий.

В месте прорыва, на некотором расстоянии за нейтральной полосой, армии СББ противостояли 22-я стрелковая бригада 8-й СД, 29-я стрелковая бригада и 10-й кавалерийский полк 10-й СД Западного фронта. Остальные бригады этих дивизий находились в районе Осипович (24-я бригада) и Мозыря (28-я и 30-я бригады). Резерв командования Западного фронта составляли 57-я и 48-я СД 16-й армии в районе Бобруйска и 4-я СД в районе Гомеля. Кроме того, 17-я СД являлась резервом главного командования Красной Армии.

Удар основных сил армии Балаховича пришелся по относительно слабым силам трех советских стрелковых бригад и кавалерийского полка. 10-я СД понесла большие потери, и ее части стали быстро отступать. 8 ноября в полдень войска Балаховича заняли Петриков. Организованного сопротивления разбросанные части советских войск не оказали.

9 ноября утром части армии СББ продолжили наступление в восточном направлении, занимая в течение дня ряд деревень. Уланский полк, продвигаясь по лесным полесским дорогам севернее Припяти, шел на Копаткевичи — Домановичи, чтобы перерезать железнодорожную линию из Жлобина на Калинковичи. К вечеру 9 ноября 1-я пехотная дивизия полковника Матвеева заняла местечко Скрыгалов и пошла дальше на Скрыгалову Слободу, которую заняла после небольшого боя. Дивизии Балаховича приблизились к Мозырю, уездному центру на юге Беларуси.

На 10 ноября группе полковника Жгуна (Островский пехотный полк и Туземный кавалерийский полк) было приказано переправиться через Припять с юга и занять узловую железнодорожную станцию и местечко Калинковичи. 1-й пехотной дивизии полковника Матвеева и 1-й кавалерийской дивизии было приказано взять Мозырь.

По мере продвижения балаховцев вперед отпор красных войск усиливался. Командование 16-й армии направляло на фронт новые соединения. Командир 10-й СД Кангелари получил 28-ю и 30-ю бригады из армейского резерва, в связи с чем командование армии приказало ему перейти в наступление.

Однако боевые группы СББ, выбив части 10-й СД с занимаемых позиций и нанеся значительные потери, заставили их отступить. После атаки оборонительных позиций противника Псковский полк 1-й дивизии «смерти» полковника Матвеева 10 ноября в 16.40 вошел в Мозырь. Через два часа в город вступили полки кавалерийской дивизии полковника С. Павловского и Партизанский полк 1-й дивизии.

В тот же день полковник Павловский из взятых в плен красноармейцев сформировал Мозырский пехотный полк. На сторону Балаховича перешли многие бойцы из 83-го, 89-го и 90-го стрелковых полков красных.

10 ноября группа полковника Жгуна, переправившись утром через Припять, окружила местечко Калинковичи (17 км севернее Мозыря) и, оставив в местечке обоз и Туземный полк, силами Островского полка занял узловую станцию. Саперы этой группы, взорвав железнодорожные пути, блокировали на участке Калинковичи — Мозырь советский бронепоезд.

Штабной вагон начдива 10-й дивизии оторвался от поезда, ушедшего на Василевичи (по пути на Гомель). Но начдиву и штабным работникам позже удалось выбраться в Василевичи. Все же на несколько часов управление дивизией нарушилось. В связи с ухудшившейся обстановкой командующий 16-й армией А.И. Кук приказал начдиву 8-й дивизии сосредоточить 24-ю бригаду в районе Глуска, а начдиву 10-й диви-

зии (который объявился в Василевичах) прикрывать направления на Жлобин, Речицу и Хойники.

Войска красных производили перегруппировку с целью защиты основных путей, по которым могли бы продвигаться части армии Булак-Балаховича. Но главной задачей для них было отрезать армию Балаховича от путей на запад и уничтожить ее.

Станислав Булак-Балахович перед пленными красноармейцами (1920 г.)

В тот же день 10 ноября отступавшая от Мозыря на север 29-я стрелковая бригада встретила отступавшие от Калинкович свои подразделения и, повернув ряды, атаковала Туземный полк балаховцев, расположенный в Калинковичах. После нескольких атак красных Туземный полк (состоявший из кавказцев) отступил, оставив противнику обоз и 6 пулеметов. Он понес значительные потери — 100 пленных, 150 дезертиров, остальные отошли лесами к Мозырю.

Затем Островский полк был атакован на станции Калинковичи 10-м запасным батальоном, прибывшим из Речицы и бронепоездом, вступившим в бой после устранения повреждений рельсов. Окруженный со всех сторон Островский полк рассыпался на мелкие группы, которые ушли лесами на западном направлении, а потом пробились в Мозырь.

12 ноября в полдень в Мозырь прибыл генерал Станислав Булак-Балахович. На несколько дней Мозырь превратился в центр его военной и политической деятельности, своеобразную столицу. По приказу коменданта Мозыря генерал-майора Ярославцева все домовладельцы в городе вывесили в этой связи беларуские бело-красно-белые национальные флаги.

После прибытия в Мозырь СББ издал ряд актов и приказов. 14 ноября был издан его приказ о создании беларуских вооруженных сил:

«Сего 14-го ноября я принял главнокомандование над всеми белорусскими и русскими вооруженными силами, находящимися на территории Белоруссии.

Моего Заместителя Полковника Булак-Балаховича за боевые подвиги производу в генерал-майоры и назначаю Командующим Русской Народной Добровольческой Армии.

Для создания Белорусской Народной Армии выделить из состава Русской Народной Добровольческой Армии кадр из уроженцев Белоруссии и приступить к формированию Белорусских частей временно при Штабе Русской Народной Добровольческой Армии. Командующий Белорусской Армией будет назначен особым приказом.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Белоруссии Генерал-майор Батька Булак-Балахович»*.

Однако фактически Станислав Булак-Балахович по-прежнему командовал «союзной» армией, а его брат, новый генерал, командовал войсками на наиболее важных направлениях.

В связи с приказом о формировании беларуской армии, основой для нее стал беларуский батальон, который начали формировать из местных крестьян еще 10 ноября. В течение трех дней батальон

* «Свобода», 24 ноября 1920 г., № 110, с. 3.

вырос до тысячи человек. Пополнился и один из беларуских батальонов в составе 2-й дивизии.

Вслед за Станиславом Булак-Балаховичем из Турова в Мозырь прибыли члены Беларуского Политического Комитета. Еще в Турове Комитет издал воззвание к беларусам, призывавшее к борьбе за независимость страны, а также отдельное воззвание к еврейскому народу, содержавшее призыв сотрудничать на благо общей родины.

БПК назначил гражданские власти Мозырского уезда, а также местечка Туров и Туровской волости. Была возобновлена работа почты, введены в обращение заранее отпечатанные почтовые марки.

В Мозыре 14 ноября БПК вместе с СББ издал новое воззвание к евреям, гарантирующее им равные права с беларусами в независимом Беларуском государстве и призывающее их помочь в борьбе с большевизмом. На следующий день были назначены городские власти Мозыря, в большинстве своем из числа евреев.

В суде, кроме государственного беларуского языка, разрешалось пользоваться польским языком и еврейским (идиш).

16 ноября председатель РПК Савинков и главнокомандующий вооруженными силами на территории Беларуси С.Н. Булак-Балахович, с одной стороны, председатель БПК В.А. Адамович и член комитета П.Ц. Алексюк с другой стороны, подписали новое соглашение о признании независимости Беларуского государства. Этот акт стал важным шагом вперед в политике хотя бы части русских политических деятелей антибольшевистской ориентации.

> «Окончательная форма взаимоотношений между Россией и Белоруссией будет определена соглашением между Учредительными Собраниями Русским и Белорусским или Правительствами, этими Учредительными собраниями установленными»*.

Булак-Балахович объявил, что не признает эмигрантского правительства В. Ластовского в Ковно и большевистского ревкома А. Червякова в Минске.

БПК был преобразован в правительство Беларуси. Его председатель Вячеслав Адамович (старший) стал премьер-министром, Павел Алексюк — вице-премьером и министром иностранных дел. Пост министра финансов, торговли и промышленности занял Юрий Сенкевич, просвещения — Радослав Островский, военного министра — полковник Беляев. Правительство Адамовича издало манифест к беларускому народу, расклееный на улицах Мозыря.

В манифесте содержалась программа нового беларуского правительства:

> 1) борьба за независимость Белоруссии;
>
> 2) созыв в ближайшее время Учредительного Собрания;
>
> 3) проведение аграрной реформы с ликвидацией крупной земельной собственности;
>
> 4) строительство белорусской государственности в тесном союзе с Польшей...

Новое правительство БНР назначило С. Булак-Балаховича на должность главы государства с тем же названием, как у Пилсудского — Начальник Беларуского государства.

А военные действия в Полесье продолжались. 11 ноября полковник Жгун со своими отрядами вновь занял Калинковичи, откуда его отряды вскоре были выбиты. Но, получив в подкрепление Вознесенский полк, к вечеру он вновь занял местечко и станцию.

Советское командование придавало большое значение этому пункту. Поэто-

---

* «Свобода», 28 ноября 1920 г., № 114, с. 4.

му к Калинковичам была отправлены 29-я стрелковая бригада и два бронепоезда. В 22 часа 12 ноября, после ожесточенных уличных боев, красные вновь взяли Калинковичи.

13 ноября советское командование выяснило, что главный удар армии Балаховича направлен не на север, а на восток, на Речицу. В тот день группа полковника Павловского из пяти полков двинулась в этом направлении. Туда же двинулась и группа полковника Матвеева, сконцентрировавшаяся в Гулевичах, восточнее Мозыря.

Две группы наступали севернее Припяти от станции Птичь – группа полковника Стрижевского (с Минским и Уланским полками) на Михоновичи, а группа полковника Таалат-Келпша (со Смоленским и Георгиевским полками) – севернее, на Якимовичи.

Еще севернее, прикрывая наступавшие колонны, шел уланский полк на Копаткевичи – Домановичи. Но, как оказалось, большинство командиров эскадронов были большевиками, которые специально записались в армию Балаховича. При первой же встрече с красными войсками этот полк перешел на их сторону.

14 ноября группа полковника Микоши, усиленная группой полковника Жгуна, ударила на Калинковичи (Минский и Островский полки) и Якимовичи (севернее Припяти и северо-западнее Калинкович). Красным пришлось оставить эти пункты. На следующий день группа полковника Микоши двинулась на север, в общем направлении на Жлобин.

15 ноября СББ приказал идти на Речицу. Он рассчитывал пополнить свои силы партизанскими отрядами в районе Речицы и 10 тысячами солдат, мобилизованных в Красную Армию (в подавляющем большинстве из местных крестьян) в Гомеле и только тогда повернуть на северо-запад, как было ранее предусмотрено. Взять Речицу он приказал группам полковников Матвеева и Павловского. Они шли двумя колоннами, не встречаясь и даже не имея контактов между собой.

На самом юге Крестьянская бригада атамана Искры продвигалась в глухих местах Полесья, в беларуско-украинском пограничье. Здесь красных войск не было, и движение бригады происходило без боев. 11 ноября бригада дошла до местечка Лельчицы, а 14 ноября двинулась оттуда к Овручу.

Начиная с 15 ноября основные силы армии Булак-Балаховича двигались на восток, преодолевая 100-километровое расстояние от Мозыря на Припяти до Речицы на Днепре. Группа полковника Матвеева из частей 1-й и 2-й дивизий (Вознесенский, Витебский и два батальона Псковского полка – 850 штыков и 30 сабель) 15 ноября в 4 часа утра вышла к деревне Большие Автюки и около 7 часов взяла ее штурмом, а в 16 часов после боя овладела селом Хабно, вытеснив оттуда запасной полк 10-й дивизии и отряд школы курсантов из Гомеля.

Затем группа Матвеева продвинулась на Речицу, не имея связи ни с группой Павловского, ни со своим командованием. 16 ноября Матвеев с группой занял Бабылево, где переночевал.

Хлеба не хватало, солдаты меняли у крестьян соль на хлеб. Патронов осталось по 50–60 штук на солдата. Тем не менее, эта группа двигалась к Речице через Короватичи и Капоровку. Дальше в Молчанах в бою были взяты пленные и отбиты ранее попавшие в советский плен солдаты Конного полка и хорунжий Лесюков, командир Мозырского полка.

После упорного боя группа Матвеева вечером 17 ноября разместилась на ночлег в деревне Корыстань, трижды отбив атаки красных.

Группа полковника Павловского быстрым маршем шла на Речицу своим пу-

тем, с юга. В этой группе находился и полковник Юзеф Балахович.

По приказу командующего 16-й армией красных в Речицу стягивались силы для удержания города. В распоряжение начдива 10-й СД были переданы запасной батальон 55-го стрелкового полка и кавалерийский полк, а начдиву 4-й СД передан стрелковый полк. Для удержания рубежа Днепра в местечко Лоев был переброшен кавалерийский полк. 48-я СД заканчивала сосредоточение в районе Шацилки (ныне Светлогорск) — Домановичи — Озаричи, нависая с севера над группировкой в Мозыре. Далее к западу подтягивалась 17-я СД.

Командующий Западным фронтом Тухачевский срочно передал командующему 16-й армией 33-ю Кубанскую конную дивизию, которая перебрасывалась по железной дороге из Витебска в район станции Шацилки.

Командарм 16-й армии решил окружить и разбить армию Балаховича и в 14 часов 15 ноября отдал начдивам 8-й, 17-й, 48-й, 10-й, 4-й стрелковых и 33-й Кубанской конной дивизии соответствующий приказ.

А группа полковника Павловского 16 ноября подошла к Речице с юга. Город защищали 10-я СД, 36-й полк 4-й СД, 55-й запасной батальон, два отдельных отряда, инженерный батальон, особый отряд Уварова и два бронепоезда — внушительные силы. Действуя в окрестностях Речицы, полковник Павловский атаковал позиции красных в деревне Казазаевка, одновременно послав Мозырский полк на Волчью Гору. Казазаевка в течение дня 16 ноября переходила из рук в руки, но к концу дня осталась вместе с железнодорожным мостом через Днепр за Партизанским полком. Этот полк потерял более трети своего состава и почти всех офицеров.

Мозырский полк, атаковавший позиции красных у Волчьей Горы, был почти целиком уничтожен в бою, а часть его солдат попала в плен. Спасая лошадей от постоянного артиллерийского обстрела, полковник Павловский отослал Конный полк и обоз южнее, в село Бронное на Днепре.

В ночь с 16 на 17 ноября застава балаховцев на железнодорожном мосту через Днепр была разбита, а Казазаевку взяла штурмом 29-я стрелковая бригада с помощью двух бронепоездов. Партизанский полк отошел от Бронного к югу, Конный полк и обозы ушли в Засну (южнее, у Днепра). Утром 18 ноября части красных после уличного боя заняли Засну. В это время с юга к Засне подошли подразделения 28-й стрелковой бригады и атаковали Конный полк. Уцелевшие после поражения части группы полковника Павловского отошли южнее Речицы на 25–30 километров и собрались в местечке Малодуша, по дороге на Хойники.

Не имея сведений о местопребывании группы Павловского и решив, что она атакует Речицу (по отрывочным сведениям, полученным от крестьян и освобожденных из плена солдат Мозырского полка), полковник Матвеев с утра 17 ноября повел свою группу в наступление на Речицу, идя примерно тем же путем с юга, что до него Павловский. 18 ноября, узнав от местных жителей, что Павловский отступил от Речицы, но и красные эвакуируют город (а они наоборот стягивали сюда подкрепления), Матвеев с Вознесенским, Витебским и Псковским полками двинулся к Речице.

Красные командиры не ожидали нового наступления с юга и перегруппировали свои войска на запад и север. Тем не менее, атака Матвеева с юга успеха не имела. У него было только 3 полевых орудия, 10 пулеметов и 300 солдат, преодолеть оборону красных он не смог. Его порядки обстреливали батарея тяжелой артиллерии, две батареи

полевой артиллерии и два бронепоезда. Группа Матвеева отступила к деревне Молчаны, на юго-запад. Назавтра, узнав об атаке группы Матвеева, группа Павловского снова пошла к Речице, но была вынуждена отступить перед превосходящими силами красных.

Наконец, 20 ноября понесшие потери группы Матвеева и Павловского встретились в деревне Великий Бор (20 км севернее Хойников, 50 км восточнее Мозыря), в полесских лесах. Посовещавшись, командиры решили Речицу далее не атаковать из-за нехватки артиллерии и личного состава. Сюда же 20 ноября из Мозыря прибыл сам Станислав Булак-Балахович, приведя с собой свою личную сотню и один батальон Псковского полка. Всего в Великом Боре собралось более тысячи солдат.

По дороге Булак-Балахович сформировал в Хабне из пленных красноармейцев Хабненский полк.

Группа полковника Микоши (в основном полки 2-й дивизии) активно действовала в северном направлении, на Жлобин. 15 ноября группа Микоши двинулась на Жлобин после взятия накануне Калинкович и Якимовичей (северо-западнее Калинкович). Минский полк занял Козловичи, а Георгиевский — Домановичи. Смоленский полк остался в Якимовичах, Островский охранял станцию и местечко Калинковичи. Восточнее, на правом крыле этой группы, действовал Туземный полк.

Дальнейшее наступление группы полковника Микоши было сдержано в 5 километрах северо-западнее Домановичей 143-й стрелковой бригадой.

А в это время находившийся в Козловичах 3-й батальон Минского полка без боя перешал на сторону большевиков (7 офицеров, более 100 солдат, 3 пулемета). Сюда прибывали дополнительные силы красных войск. С утра 17 ноября под напором частей 17-й СД группа полковника Микоши начала отступать и в 15 часов дня ушла в Мозырь, который занимала 3-я дивизия генерала Ярославцева.

Убедившись, что главные силы армии Булак-Балаховича наступают на Речицу, начальник штаба Западного фронта Николай Соллогуб подготовил план окружения противника в двух «котлах» – возле Мозыря и между Мозырем и Речицей. По этому плану 17-й СД было приказано выйти из района Жлобина в тыл армии Балаховича западнее Мозыря и отрезать его части, которые вели бои под Речицей.

Находившейся в районе Бобруйска 48-й СД предписывалось разрезать группировку, которая вела бои между Мозырем и Речицей, путем взятия Калинковичей и Хойников.

К вечеру 17 ноября 143-я бригада 48-й СД заняла Калинковичи – Малые Автюки, а 142-я бригада этой дивизии — Макановичи. Были взяты пленные из Витебского, Псковского и Вознесенского полков. Части 10-й СД подошли к Припяти и заняли позиции на противоположном от Мозыря берегу.

В ночь с 17 на 18 ноября группа Микоши начала отступление от Мозыря на запад. 2-я пехотная дивизия упорно обороняла Мозырь, но и ей пришлось отступить. 19 ноября 49-я бригада 17-й СД форсировала Припять. Мозырь был взят 51-й бригадой 17-й СД 20 ноября в 2 часа ночи, после многочисленных атак.

В ночь с 20 на 21 ноября СББ начал отход на запад из района деревни Великий Бор. Эта группировка его войск разделилась на две колонны и шла лесными дорогами в обход Мозыря с севера и юга. При этом отступающие части несли большие потери, главным образом пленными.

Сам Станислав Булак-Балахович шел с северной колонной, ему удалось пройти между Калинковичами и Мозырем через заслоны 17-й СД.

Еще несколько дней балаховцы шли лесными дорогами на запад, имея боевые столкновения с частями 33-й Кубанской кавалерийской дивизии. 22 ноября в районе Каничи – Якимовичи (35 км северо-западнее Калинкович) группе СББ удалось пробиться на запад, нанеся поражение частям 33-й Кубанской казачьей дивизии. Красные казаки не выдержали удара Псковского и Партизанского полков. 23 ноября утром группа, имея хороших проводников прошла по глухим лесным дорогам к деревне Колки (севернее Копаткевичей), а оттуда подошла к реке Птичь и днем вышла к деревне Концевичи.

Утром следующего дня, преследуемые с севера бойцами 24-й стрелковой бригады, а с востока – 33-й Кубанской дивизии, части Балаховича переправились через Птичь, частично уничтожив свой обоз. 25 ноября эти части, отбив атаку красных казаков под Грабовом (20 км восточнее Князь-озера), продвинулись в сторону Житкович. 27 ноября на станции Люденевичи (западнее Житкович) СББ получил сведения, что остальные группы его армии уже перешли на польскую территорию и отдал приказ частям своей группы отступить.

С 18 ноября на запад отступали и другие группы армии Балаховича. Они шли от Мозыря и от Ельска южнее Припяти. Все эти части собрались 23 ноября в нейтральной зоне возле Турова. Таким образом, план красных по окружению армии Балаховича провалился. 27 ноября беларуские батальоны капитана Демидова и полковника Таалат-Келпша, задержавшиеся на демаркационной линии южнее Припяти, получили сведения, что на противоположном берегу Припяти движется на запад группа СББ и что ей угрожает окружение под Житковичами.

Тогда оба батальона под командованием полковника Жгуна переправились на левый берег Припяти и пришли на помощь своему командующему, который был ранен в арьергардных боях. Эти батальоны отвлекли на себя часть преследователей Станислава Булак-Балаховича и помогли ему выйти из окружения.

29 ноября в 10 часов утра и эта группа перешла в деревню Синкевичи на польскую сторону. Кампания, занявшая 24 дня, завершилась.

ИНТЕРНИРОВАНИЕ АРМИИ

Итак, поход армии Булак-Балаховича в Восточное Полесье закончился неудачей. Причинами стали несоразмерность сил Народной армии широкомасштабным целям похода, быстрая концентрация превосходящих сил Западного фронта, слабая пропаганда целей похода среди местного населения. Основная масса крестьянского населения приветствовала армию Балаховича, но рассматривала ее как освободительную от диктатуры большевиков, а не как свою национальную армию.

Еще одна причина – неоднородный состав армии. Скрытые большевики среди офицеров (бывшие командиры Красной Армии) в удобные моменты вместе со своими солдатами переходили назад к красным. Включение в состав Народной армии целых подразделений красноармейцев было явной ошибкой.

Немалую роль в поражении сыграло противодействие планам генерала со стороны Бориса Савинкова и его российских сторонников.

Сыграли негативную роль и беларуские эсэры, которых немало было в Народной армии. Балаховича они не любили, как командира, популярного среди крестьян. Кроме того, они выступали против союза с Польшей, не понимая полной бесперспективности самостоятельной борьбы с большевиками. На митингах в частях армии (особенно во 2-й дивизии), они дискредитировали

распоряжения и действия С. Булак-Балаховича.

Одной из причиной поражения было и то, что польские власти оказали лишь косвенную помощь, но не прямую.

В ходе переговоров в Риге советская делегация неоднократно заявляла протесты против поддержки Польшей армии Балаховича. Протесты заявлял и наркомат иностранных дел РСФСР. Соответствующие ноты передавались польской стороне 30 октября, 20 ноября и 1 декабря 1920 года. В дальнейшем наркоминдел требовал выдачи С. Булак-Балаховича советской стороне или, по меньшей мере, высылки его за пределы Польши.

Отход армии Балаховича на польскую территорию происходил по частям. Вначале ушла основная группа, которую в нейтральной зоне возглавил генерал Юзеф Булак-Балахович. И только через несколько дней из окружения прорвалась группа во главе со Станиславом.

Юзеф Булак-Балахович решил вначале реорганизовать свои части и направить их в Слуцк (3000 штыков, 400 сабель, 8 орудий). Однако польский офицер связи из штаба 4-й армии подпоручик С. Блоньский убедил генерала не оставаться в нейтральной зоне. 26 ноября отряды Ю. Булак-Балаховича перешли через демаркационную линию на польскую сторону и были направлены в Лунинец. Некоторые подразделения перешли линию на следующий день. К 30 ноября в Лунинце были интернированы 500 офицеров и 3150 солдат из группы Ю. Булак-Балаховича, а также 58 офицеров и 800 донских казаков полка Духопельникова. Польская сторона приняла 6 орудий, 30 пулеметов, 3000 винтовок, 5 грузовиков, 500 лошадей, 6 полевых кухонь, 12 вагонов снаряжения и продовольствия.

Станислав Булак-Балахович перешел на польскую сторону границы позже, но оставил свой отряд в нейтральной полосе, а сам отправился с министрами своего правительства в Варшаву, надеясь договориться с польским правительством о дальнейших военных действиях против большевиков.

Он хотел повести свои войска в Слуцкий уезд, где разгоралось Слуцкое восстание, среди руководителей которого были и его сторонники. Поэтому в отряде появились офицеры из Слуцка, началось формирование Слуцкого полка и восстановление разбитого под Речицей Витебского полка.

Но во время отсутствия СББ его брат, под влиянием польского командования, принял решение о переходе на польскую сторону. 4 декабря границу перешли еще 1820 человек, в том числе 220 офицеров. Этот отряд сдал 490 лошадей и 6 орудий.

За время пребывания в нейтральной полосе отряд увеличился вдвое. К нему присоединились уцелевшие подразделения Смоленского полка, другие офицеры и солдаты, надеявшиеся продолжить войну с большевиками. Всего в Лунинце было интернировано 884 офицера и 6936 солдат Народной армии. Отсюда их разослали в несколько лагерей для интернированных на территории Польши.

Вместе с другими частями, находившимися за линией границы в Беларуси, но не принимавшими участия в походе и отступившими на польскую территорию, всего было интернировано около 12 тысяч солдат и офицеров армии Балаховича.

Командование Красной Армии оценило потери балаховцев пленными в 3540 солдат и 120 офицеров. Были взяты трофеи: 4 орудия, 40 пулеметов, 1286 винтовок. Со своей стороны советское командование признало потерю 99 командиров и 2588 бойцов.

Часть подразделений Народной армии Балаховича, в основном из числа

местных жителей, осталась на территории Восточного Полесья и продолжала вести борьбу с режимом большевиков партизанскими методами*.

1920–30-е годы

После подписания в Риге мирного договора с Польшей 18 марта 1921 года интернированных солдат и офицеров армии Балаховича освободили из лагерей. Большая их часть уехала в Беловежскую пущу, где они работали в лесном хозяйстве и на лесопилках. Фактически сохранялась структура бывшей армии в виде рабочих команд. Вплоть до осени 1922 года некоторые из них переходили на территорию БССР для ведения партизанской войны.

Польская квалификационная комиссия признала Станислава и его брата Юзефа в генеральских чинах (генералы бригады), но не зачислила в состав польской армии. Станислав был избран председателем Союза бывших участников национальных восстаний, издавал публицистические книги, враждебные советской власти, большевикам и Гитлеру. В своих публицистических произведениях он последовательно разоблачал агрессивный характер политики СССР и нацистской Германии, предупреждал о реальной угрозе агрессии со стороны этих государств по отношению к соседним народам.

Советские карательные органы стремились ликвидировать этих убежденных врагов большевиков. В ночь с 12 на 13 июня 1923 года Юзеф Булак-Балахович ехал на подводе по лесной дороге из Гайновки в Белавежу. На полпути 28-летний генерал был убит выстрелом в голову. Следствие установило, что убийство организовали органы внешней разведки СССР. Убийцами были некие Бойко и Левчук из Беларуской Крестьянско-Рабочей Громады. Участников покушения приговорили к длительному тюремному заключению, а самих убийц – к пожизненному заключению. Были предприняты попытки убийства и Станислава.

Генерал-майор
Станислав Булак-Балахович
(1920 г.)

СББ был наблюдателем от польской военной миссии в армии генерала Ф. Франко во время гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг.

Постоянно он жил в Варшаве на улице Сасской.

В самом начале сентября 1939 года, когда Германия напала на Польшу, Станислав быстро организовал отряд добровольцев в 300 человек, который во время осады Варшавы германскими войсками сражался на южном участке обороны польской столицы.

Одновременно СББ попытался создать в восточных воеводствах Польши более массовую военную организацию

* Эти люди действовали под руководством беларуской крестьянской партии «Зеленый дуб». Среди ее руководителей известны политик В. Адамович, писатель А. Левицкий, капитан В. Ксеневич, полковник В. Жуковский, подпоручик М. Кривошеин, семинарист И. Пешка. – *Прим. ред.*

из числа бывших своих офицеров и солдат. С этой целью он как «командующий добровольческой союзной армией» 9 сентября 1939 года направил начальника пресс-службы своей группы ротмистра Станислава Вотовского в Брест, Люблин и Вильню «для установления контакта с моими отрядами», создающимися в этих городах».

После капитуляции Варшавы СББ создал подпольную военную организацию, в которую вступали беларусы, русские и поляки. Однако 10 мая 1940 года Станислав Булак-Балахович был застрелен при попытке его задержания агентами гестапо возле дома на Саской улице, 103, где он проживал.

Символическая могила генерала Станислава Булак-Балаховича находится на варшавском кладбище Повонзки, на семейном участке. В 1998 году неподалеку от места гибели генерала на стене одного из домов по улице Саской была установлена мемориальная доска в его честь.

А возле города Беловежье поставлен памятник братьям Станиславу и Юзефу Булак-Балаховичам, и их солдатам.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Анатолий Петрович ГРИЦКЕВИЧ (1929 г.р.) — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и музееведения в Беларуском университете культуры и искусств, действительный член Международной Академии Наук Евразии.

Автор свыше 1300 статей, в т.ч. в «Беларускай энцыклапедыі», «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», «Энцыклапедыі Вялікага Княства Літоўскага», в журналах. Автор монографий «Частновладельческие города Беларуси в XVI–XVIII вв.» (1975), «Слуцкое восстание 1920 года» (2005), «Западный фронт РСФСР 1918–1920» (2009) и других.

БЕЛАРУСИЗАЦИЯ 1920-Х ГОДОВ В ДОКУМЕНТАХ

Игорь Климов

В 2001 году издательство Беларуского государственного университета опубликовало сборник документов и материалов под названием «Беларусизация: 1920-е годы». Он посвящен одному из наиболее интересных и актуальных теперь вопросов — о национальной политике компартии и советской власти в Беларуси. Фундаментальной работы, посвященной проблемам беларусизации до сих пор нет, поэтому сборник на время закрывает зияющую брешь.

Подбирая документы, составители стремились «показать процессы разработки политики беларусизации, раскрыть ее суть, понимание в 1920-е годы, особенности и этапы проведения, тенденции и противоречия развития».

Все материалы сгруппированы в три раздела, которые отражают: а) цели и направления этой кампании («политику»); б) способы и формы ее осуществления («практику»); в) возникавшие при этом проблемы («противоречия»). Документальный материал предваряет большое предисловие Р. Платонова.

В каждом разделе документы помещены в хронологическом порядке. Они разнообразны: резолюции органов власти, протоколы совещаний и заседаний; статистические справки партийных канцелярий и отчеты партийных органов; директивы, постановления, призывы и обращения; тезисы партийного руководства, статьи либо заметки из периодики. Есть среди них совсем неизвестные документы, впервые извлеченные из архивов, есть и уже известные по воспоминаниям, по цитатам в работах историков, но полностью еще не публиковавшиеся, либо опубликованные в малодоступных источниках.

Многие архивные материалы представляют собой ранее секретные документы. В СССР протоколы, записки и директивы руководящих органов партии и правительства, многие виды статистики и отчетности не предназначались для публикации; заседания и совещания очень часто носили закрытый характер. Такие документы более откровенно и правдиво отображают истинные мотивы и цели большевистского руководства; именно они в первую очередь привлекают внимание.

Большинство же документов, известных в те времена либо опубликованных позже в советский период, имеют значительно меньшую ценность. Общественная жизнь в СССР являлась ареной крупномасштабных пропагандистских акций и фальсификаций, а все публикации без исключения подвергались жесткой цензуре. Любая информация, сообщавшаяся широкой публике через печать и радио, была особым образом препарирована и фальсифицирована в направлении, нужном властям (включая и научные публикации).

Потому использование «открытой» информации советского периода требует понимания «эзопового языка» и умения «читать между строк», что доступно далеко не всем.

* * *

В настоящее время беларусизация 1920-х годов выглядит если и не периодом стремительного и успешного развития нации, то, по меньшей мере, по-

* По материалам статьи в журнале «Беларускі гістарычны агляд», том 8, сшыткі 1-2 (2001), перевод и редакция А.Е. Тараса.

лезным культурным проектом. Действительно, после кровавых сталинских репрессий и анемичных лет застоя та эпоха ныне кажется многим своего рода «золотым веком», периодом возрождения и расцвета беларуского языка и культуры. Теперь целый ряд авторов идеализирует 20-е годы, создавая мифы об отношениях между беларуской культурой и государством, преувеличивая успехи и достижения беларусизации. Данный сборник позволяет лучше понять цели советской политики в Беларуси в области языка и культуры, детально рассмотреть ее причины и механизмы, заново осмыслить итоги и достижения.

Советское государство имело существенные причины для проведения беларусизации. Часть этих причин проистекала из большевистской доктрины о построении социализма в одной, причем отсталой стране, среди враждебного окружения. Другую часть причин создавал «текущий момент», питали требования большевистской внутренней и внешней политики.

Политика беларусизации в 1920-е годы ставила своей целью построение беларуского социалистического общества, а вовсе не беларуской национальной государственности, как это кажется кое-кому из современных наблюдателей. Поэтому беларусизация не подменяла и, тем более, не отменяла национальную политику*. Беларусизация была направлена на беларуский этнос как отсталый культурно и экономически, но составлявший подавляющее большинство населения в ССРБ/БССР. Беларуское крестьянство противостояло малочисленному русскоязычному городу, что ослабляло позиции города (и власти!) в деревне. Строить социализм в беларуских городах без поддержки деревни, обеспечивавшей эти города продуктами, сырьем и человеческими ресурсами, но «варившейся в мелкобуржуазной стихии», было невозможно. Поэтому советское руководство рассчитывало через беларусизацию государственного аппарата сделать крестьянство своим союзником*.

Именно в этих целях популяризацию большевизма среди крестьян-беларусов (тогда это называлось «политико-просветительской» работой) требовалось вести на беларуском языке. Еще в 1921 году одна из партийных резолюций призывала:

> «Нужно учить и втягивать в коммунизм белорусского полупролетария и пролетария белорусской деревни на его родном, понятном ему, ежедневном и бытовом для него белорусском языке».

В феврале того же года «заявление 32-х» (беларуских национал-коммунистов) требовало:

> «Необходимо как можно обильнее снабжать белорусское крестьянство и рабочих коммунистической литературой на белорусском языке (крестьянская газета, орган профессиональных союзов, листки, брошюры, календари и т.п.). Необходимо, чтобы ЦБ Коммунистической партии Белоруссии повело агитацию и пропаганду среди белорусских масс на белорусском языке».

Кстати говоря, в первую же ночь после обсуждения заявления в ЦК КПБ, сотрудники беларуской ЧК произвели

---

* Целью национальной политики большевиков являлось не только обеспечение бесконфликтного и взаимодополняющего сосуществования разных наций в границах унитарного государства – СССР, но и «мобилизация» их на строительство социализма.

* Беларуский народ состоял в основном из крестьянства – угнетенного и униженного класса, зачисленного большевиками в свои естественные союзники. Соответственно, беларуский язык нашел у них поддержку в первую очередь потому, что был языком этого класса.

обыски в квартирах всех «подписантов», а их руководителей А. Адамовича, С. Булата, Я. Кореневского и М. Кудельско арестовали и несколько дней держали под замком. В июле 1921 года Степан Булат, являвшийся секретарем ЦК, заведующим отделом агитации и пропаганды, погиб при загадочных обстоятельствах.

«Крестьянину нужна понятная, популярная научная литература на белорусском языке, в которой он находил бы чёткую партийную линию», — заявлял в 1923 году эмиссар ЦК РКП(б).

«Рабочий должен подойти к крестьянину с его родным белорусским языком, только так можно полно руководить крестьянством», — утверждал в 1926 году А. Криницкий, первый секретарь ЦК КПБ. Ему вторил в 1928 году его преемник В. Кнорин: «Верхи должны изучить этот язык, чтобы управлять массами».

В противном случае огромная крестьянская масса, которой большевики не доверяли ввиду ее мелкобуржуазности, могла остаться без «пролетарского» влияния и выйти из-под контроля властей. Таким образом, беларусизации требовал тогдашний «политический момент», то есть, задача «построения социализма» в экономически и культурно отсталом регионе, задача по установлению полного контроля новой городской власти над деревенским населением.

Кроме этих идеологических целей, беларусизация позволяла властям решить ряд очень важных задач внутренней и внешней политики:

а) Установить контроль над беларуским национальным движением, с начала XX века ставшего популярным среди местных интеллигентов. Это движение большевистское руководство никак не могло оставить без влияния коммунистической идеологии, а потому требовало установления сотрудничества с беларуской интеллигенцией, большинство которой сдержанно относилось к русским и еврейским большевикам, враждебно настроенным к беларуской культуре*.

б) Агитировать беларуское население в Польше, где беларусы подвергались определенным ограничениям, а их образовательные и культурные учреждения не только не пользовались поддержкой государства, но часто становились объектами гонений. Потому пример «образцовой» советской Беларуси имел «революционизирующий» характер для национально-освободительного движения беларусов Польши и способствовал дестабилизации положения в этой стране**.

в) Использовать достижения национальной политики во внешнеполитической деятельности и во внутренней пропаганде. Важным достижением в этом плане стало разоружение беларуской эмиграции, прекратившей антисоветскую борьбу и признавшей БССР «единственным центром беларуского национального движения». Некоторые эмигрантские лидеры даже переехали в Минск, где заняли высокие, хотя и не ответственные должности.

Все эти цели и задачи отлично понимали большевики, о чем убедительно свидетельствуют материалы сборника.

---

* У беларусов отсутствовал значительный слой собственной интеллигенции, поэтому большевистские власти надеялись, что беларусизация позволит им воспитать в Беларуси лояльную беларускую интеллигенцию. Как показала дальнейшая история, в этом они не ошиблись.

** В межвоенный период Польша сделалась для советского руководства едва ли не главным врагом среди соседних стран. Протяженная граница с ней, близость к важнейшим центрам СССР, воинствующий антисоветизм, смешанный с русофобией, делали Польшу подходящим плацдарм для возможной агрессии. Поэтому одной из главных целей внешней политики большевиков являлась дестабилизация положения в Польше. Главным средством этого в 20-е годы стало «национально-освободительное движение», раздувавшееся коммунистической агентурой среди беларусов и украинцев «второй» Речи Посполитой.

Так, уже в «заявлении 32-х» (1921 г.) беларуские национал-коммунисты подчеркивали прежде всего политические выгоды для новой власти. Игнорирование «белорусского вопроса», отмечали они, вело к очень опасным ошибкам: «недовольству в народных трудовых массах» и «изменению настроений крестьянства не в пользу советской власти». Эти перемены были обусловлены, скорее всего, тяжестью экономической и социальной политики большевиков, однако беларуские национал-коммунисты выдавали их за просчеты центра в национальном вопросе.

Подлинные цели и смысл политики беларусизации в 1920-е годы были понятны и зарубежным наблюдателям. Например, Томаш Гриб (1895–1938), один из деятелей БНР и руководителей партии беларуских эсэров, так объяснил цели этой политики:

> «Чтобы государственные чиновники-бюрократы, знающие беларуский язык, могли быстрее и более ловко обдурить беларуского крестьянина и рабочего, растерявшегося интеллигента, крепче зажать беларуский народ в железные оковы колониализма. Мол, пускай они и по-беларуски говорят, пишут и печатают — это не важно, лишь бы только смысл был общероссийский, великодержавный»*.

В 1926 году А. Криницкий, первый секретарь ЦК КПБ, констатировал вероятность двух путей, по которым может пойти партия в Беларуси: «либо стать безоговорочно на путь полной ассимиляции, т.е. полного приспособления, обрусения белорусского населения... Либо можно дать поддержку ...белорусизации».

В 1920-е годы партия избрала второй путь, и только значительно позже вернулась к первому.

* Iskry Skaryny. Praha, lipiec 1931, s. 5.

Понятно, почему партия решила «разговаривать с массами на их родном языке». В 1920-е годы сила и инструменты ее воздействия на общество были ограничены и несовершенны. Беларусизация казалась партийным лидерам действенным средством, позволявшим достичь ряд важных внешне- и внутриполитических целей. Совокупность политических выгод и идеологических приоритетов и подтолкнула партийное руководство к беларусизации.

* * *

Широкомасштабную политику беларусизации провозгласили постановления ЦК КПБ и ЦИК БССР в июле 1924 года, а также резолюции трех последующих пленумов ЦК КПБ (в январе и октябре 1925, в октябре 1926 гг.). Своими направлениями она полностью соответствовала программе национального строительства, широко развернутой с 1924 года в национальных регионах СССР*.

Беларусизация была составной частью большевистской культурной революции, объявившей своей целью создание в СССР модернизированного общества.

Как известно, большинство этносов Советской империи представляли собой доиндустриальные социумы с патриархальными отношениями и достаточно архаичной культурой неевропейского типа. Именно культурная революция должна была вывести их из этого состояния, познакомить с передовыми технологиями и идеями, довести до нужного властям уровня мобилизации. Потому культура, язык и наука сделалась в Советском Союзе сферой государственной политики.

* С 1924 года, на основе постановлений X и XII съездов РКП(б), в СССР началось проведение политики «коренизации», одним из элементов которой явилась беларусизация.

Эта политика применительно ко всем народам Советской империи, кроме российского, получила название ***национально-культурного строительства.*** Она заключалась в ускоренном формировании «социалистической нации», другими словами — в форсированной модернизации отсталых этносов (а вовсе не в возрождения беларуского народа, как полагает Р. Платонов).

Программа национально-культурного строительства предусматривала ряд административных и культурно-просветительских мер. Подобные меры активно использовались в то время по всему СССР, были они применены и в БССР. Эти меры включали:

а) Перевод обучения на родной язык коренной национальности учащихся начальной, средней и профессионально-технической школы, а по возможности и высшей.

б) Расширение книгоиздания на национальных языках, по возможности с доведением доли национальных изданий до пропорции численности населения этой национальности; при этом в фокусе издательской политики находилась преимущественно пропагандистская литература.

в) Перевод (в большинстве случаев частичный) республиканских и местных печатных органов на язык коренной национальности.

г) Перевод повседневного общения и делопроизводства в советском и (по возможности) в партийном аппарате, в профсоюзах, местных частях Красной Армии и т.д. на язык коренной национальности; прежде всего тех отраслей, которые постоянно контактировали с местным населением либо имели массовый характер;

д) При занятии должностей отдавать предпочтение кадрам из числа лиц коренной национальности, а среди кадров других национальностей — тем, кто знает местный язык и местные условия; увеличить процент представителей коренной национальности в составе выборных органов.

е) Изучение сотрудниками партийно-советского аппарата местного языка.

Эти меры касались не только беларуского этноса, но и еврейского, чье присутствие в Беларуси было весьма заметным; обращалось внимание также на польское и даже на литовское и латышское население.

С целью «втягивания» национальных меньшинств в социалистическое строительство в БССР создавались национальные советы и целые районы, национальные школы и культурно-просветительские заведения.

* * *

Очень важным направлением национального строительства являлось ***развитие языков*** ранее угнетенных народов. По мнению большевистских лидеров, только с разработанным и совершенным литературным языком можно было достичь экономической и политической зрелости этноса (т.е. его модернизации), превратить его в «социалистическую нацию».

Ради этого языки, не имевшие прежде литературной формы, получали ее; языки, слабо разработанные или разработанность которых не удовлетворяла большевиков (например, как оторванные от живой речи), приобретали новые направления развития. Развитие литературного языка искусственно ускорялось: он подвергался необходимой обработке в словарях, грамматиках и учебниках, допускался в те отрасли (например, в науку и технику), где раньше не употреблялся.

Одновременно власти стимулировали развитие национальной школы, театра и печати, поддерживали литературное творчество и народную самодеятельность. А это, в свою очередь, создавало новые сферы употребления

национального языка. Он начинал обслуживать этнос на всей территории его распространения, поэтому важное значение приобрело правильное определение и разграничение этнической территории.

Именно такую судьбу изведал в 1920-е годы беларуский язык, который прежде не имел допуска даже в печать и школу, не говоря уже об официальных учреждениях, долгое время вообще находился как бы «вне закона».

Главным вопросом беларусизации партия провозгласила беларуский язык. Здесь власти, действительно, столкнулись со значительной проблемой. Беларуский литературный язык не был готов к функционированию в качестве средства высокой коммуникации. Его ресурсы были недостаточно разработаны, а нормы нестабильны. К тому времени беларуский язык существовал как диалект и не имел серьезной практики использования в письменной сфере (за исключением художественной литературы), а тем более в сфере общественно значимой коммуникации.

«Белорусский язык составляется искусственно. ...В школах ...внедряется искусственно созданный белорусский язык. ...Фактически вся учительская масса не знает белорусского языка» — так оценивал в 1923 году тогдашний беларуский язык один из партийных активистов. На это Всеволод Игнатовский отвечал:

> «Это факт, что у нас ... нет единого белорусского языка, и тот язык, который преподаётся, не есть ещё народный. ...Верно замечено, что тот белорусский язык, о котором идёт речь, во многом искусственный, в нём мало взято из жизни. Но следует отметить, что язык литературный приближается к народному по мере пользования им массой. До сих пор белорусский язык создавался интеллигентами. ...Поэтому вполне естественно различие между искусственным и народным языком, и разрыв будет преодолён тогда, когда мы все будем пользоваться белорусским языком».

Одновременно с внедрением беларуского языка в престижных сферах должна была происходить дальнейшая разработка его средств, развитие специальной терминологии, чему КПБ уделяла пристальное внимание. Резолюция январского пленума ЦК КПБ в 1925 году даже обязала «Наркомпрос и Инбелкульт срочно организовать работу по выработке популярного белорусского языка, наиболее близкого к деревне».

Резолюция октябрьского пленума того же года провозглашала «вопросы развития и разработки языка», «под тем же углом зрения максимальной понятности для деревни», объектом «ближайшего внимания партии». Партия призвала «вести решительную борьбу против не преодолённого ещё до конца шовинистического взгляда на белорусский язык как на якобы выдуманный и искусственный».

Совершенствование беларуского правописания тоже сделалось одним из объектов партийного внимания, что нашло свое выражение в Академической конференции по правописанию, состоявшейся в Минске осенью 1926 года*. Публикация ранее секретного доклада В. Игнатовского свидетельствует, что власти рассматривали ее в первую очередь как политико-пропагандистскую акцию, и только потом — как научное

* В беларуской науке, и официальной, и неофициальной, эту конференцию обычно подают как огромное достижение беларуской лингвистики, что далеко от реальности. Многие выступления и предложения на ней не имели никакой научной ценности, а некоторые вообще были фантастикой. Правда, ни одно научное мероприятие подобного формата в тогдашнем СССР не могло похвастать большей научностью. Задачи, которые власти потребовали решить на конференции в области правописания, звучали следующим образом: «поставить вопрос практически и упростить».

мероприятие. Конференцию готовили (при участии органов ГПУ) весьма торопливо, как противовес к Всебеларусскому съезду, который «вражеские» организации зарубежья намеревались вскоре созвать. Из доклада Игнатовского видно, что конференция была рассчитана в основном на зарубежную аудиторию, и, как отмечает Платонов, эта цель была достигнута.

Расширяя сферу употребления беларуского языка, власти столкнулись еще с одной сложностью. Подавляющее большинство беларуского населения было слабо знакомо со своим литературным языком. Получение образования беларусами раньше всегда происходило на чужом языке и означало ассимиляцию с чужой культурой. Потому они проявляли пиетет к более разработанным русскому или польскому языкам, а на их фоне воспринимали беларуский язык как искусственный, несовершенный, непонятный, и даже как «холопский, не дающий никаких прав».

Партийное руководство неплохо разбиралось в тогдашней языковой ситуации. Оно знало о русифицированности части беларуского населения и предполагало разъяснительной работой и наглядными примерами поощрить беларусов к использованию родного языка в престижных сферах коммуникации. Население под влиянием шовинистической идеологии поначалу встретило введение беларуского языка неприязненно, так что пришлось вести в массах разъяснительную работу о целях и задачах политики беларусизации. Но в 1926 году Криницкий отметил:

> «...Крестьянин уже на практике, на опыте убедился, что белорусский язык это не есть «бесправный язык» и «мужицкий язык», с которым учиться нельзя, с которым только «детей запутать можно», а дальше никуда не пойдёшь, там крестьянин видит, что этот язык такой же равноправный, как язык русский, потому предпочитает пользоваться своим белорусским языком».

Нигилизм беларусов в отношении родного языка активно использовали противники беларусизации. Согласно Игнатовскому, они превратили «белорусский язык в жупел, которым пугают крестьян, говорящих на этом языке». Например, в 1926 году собрание крестьян одной из деревень Копыльского района постановило: «Ликвидировать белорусский язык и потребовать от власти быстрого его уничтожения».

Русскоязычное чиновничество и учительство, наиболее пропитанное шовинистической идеологией, настраивало население против беларуского языка. Другой слой, одержимый этой идеологией — духовенство — был исключен из общественной жизни, но и его влияние нельзя игнорировать. Свои взгляды шовинисты стремились выдавать за мнение всего населения БССР, либо противопоставляли «беларусификацию» пролетарскому интернационализму. Неблагоприятное отношение к беларускому языку существовало и среди еврейских рабочих, особенно в их русифицированной части.

Стойкость и распространенность шовинистической имперской идеологии среди населения БССР свидетельствовало о высокой степени русификации страны в царский период. КПБ поставила задачу преодолеть у населения презрительное отношение к беларускому языку, особо обращая внимание на реакционные взгляды бывших российских чиновников, находившихся на службе у советской власти.

* * *

Другим важным направлениям национально-культурного строительства был территориальный аспект. Для крупных или важных этносов СССР

создавались союзные и автономные республики, национальные округа и районы, производилось выделение национальных единиц в границах уже существующих образований, их укрупнение или разграничение*.

По тогдашней партийной терминологии это называлось ***национально-государственным строительством***. Его целью являлось объединение под руководством единой национальной администрации всей территории распространения данного этноса, если она образовывала единый экономический регион. По мнению большевиков (вполне рациональному), это ускоряло процесс складывания (развития) социалистической нации (способствовало модернизации отсталого этноса).

Именно из таких соображений исходило руководство ССРБ, требуя в первой половине 1920-х годов присоединения восточных территорий, населенных беларусами, которые в то время находились в составе РСФСР.

Еще раньше аналогичные требования выдвигали беларуские эсэры и национал-коммунисты, но тогда московское руководство игнорировало их. Только после образования СССР и установления своего действенного контроля в Беларуси оно согласилось решить вопрос об увеличении территории ССРБ в восточном направлении.

Известно, что местное большевистское руководство этих районов отрицательно отнеслось к такому присоединению, поскольку оно пресекало контакты местных функционеров с московским руководством и заставляло их проводить беларусизацию, ненавистную шовинистам.

Однако беларуское руководство выдвинуло аргументы, которые Москве было трудно оспорить: а) экономический: объединение в границах одной республики районов с одинаковым хозяйственным укладом и с тесными взаимосвязями, б) идеологический: усиление в аграрной Беларуси пролетарской базы, в) пропагандистский: стимулирование просоветского движения среди беларусов Польши.

* * *

Документы сборника убедительно свидетельствуют, что беларусизация имела черты очередной крупномасштабной кампании, которую власти сами инициировали и проводили под своим контролем.

Уже с 1921 года руководство требовало вводить беларуский язык «ударными темпами» в печать, учебные заведения и административные учреждения. «Наркомпрос решил в течение года перевести преподавание во всех школах на белорусский язык, не имея для этого ни достаточного количества педагогов, ни учебных пособий», — заявил в 1923 году один из партийных руководителей.

С 1924 года добавились директивы, планы и даже цифры беларусизации (с обязательными рапортами об их выполнения). Они подлежали проверке вышестоящими органами (проверялось даже личное использование служащими беларуского языка!) и в случая невыполнения влекли различные санкции. Правда, жертвами наказаний чаще всего становились рядовые сотрудники. С 1925 года «разделы о беларусизации... стали включаться во все сколько-нибудь значительные решения партийных и государственных органов. Без ссылок на беларусизацию не обходилась почти ни одна речь...» — пишет Платонов.

* Важность того или иного этноса определялась его стратегическим значением для советского государства: численностью и географией. Поэтому «инородцы» внутри России, даже имевшие до революции высокий уровень национального движения (например, татары) не получили статуса союзной республики. Народам, находившимся на границах с «враждебным» окружением (например, туркменам), повезло больше, хотя требования их национальных элит в то время были очень скромными.

Но в 1928–29 годах напор партийного руководства в проведении беларусизации значительно ослаб, хотя по инерции кампания продолжала катиться дальше. Когда же летом 1929 года взгляды московских властей на цели и содержание национальной политики радикально изменились, то и беларусизация была свернута буквально за год.

Разумеется, и в партии, и среди населения всегда находились искренние сторонники этой кампании. Платонов в своем предисловии верно отмечает, что главными энтузиастами беларусизации стали беларуские национал-коммунисты. Известные нам материалы показывают, что беларусизация шла стремительно и неформально в тех районах и отраслях, где ею руководили именно национально сознательные администраторы. Если они уезжали, то беларуское дело теряло прежний накал и быстро превращалось в казенное мероприятие.

На этом основании некоторые современные авторы полагают, что политику беларусизации навязали большевистскому руководству местные националисты и что она проводилась едва ли не исключительно их усилиями*. Действительно, документы сборника показывают, что до 1924 года использование беларуского языка в госаппарате БССР было ограничено, в лучшем случае, системой учебных заведений. Но и туда беларуский язык, который до революции не имел легального статуса в школе, начал попадать под нажимом беларуских национал-коммунистов. Их участие в проведении политики беларусизации, безусловно, было значительным. Они играли роль «группы давления» и наполняли официальное мероприятие живым содержанием.

Однако в целом беларусизация была всего лишь одним из слагаемых тогдашней партийной политики, реализовывавшейся на государственном уровне. Именно компартия выступила сначала как инициатор и проводник, а затем как душитель беларусизации*. Это вполне понятно, поскольку партия большевиков была единственной политической организацией советского народа и, соответственно, единственным организатором всех его побед и поражений.

В целом, беларусизацию вели не национально сознательные активисты, а сотрудники государственного аппарата и в основном — директивными, приказными методами. Иначе и быть не могло в тоталитарном государстве. Как и в любой другой советской кампании, в ней преобладали казёнщина и формализм**. Власти и сами признавали ошибки и недостатки в ее проведении, поверхностность и хаотичность своих мер, злоупотребление методами администрирования и командования, парадный и показной характер отчетов.

Поэтому надо осторожно относиться к тогдашним показателям беларусизации — советская бюрократия умела

* Платонов, опираясь на неопубликованные документы, утверждает, будто бы КПБ ставила вопрос о расширении сферры использования беларуского языка и до 1924 г. Действительно, такой вопрос некоторые коммунисты ставили, однако требования немногочисленных беларуских национал-коммунистов не склонили бы русифицированную и пронизанную шовинизмом КПБ к беларусизации, если бы того не потребовало московское руководство.

* Платонов считает инициатором беларусизации одну лишь компартию Беларуси, но с этим нельзя согласиться. Хотя она была монопольным руководителем БССР, но самостоятельной и независимой партией не являлась. В идеологических и кадровых вопросах она полностью подчинялась РКП ВКП(б), считавшей КПБ своей региональной организацией, постоянно менявшей ее руководство и указывавшей направления идеологических и политических акций. Политика беларусизации тоже началась (и закончилась) с подачи московского руководства.

** Советский управленческий аппарат в 20 30-е годы отличался профессиональной некомпетентностью. Кроме того, в конкретном случае беларусизации «центр» ставил нереальные и противоречивые задачи, которые «места» просто не в состоянии были выполнить.

рапортовать о безусловном выполнении центральных директив. Так, в 1926 году Криницкий констатировал, что «государственный аппарат говорит до сих пор в /беларуских/ округах с крестьянином только по-русски, только по-русски выходит печать». Принуждаемые к использованию беларуского языка, чиновники даже в 1929 году знали его весьма поверхностно, а если и употребляли, то либо как нескладную мешанину из русских и беларуских слов, «либо все слова и построения речи имели у них российский вид с некоторым оттенком белорусизма».

Недостаточная разработанность беларуского языка вызывала затруднения и у русскоязычных ученых БССР. Например, вот что говорил по этому поводу в 1927 году преподаватель из Горок:

> «Белорусский язык в отрасли наших знаний, в отрасли нашей науки недостаточно разработан, недостаточно развит. Работа на белорусском языке представляет большую трудность... Насколько положение научных работников, работающих за пределами Белоруссии, отличается в этом отношении, я недавно ощутил на себе, когда попал в Саратов, где должен был читать лекции. Мне, работающему уже несколько лет в Белоруссии, казалось необычным, что люди совершенно свободно разговаривают, что у их нет этих трудностей, нет этой постоянной мысли о том, как быть с языком».

Несомненно, большинство сотрудников государственного аппарата воспринимало беларусизацию даже во времена ее апогея как очередную кампанию, достаточно непоследовательную по методам и не совсем понятную по своим целям, как и все другие советские акции. По мнению властей, в государственном аппарате беларусизацию следовало проводить принудительно, поскольку «основные кадры наших аппаратных работников прошли русификаторскую царскую школу, через нее приобщились к культуре и тем самым оторвались от широких белорусских масс». Но довольно резкие меры (вообще свойственные большевистской политике), применявшиеся в отношении аппарата (преимущественно к рядовым его работникам), не способствовали росту симпатий к беларускому языку и вызывали требования о замедлении беларусизации.

* * *

Значительная часть большевистского руководства сама была пропитана великодержавной идеологией. Но, независимо от своих симпатий и антипатий, высшее партийное руководство понимало опасность пропаганды российского шовинизма в национальных окраинах в 1920-е годы, когда позиции советской власти оставались непрочными. Однако при этом большевики не желали собственными руками выращивать там и национализм, который пробуждал сепаратизм, способный разрушить Советскую империю (как в итоге и произошло).

Потому с самого начала беларусизации партийное руководство призывало коммунистов бороться сразу в двух направлениях: на одном — преодолевать сопротивление национальной политике партии, а на другом – давать отпор разным «уклонам». Партия отмечала опасность не только беларуского и еврейского национализма, но и российского тоже; беларускому национализму в этой критике уделялось столько же внимания, сколько и другим национализмам.

Кампания беларусизации пробудила сознательность населения и активизировала надежды беларуской интеллигенции на то, что «белорусизация это есть уступка этой, мелкобуржуазной по существу, части белорусской интеллигенции». Разумеется, партия не могла

мириться с такими настроениями и повела борьбу с беларуским национализмом, который уже в середине 1920-х годов получил на партийном жаргоне ярлык национал-демократизма.

Вначале эта борьба имела мягкие формы, ограничивалась «одергиванием» коммунистов-беларусов в тех случаях, где бдительным церберам большевизма виделся «уклон». Но где-то с конца 1928 года партийные круги начали переходить к травле отдельных беларуских националистов из числа молодых писателей. Тогда же началась и «разработка» беларуского национал-демократизма в печати. Благодаря снисходительности высшего руководства отдельные партийцы безнаказанно устраивали публичные обструкции беларускому языку.

Летом 1929 года из Москвы приехала партийная комиссия В.П. Затонского, которая резко раскритиковала партийное и советское руководство БССР за «сползание на позиции национал-демократизма». «Белорусский шовинизм» и национал-демократизм официально провозгласили «главной опасностью». Партия основной натиск своей критики перенесла на беларуский (и украинский) национализм, тогда как российский шовинизм все больше и больше становился только дежурной темой.

Хотя формально политика беларусизации не была свернута, это была «уже другая беларусизация», которая «стала ускоренно перерастать в свою противоположность» (Р. Платонов). С 1930 года началась массовая кампания по борьбе с нацдемами, в БССР в течение пяти лет нагнеталась антинационалистическая истерия, которая приобрела антибеларуский и шовинистический характер. В 1930–31 годы наиболее активные национал-коммунисты и деятели культуры БССР были обвинены в «нацдемовщине» и репрессированы. Наконец, в 1933 году беларуский литературный язык подвергся радикальной реформе, насильно приблизившей его к русскому языку.

Большевистской власти уже был ненужен «захват» крестьянских масс через беларусизацию государственного аппарата, и она легко отказалась от этой политики. Она нашла другое, более действенное и радикальное средство господства над деревней — коллективизацию.

Громкое свертывание беларусизации было вызвано изменениями в официальной идеологии. В аппарате Сталина все более укреплялась идея мощи советского государства (и государства вообще), которую впредь следовало цементировать русской культурой и русским языком. Власти с ужасом увидели, что политика коренизации провоцирует в национальных окраинах СССР рост национализма, угрожающего сепаратизмом. В условиях усиления командно-административной системы, складывания предельно централизованной бюрократии, такие тенденции выглядели чрезвычайно опасными. Потому на нацдемов и обрушилась в 1929–31 годы волна жестоких репрессий.

События тех лет надо рассматривать как борьбу российского (имперского) коммунизма с беларуским (украинским и пр.) национал-коммунизмом, борьбу центральной власти против сепаратизма национальных окраин, за централизацию государства.

* * *

Но, несмотря на сравнительно короткий период, беларусизация отыграла исключительно важную роль в развитии беларуского языка и культуры, пробуждения национального сознания в широких кругах населения. Впервые в истории Беларуси государство активизировало свои средства и возможности «для приостановки процесса дальнейшего обрусения беларуской нации».

И хотя политика беларусизации определялась исключительно задачами модернизации национальных окраин, экономически и культурно отсталых, объективно она способствовала национальному возрождению беларусов.

Беларуский язык впервые получил поддержку государства, приложившего значительные усилия к разработке его ресурсов и расширению сферы употребления. Достижения в этом аспекте становятся очевидными по сравнению с другими языками, обладавшими статусом, близким к беларускому. Так, историк М.Н. Покровский в 1928 году привел пример Норвегии, долгое время находившейся под датским господством. Там в качестве литературного языка сохранился датский, а норвежский (основанный на местных диалектах) практически не получил распространения в высших сферах коммуникации.

Даже в 1930-е годы, когда беларусизацию уже свернули, власти были вынуждены поддерживать определенное употребление беларуского языка (правда, не столь широкое, как планировалось в 20-е годы) — от науки и искусства до публичных выступлений и делопроизводства. Фактически, в 1930 году прекратилась только кампания по беларусизации, тогда как многие ее достижения сохранились.

Презрительное отношение к беларусам, беларускому языку или культуре уже не могло популяризироваться даже во времена борьбы с нацдемами — это пахло дискредитацией большевистской национальной политики и могло навлечь репрессии. Впервые за несколько веков этническая самобытность беларусов, автономность их языка, ценность их культуры не брались государством под сомнение и даже получили с его стороны определенную санкцию на сохранение и развитие. После репрессий 1930–31 годов остались беларуские школы и народная самодеятельность, беларуская литература и театр, газеты, журналы, радио. Частично сохранилась и беларуская интеллигенция (разумеется, в сервильном состоянии) и беларуские культурные заведения (которые должны были воспитывать население в том духе, который определяли власти).

Сохранились и территориальные приобретения беларусизации. БССР уже нельзя было упразднить или сократить, она стала важной составной частью Советской империи, а в случае иностранной агрессии могла прикрыть собой области центральной России. По мнению московского руководства, беларусизация вместе с укрупнением республики подняла потенциал беларусов в достаточной мере для того, чтобы создать из них надежный заслон на пути возможной агрессии. Теперь беларусы должны были бороться с агрессором не только по принуждению Москвы, но и ради защиты своего национального государства.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Игорь КЛИМОВ — кандидат филологических наук, доцент Беларуского университета культуры и искусств.

НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ БССР ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Игорь Лялько

Одним из наиболее распространенных мифов, созданных беларуской историографией советского периода, является миф о «всенародной борьбе в Беларуси против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны». Однако в его правдивости легко усомниться — достаточно обратиться к общедоступным цифрам.

По данным переписи населения 1939 года, в БССР проживали 8 млн. 912,2 тыс. человек. У меня нет сведений о возрастной структуре населения на тот момент времени, но полагаю, что будет корректным исходить из данных переписи 1959 года, когда дети в возрасте до 16 лет составляли 31,3% от общей численности населения.

На основе этого показателя можно считать, что к началу германо-советской войны 1941–1945 гг. численность взрослого населения БССР составляла примерно 6 млн. 122,7 тыс. человек**.

Согласно самым оптимистическим подсчетам, в 1941–42 годах в советских партизанских отрядах на территории Беларуси (включая спецгруппы НКГБ-НКВД и Разведывательного управления Генштаба РККА) насчитывалось до 97 тысяч человек.

Правда, Беларуский штаб партизанского движения в 1944 году подсчитал, что число партизан в БССР к концу 1941 года составило всего лишь 5 тысяч человек, а в 1942 — 73 тысячи, однако для дальнейших расчетов я все же использую «официально признанную» цифру.

Для полноты картины к партизанам надо добавить еще и подпольщиков. Их «официальная» численность за всю войну определена в 70 тысяч человек. Если мы учтем, что в 1941–44 годы в советском партизанском движении в Беларуси принимали участие около 374 тысяч человек и приложим пропорцию соотношения числа партизан в 1941–42 гг. и за всю войну к числу подпольщиков, то получим около 17 тысяч подпольщиков для 1941–1942 годов.

Эти несложные подсчеты показывают, что из 6 млн. 122,7 тыс. человек взрослого населения БССР (к началу войны), в 1941–42 годах более или менее активное участие в борьбе с немцами приняли максимум 114 тысяч, то есть — около 1,86%.

Иными словами, в первый период германо-советской войны активно выступили на стороне коммунистов менее 2% жителей Беларуси (естественно, без учета мобилизованных в Красную Армию), а более 98% из них отнеслось к немцам более или менее лояльно.

К июлю 1944 года, в результате кардинальных изменений в ходе войны в пользу СССР и чрезвычайно жестокой оккупационной политики немцев, эта пропорция заметно изменилась в сторону увеличения поддержки будущих победителей, но масштабов «всенародной борьбы» явно не достигла. При том следует особо подчеркнуть, что реальное участие жителей Беларуси в борьбе против нацистов и их союзников было еще меньше, чем показывают цифры. Дело в том, что значительную

* «Беларускі гістарычны агляд», № 16–17, с. 92–103.

** При этом я игнорирую как естественный прирост населения в 1940–41 гг., который должен был увеличить эту цифру, так и меньшее число детей в 1959 году по сравнению с 1941-м, что должно было ее уменьшить. – *Прим. авт.*

часть советских партизан (а в 1941–42 годах преобладающую часть) составляли военнослужащие РККА, попавшие в окружение или бежавшие из плена, а также диверсанты, заброшенные из-за линии фронта.

Попутно отмечу еще одно обстоятельство. Хотя точное число беларусов, активно сотрудничавших с новыми оккупантами, вычислить трудно, заслуживает внимания тот факт, что даже весной 1944 года, когда возвращение «советов» выглядело неизбежным, на призывные пункты Беларуской краевой обороны (БКА) явились более 40 тысяч жителей Генерального округа Беларусь (территория которой составила только 1/3 от довоенной территории БССР), а в рядах Союза беларуской молодежи (действовавшего той же территории), насчитывалось около 100 тысяч юношей и девушек.

Естественно, надо учитывать частично принудительный характер мобилизации в БКА (как, впрочем, и любой другой мобилизации), однако и набор в партизанские отряды, особенно в пресловутых «партизанских зонах», был достаточно далек от добровольности.

Наконец, определенным индикатором общественных настроений в тогдашней БССР может служить факт принятия в феврале 1945 года особой резолюции ЦК КПБ о «перевоспитания общества в духа советского патриотизма и ненависти к немецких оккупантам», которых на территории республики не было уже более полугода.

* * *

Как видим, проблема установления истинного отношения населения Беларуси к противоборствующим сторонам германо-советского конфликта не надумана, а ее научное решение не может быть обеспечено без выхода за границы советской историографической мифологии.

Одним из важных шагов на этом пути является изучение настроений беларуского общества перед началом германо-советской войны. Это позволит понять причины той либо другой линии поведения населения в условиях немецкой оккупации, определить наличие или отсутствие изначальной ориентации на сотрудничество с новой властью на момент ее установления и предполагаемые условия такого сотрудничества.

Интересным источником для подобного исследования могут служить документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь в фонде ЦК Компартии Беларуси.

В частности, здесь имеются многочисленные информационные письма и отчеты руководства НКВД БССР, адресованные руководству ЦК КПБ, в которых под грифом «совершенно секретно» отражалась истинная ситуация в стране и подлинные настроения общества, резко контрастировавшие с безудержным оптимизмом и лозунговым патриотизмом тогдашних газетных статей и «публичных» партийных документов.

Естественно, что и к этим документам (как и ко всяким другим) надо относиться критически. И все же по степени отражения реальной, а не парадной жизни в довоенной БССР и подлинных мыслей ее жителей, документы из бывшего секретного архива Особого сектора ЦК КПБ являются чрезвычайно ценными.

Например, из них мы можем узнать, что 18 января 1939 года на Минском главпочтамте был задержан милицией Петр Лебедев, «который сидел в операционном зале и составлял антисоветские листовки фашистского характера». Задержанный оказался 17-летним грамотным беларусом (закончил 8-летнюю школу), приехавшим в поисках работы из деревни Низголово Сакоровского сельсовета Бешенковичского района.

Правда, содержание листовки показывает, что его психическое здоровье вызывает определенные вопросы. Но, тем не менее, рука парня выводила не какие-то другие, а вот такие слова (тексты листовок здесь и дальше даны в соответствии с оригиналами):

> «Граждане! Волей бога и силой указа всевышнего императора Европы ГИТЛЕРА сразу после переписи (очевидно, имеется в виду перепись населения 1939 г. – И.Л.) начинается всесветная война, огонь которой будет разить на советской земле».

Дальнейшая судьба Петра Лебедева, несомненно, была незавидной, однако в Минске у него были более удачливые единомышленники. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в том же январе 1939 года исполняющий обязанности наркома внутренних дел БССР Масленников еще как минимум дважды потревожил первого секретаря ЦК КП(б)Б Пономаренко сообщениями о находке похожих листовок. Одну из них нашли на заводе «Беларусь», она содержала следующее обращение к рабочим:

> «Т.т. рабочие, поднимайте забастовку, вооружайтесь револьверами, винтовками, свергайте власть – она Вас доведет до голода, холода, до безработицы, до жабрацтва. От шпионского центра правых 1-00. Привет от г. ГИТЛЕРА».

Другая листовка пришла на адрес Минской электростанции и тоже адресовалась рабочим:

> «Здравствуйте, дорогие рабочие. Шлем вам привет от германского правительства. Центр шпионской организации просит всех рабочих и служащих о немедленном вооруженном восстании против самодержавия, которое ведет ваш советский народ на голод, нищету, безработицу, на жабрацтва, а вашу армию в скором будущем ваше командование поведет на пушнину, потому что Ваше командование уже продалось за деньги. Просим от всего руководства Украинского и Белорусского центра передавать всем рабочим о недовольстве, которое стало в этот момент. Если Вы рабочие и крестьяне совместно поднимитесь, вооружайтесь, убивайте своих начальников и т.д. Дороговизна вас доведет, да к тому среди крестьян проводим и об'ясняем жизнь германского народа».

Отыскать «по горячим следам» авторов (или автора?) этих листовок не удалось. Но о том, что похожие явления не были случайными в довоенном Минске, свидетельствуют и другие ранее секретные документы (например, недавно опубликованные отчеты руководителей НКВД о настроениях столичных жителей в связи с началом Второй мировой войны)*. В тот же ряд фактов можно поставить искреннее удивление минского городского комиссара Беккера в 1944 году по поводу того, «что 8000 жителей города добровольно, без принуждения вышли на строительство укреплений вокруг города перед наступлением Красной Армии».

Пронемецкие листовки (как и соответствующие настроения) были в то время характерными не только для столицы БССР. Так, 1 апреля 1939 года первый секретарь Комаринского райкома КП(б)Б Бейненсон написал докладную записку на имя Пономаренко и первого секретаря Полесского обкома Маркина:

> «Довожу до Вашего сведения, что сегодня, 1.4.39, я получил от парторга первичной парторганизации колхоза «Красный Борец» Асаревичского сельсовета тов. Шепна пакет, в котором он

---

* См.: Горячая осень 1939 года: взгляд из Минска. Журнал «Спадчына», 1999, № 4, с. 99–103.

переслал найденное в сельсовете 31.3.39 воззвание контрреволюционного характера (копию которого при этом прилагаю), это воззвание будто бы было найдено на улице одним учеником. По получению этого письма мною был вызван нач. РО НКВД и предложено срочно выехать в Асаревичский сельсовет пяти человекам райпартактива (в том числе 2 работникам Райкома КП(б)Б) для проведения политмассовой работы на 4 дня и разъяснения решений 18-го Съезда ВКП(б) [и] подготовки к севу, ничего не говоря про этот листок. О чем ставлю Вас в известность. О результатах проверки сообщу дополнительно. Оригинал листовки передан нач. РО НКВД. Прошу сообщить о необходимых мероприятиях, [которые надо] провести в этом сельсовете, кроме принятых мною».

Причиной этих беспокойств стал «крик души» на листке из ученической тетради:

«Таварыши! Все з вас ведаюць, в какой обстановки находится наша жизнь. Канечна, наша жизнь представляет скудную жизнь как калхозников, так и аднасобникав. Нужно вот что сказать, что советское правительство мало обращает внимания на нашу плахую жизнь. Эта все отрыгнется им на ихних сердцах в будущай войне, которая неминуча, так как эта randslabляет тыл. Паэтому таварыщы закликаем мы: в выпадку нападу на Совецки Союз со стораны капиталистических краин (Германия, Италия, Япония, Польща, Англия, Франция и другия), то нужно им аказать помач: как силай, так и харчами и всеми вазможными срадствами, только нужно освободится от ига советской империи (ГИТЛЕР, МУСАЛИНИ)».

В этот раз сотрудники НКВД сработали оперативно, и уже через месяц, 7 мая 1939 года, нарком внутренних дел БССР Цанава смог назвать Пономаренко имена тех, кто подготовил листовку:

«1. АНДРАЛОВИЧ Степан Григорьевич, 1912 г. р., уроженец Смолевичского р-на, из крестьян, отец его в прошлом служил экономом у помещика. АНДРАЛОВIЧ С.Р. в данное время работает в сапожной артели и живет в д. Асаревичи.

2. ОГОРОДНИКОВ Филипп Федосович, уроженец Брагинского р-на, по профессии сапожник, работает с АНДРАЛОВИЧЕМ в сапожной артели, живет в д. Асаревичи.

3. ЕФИМЕНКО Степан Иванович, 1892 г. р., уроженец и житель д. Асаревичи, в прошлом зажиточный крестьянин, в 1933 г. судился Комаринским Нарсудом за вредительство в колхозе, в данное время сторож колхоза.

4. ПЕСКОВОЙ Петр Яковлевич, 1912 г. р., уроженец д. Асаревичи, из крестьян, был осужден на 3 года лишения свободы за кражу колхозного имущества. Теперь живет в г. Минске, работает в промстройтресте.

5. КОНЦЕВОЙ Марк Филимонович, 1896 г. н., уроженец и жилец д. Асаревичи, бывший кулак и церковный дьяк, мои двух братьев, осужденных за к-р деятельность.

6. ШИНЧУК Андрей Минович, уроженец и житель д. Асаревичи, из крестьян, состоит в колхозе».

Та же докладная записка начальника НКВД донесла до нас высказывания асаревичских крестьян, выразивше их настроения и надежды. Вот, например, мнение Степана Андраловича:

«Нами управляют коммунисты и евреи, и нас душат в колхозах, но придет время, когда в России с коммунистами и евреями расправятся так, как Гитлер в Германии. В ближайшее время обязательно будет война с Советским Союзом, и Германия в этой войне унич-

тожит Советский Союз. Нам надо быть готовыми на момент начала войны выступить в тылу Советской власти и помочь Гитлеру уничтожить Советский Союз».

Готовность выступить на стороне Германии против Советов разделял и Марк Концевой:

> «Нам надо сохранить коней и запастись хотя бы охотничьими ружьями. Как только вспыхнет война, мы выступим с тыла против Советской власти и поможем нашим друзьям уничтожить Советскую власть и открыть нам светлую жизнь».

Одним из наиболее «политически грамотных» жителей Асаревич был, видимо, Степан Ефименко, который во время кампании по так называемым «выборам» в Верховный Совет БССР объяснял односельчанам:

> «Как ни восхваляйте Советскую власть, она долго не будет существовать, она будет уничтожена Германией, как и Австрия, и Чехословакия. За границей лучше живется, чем у нас, и если бы Советская власть не мешала, то большинство народа уехало бы за границу. Увидите, наших руководителей партии и правительства в скором времени разгонят как мышей. Теперь все сильные государства непосредственно подчиняются Гитлеру, и они разработали общий план уничтожения Советской власти, а мы, крестьяне, только того и ждем».

Итак, Асаревичская группа была раскрыта НКВД, и вряд ли ее члены дождались предсказанного ими скорого начала германо-советской войны. Однако было бы ошибкой считать их взгляды и ожидания единичным или случайным явлением для тогдашней крестьянской массы в БССР. Насильственная сталинская коллективизация и сопутствовавшие ей массовые репрессии в деревне (только за 1938 год и только по «антисоветским» делам в БССР были осуждены, в основном на смерть, 1844 «кулака», 1762 колхозника, 640 единоличников, 50 рабочих МТС — всего 4296 человек) никак не могли способствовать сокращению числа тех, кто ждал прихода немцев как избавления.

Зафиксированные независимо друг от друга как в большом городе, так и в деревне, пронемецкие настроения естественно, не могли обойти и местечки. Это подтверждают архивные источники. Так, 31 января 1939 года в ЦК КП(б)Б на имя Пономаренко поступило спецсообщение от наркома НКВД Цанавы, доводившее до сведения партийного начальника:

> «В Лоевской средней школе того же района бывшими комсомольцами-учениками ПЛЮЩОМ Михаилом Ивановичем и ЗАХАРЕВСКОЙ Наталией Николаевной, как внутри школы, так и в местечке Лоеве, распространялись к.-р. /контрреволюционные/ листовки фашистского содержания. В листовках восхвалялись фашисты ГИТЛЕР и ТРОЦКИЙ, а также распространялись провокационные слухи, что будто бы скоро будет война. ПЛЮЩ распространил одну, а ЗАХАРЕВСКАЯ семь листовок».

Оба «главных героя» являлись учениками 9 класса, имели по 16–17 лет и, вероятно, составляли листовки в соответствии со своими политическими взглядами*. Интересно то, что они оказались не единственными даже в своей школе!

События, которые происходили в той самой школе, через несколько ме-

---

* Не приходится сомневаться в судьбе этих подростков. В СССР приговаривали к смертной казни начиная с 12-летнего возраста, причем в первую очередь — за политические преступления. — *Прим. ред.*

сяцев стали основанием написания докладной записки первым секретарем ЦК ЛКСМБ Королёвым первому секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко. В этом документе комсомольский деятель подает такую хронологию событий:

«4.4.1939 г. проходил районный комсомольский актив по итогам 18 съезда ВКП(б). После актива в школе были выявлены около вешалок написанные чернилами на фотобумаге 2 фашистские свастики [...]

5.4.39 г. в коридоре школы были найдены 2 пакета, в которых были запечатанные контрреволюционные листовки, написанные от руки печатным шрифтом. 6.4.39 г. в ящике для газет и писем были обнаружены 4 пакета, адресованные на имя: 1) Директора школы тов. Кильчевского, 2) Секретаря КСМ комитета т. Гофман, 3) Зав. учебной частью тов. Тумань и 4) Зам. секретаря КСМ комитета т. Горовцова. Во всех пакетах были листовки, написанные печатным шрифтом от руки, контрреволюционного содержания, и на каждой листовке была напечатана фашистская свастика особо сделанным штампом».

Содержание этих листовок, на первый взгляд, позволяет квалифицировать акцию их авторов и распространителей скорее как хулиганскую выходку не самых лучших учеников, если бы не явная политическая ангажированность подростков. И действительно, здесь было такое обращение к директору школы:

«Глядзі брат, кулацкі Абдула, шануй сваю шкуру, долга не будзеш уладаром школы, на цябе ужо адточан нож и просиць міласці парануць у кільчэўскую гадзіну, и табе, яхідны піжон, тумелеўская шкура свінцовая пуля просиць міласці прабіць лысую чарап'янку. Ачкастым дуракам, председацелям комсомола Гофману и Горэўцову вучні выб'юць з башкі політыку, хоць ноччу з-за вугла, хоць летам у адпачынку».

Было и обращение к ученикам:

«Вучні, помніце заветы народа — калі старших кровапиўцаў меншасць, нада карыць іх большасцю, арганизоўвайце падпольныя гурткі, пішыце лістоўкі и раскідвайце іх па школе, не слухайце сваіх настаўнікаў і іхніх падхалимаў, злосных убівайце ноччу камнямі. Вучні, даставайце ржавое аружжа, рабіце самастрэлы, аб'ядняйцеся ў партыю, будзьце гатовы, скора будзе вам свабода ад германскага народа, няхай жыве Гітлер».

Наименее хулиганская и наиболее политически четкая листовка провозглашала:

«Скора прыдзе Гітлер, таварышы настаўнікі і вучні, памагайце раскарчаваць гадаў сярод Вас. Вам будзе воля і свабода ад германского народа. Няхай жыве Гитлер».

Более уверенно о политической подоплеке этого дела позволяют говорить биографии авторов листовок, еще помальчишески короткие, но уже весьма характерные.

Вот как они предстают в изложении Цанавы в спецсообщении для Пономаренко:

«1. ЯКИМЕНКО Владимир Александрович, 1923 г. рождения, 16 июня, уроженец гор. Гомеля, отец которого в 1938 г. арестован за к.-р. деятельность и осужден на 10 лет.

2. ЛАПКОВСКИЙ Константин Александрович, 1922 г. рождения, урож. Речицкого р-на, по происхождению — из семьи религиозного культа. Отец его в 1937 г. арестован органами НКВД и выслан.

3. ПОПОНА Иван Алексеевич, 1922 г. рождения, урож. м. Сально, из крестьян-середняков».

Видимо, и этим парням в борьбе против советской власти, лишившей их отцов, единственным возможным союзником казался немецкий фюрер...

Таким образом, не будет преувеличением вывод, что накануне Второй мировой войны в БССР действительно существовали ярко выраженные пронемецкие и даже профашистские настроения. Как свидетельствуют документы, они были распространены среди групп населения, различающихся и местом жительства (крупный город, местечко, деревня), и возрастом (взрослые крестьяне, юные школьники).

Не думаю, что к истокам таких настроений можно отнести деятельность немецкой резидентуры, либо восприятие беларуским населением идей национал-социализма. Не кажутся упомянутые выше случаи и провокациями НКВД.

По моему мнению, эта «пронемецкость» или «профашистскость» части жителей БССР была всего-навсего сублимацией их глубокой ненависти к большевистской власти, которую они справедливо считали виновницей в своем горестном материальном положении и ответственной за массовое унижение и уничтожение людей.

Как это ни удивительно, но возникновению именно таких настроений способствовала и советская пропаганда. Документы показывают, что список потенциальных «спасителей» от Советов целиком соответствовал советскому пропагандистскому перечислению «врагов народа»: здесь и «шпионские центры правых», и «капиталистическое окружение» (вполне в духе советской пропаганды через запятую перечисляются Германия с Италией, Англия с Францией, и соседняя Польша), и Лев Троцкий. Прекрасная иллюстрация буквального восприятия массами известной максимы: «враги наших врагов — наши друзья»!

Тезис о сублимативном характере профашистских настроений в БССР можно подтвердить и ссылкой на их распространенность среди таких слоев населения, которые почти не имели других источников информации, кроме официальных.

* * *

Характерно, что среди представителей гуманитарной интеллигенции БССР, которая была настроена не менее антисоветски, чем рабочие или крестьяне, но обладала значительно более широким кругозором и знаниями, симпатии к нацистам не отмечались. В качестве примера приведу зафиксированные сексотами НКВД в том же 1939 году высказывания наиболее выдающихся на то время беларуских историков:

Николай Михайлович Никольский (1877–1959):

«Большевизм есть фашизм наизнанку, в СССР ученые не могут откровенно излагать свои взгляды, и в случая войны я не хотел бы остаться на территории СССР».

Владимир Николаевич Перцев (1877–1960):

«Если бы население бывшей царской России оказалось в таком материальном положении, в каком находится при Советской власти, то революция произошла бы намного раньше семнадцатого года. Какой-то политический переворот необходим и теперь, потому что политика партии и Советской власти все хуже и хуже давит на население. Большевики как ни стремятся поддержать авторитет партии, но у всех про нее сложилось самое скверное мнение, даже природные пролетарии относятся пренебрежительно, и это совершенно естественно, потому что жизнь при их руководстве является самой тягостной».

Владимир Иванович Пичета (1878–1947):

«Я с политикой Советской власти не согласен и никогда не соглашусь, и терпеть ее /власть/ не могу. Вокруг хамы и больше ничего. Советский Союз — это фашистский застенок, а не социализм. Все то, что пишут в газетах — самовосхваление и идиотизм».

* * *

Высказанное выше мнение подтверждает и тот факт, что после августовского 1939 года «пакта Молотова — Риббентропа», когда гитлеровская Германия и Советский Союз превратились из врагов в союзников, до самого начала германо-советской войны пронемецкие настроения в БССР шли на спад, во всяком случае, документы с фиксацией таких настроений за тот период лично мной не выявлены.

В заключение хотел бы сделать два вывода, которые могут подтолкнуть исследователей к более активному изучению проблемы, поставленной в статье:

1. В начале германо-советской войны 1941–45 гг. значительная часть населения Беларуси, в силу своего враждебного отношения к советской власти, была психологически готова к поддержке нового режима, установлением которого сопровождалось вступление германских войск на территорию нашей республики.

Потенциал этой готовности не был и не мог быть в достаточной мере использован нацистами по причине кардинальных расхождений их идеологии и целей в этой войне с идеологией и целями беларусов.

Однако и советское партизанское движение в 1941–44 гг. никогда не пользовалось поддержкой большинства жителей Беларуси.

2. Тезис об «извечном советизме» беларуской нации нового времени и ее неизменной склонности к социалистическим ценностям, который активно разрабатывают авторы разных политических ориентаций, не выдерживает проверки фактами.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Игорь ЛЯЛЬКОВ — историк, в прошлом преподаватель Беларуского колегиума в Минске, ныне председатель Беларуского Шумановского общества.

ПАМЯТИ БРАТА

13 февраля этого года внезапно скончался мой старший брат Валентин Тарас — поэт, писатель, переводчик, публицист, общественный деятель. В понедельник 9-го я поздравил его с 79-летием, а в пятницу между 17 и 18 часами брата не стало. Остановилось сердце, изношенное жизнью. Он лишь успел сказать «я ухожу» своей жене Регине, с которой прожил в браке 55 лет и умер.

Старший брат был в моей жизни всегда. Впервые он взял меня на руки двухмесячным младенцем в июле 1944 года в Минске, только что освобожденном от нацистов. Родители прибыли в город с частями Красной Армии, а 14-летний брат вернулся из Налибокской пущи вместе со своим партизанским отрядом.

А сейчас мне 65 лет. И с уходом брата в моей жизни образовалась дыра, которую невозможно ничем заполнить. Так и придется жить дальше с ощущением этой пустоты. Все, что я могу сделать теперь в память о нем, так это опубликовать некоторые из его произведений. Ниже вашему вниманию предлагается очерк из сборника мемуаров «На острове воспоминаний».

Анатоль Тарас

Валентин Тарас выступает на встрече с читателями своей книги «На острове воспоминаний» (2005 г.)

РАССТРЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Валентин Тарас

В лес /в 1942 году — *Прим. ред.*/ я собирался уйти со своим другом, немного старше меня — примерно на полгода. Звал его Карл, а его сестру — Клара. Их родители были старыми коммунистами, так называемого ленинского призыва, вступили в партию после смерти Ленина, в 1924 году. Идейные убеждения продиктовали им, какие имена дать детям: сына назвали Карлом в честь основателя немецкой компартии Карла Либкнехта, дочь — в честь старейшей немецкой коммунистки Клары Цеткин.

Мать Карла и Клары, Эмилия Яковлевна Калнина, по национальности была латышкой, что в 1937 году обернулось для нее бедой — Эмилию Яковлевну исключили из партии за то, что поддерживала связь со своими братьями и сестрами, жившими тогда в Латвии, переписывалась с ними. Этого в год «великого сталинского хапуна» было достаточно для того, чтобы «загреметь» из партии — хорошо еще, что не загремела в ГУЛАГ.

Отец Карла, Григорий Юдин, был русский, из Саратова, до войны работал в Минске в каком-то учреждении, был довольно важным начальником. В первые дни войны он эвакуировался вместе с этим учреждением в Москву, а семья осталась, — Карлуша и сам толком не знал, почему отец не забрал их с собой. Однако он очень гордился отцом, не раз говорил мне: «Мой папа — настоящий большевик. Он очень строгий, но справедливый. Вот прогонят немцев, папа вернется, — увидишь, какой он человек». Увидеть этого человека мне не довелось, но о том, что он остался настоящим большевиком, знаю от Карлуши, уже давно пенсионера, ветерана минского радиозавода «Горизонт» Карла Григорьевича Юдина. После войны отец Карлуши поостерегся возвращаться к семье, жена и дети долго не знали, что он жив-здоров, что у него новая семья и живет он в своем родном Саратове, что там он тоже какой-то важный начальник.

Дети не выдержали, поехали к отцу, и он — настоящий большевик — искренне объяснил почему не вернулся к ним, а главное — к их матери, своей бывшей жене: «Вы были в оккупации, а это — пятно, которое может лечь и на меня. И так я пишу во всех анкетах, что моя жена, ваша мать, была исключена из партии по политическим мотивам. А теперь еще и том писать, что она находилась на оккупированной территории?! Вы говорите, что она ничего плохого не делала, работала уборщицей. Но ведь не боролась. Как она, коммунистка, могла не бороться с врагом? Не могу я из-за нее партбилет положить! Поймите меня, дети, партия для меня превыше всего. От вас я не отказываюсь, буду вам помогать, но к Эмилии Яковлевне не вернусь».

Однако возвращаюсь к нашим с Карлушей планам вместе уйти в партизаны. С нами почти в точности повторилась история, происшедшая с героями рассказа русского классика Антона Павловича Чехова «Мальчики» — о двух двенадцатилетних гимназистах, которые, начитавшись приключенческих романов Майн Рида о золотоискателях и индейцах, решили пойти по пути его героев и бежать из дома в Америку, чтобы сражаться с индейцами и искать золото. Но утром того дня, когда мальчики должны были отправиться в путь, один из них сказал, что не пойдет, потому что ему жалко маму: «Я ей обо всем расска-

зал, а она плакать начала, плачет и плачет. Как я поеду?»

Буквально то же самое сказал мне Карлуша, когда мы встретились, чтобы окончательно обо всем договориться: «Знаешь, Валик, я не пойду. Мне маму жалко. Я ей признался, что собираюсь с тобой в партизаны, а она плакать начала. Второй день плачет и плачет. Не пускает! Как я пойду?»

Я сказал ему, что он просто трус: «Маму ему жалко! Ну и оставайся со своей мамой, держись за юбку, раз ты такой говнюк! Я пойду один».

Через несколько дней я топал по дороге на Молодечно. А по той дороге ехали из Минска на подводе какие-то дядьки, возвращались с Комаровской толкучки, где меняли муку и сало на разные вещи — одежду, соль, мыло. Эти дядьки взяли меня на подводу — сами предложили подвезти, я не просился. Потом стали расспрашивать, куда это я шагаю один, такой маленький? Я соврал, сказал, что круглый сирота, никого у меня нет, а куда иду, не мог объяснить. Дядьки сами подсказали мне ответ: «Наверное, от голода убегаешь? Хлеба будешь просить в деревнях?» Я покивал головой, а дядьки мне говорят: «А заработать на хлеб не хочешь? Можно тебя в пастухи пристроить, есть в нашей деревне один человек, которому пастушок нужен».

Так я очутился в деревне Хажово (или Хожево, не помню как правильно) и два месяца жил на хуторе дядьки Петра Барана. Через 45 лет я написал об этом в стихотворении «Баллада благодарности»:

Ці ж магу калі забыць,
Як мяне туды прывезьлі?
Я з дарогі дыхаў ледзьве,
Есць хацеў і піць.
Ды ня толькі ад таго
Я зьнямогся, што з дарогі, —
ад адчаю, ад трывогі,
ад ваеннагао таго
безбацькоўства, беспрытульля...
І сказаў Пятро стары:
— Жонка, будзь яму матуляй,
будзь, дачка, замест сястры!
З горкім жалем Бараніха
Паглядзела на мяне:
— Хай жыве, — сказала ціха, —
покуль ліха не міне.
— Хай жыве, сказала Ніна,
Барановая дачка.
Так за брата і за сына
ўзялі ў хату хлапчука.

Эта же хажовская история легла в основу моей повести «Первая молния», напечатанной в 1971 году в московском журнале «Юность».

Но, хотя мне было хорошо у Баранов, мечта попасть в партизаны не отпускала и я тайком, как раньше из дому, убежал из Хажово под Воложин, стал шататься по деревням, находившимся возле самой Налибокской пущи. Партизаны бывали в этих деревнях чуть ли не каждую ночь, а часто и днем, но меня, сколько ни просился, к себе не брали: «Ты что, пацан, куда тебе воевать?» И все же зимой 1943 года я своего добился: разведчики отряда «За Советскую Родину» бригады имени Чкалова, Борис Бахмутов и Николай Егоров, совсем молодые хлопцы (Бахмутов был старше меня на каких-то четыре года) взяли меня с собой.

За это им изрядно досталось от командира отряда Ильи Стрельцова: «Что теперь делать с этим сопляком? Кто ему будет сопли утирать, я или вы?» Однако как ни злился командир, а в отряде меня оставил, и до июля 1944 года я тянул партизанскую лямку наравне со взрослыми. Где-то 14 июля, за два дня до знаменитого партизанского парада, наш отряд прибыл в Минск, и я в тот же день попросил разрешения сходить домой — не знал, что никого из своих близких не найду.

А еще мне очень хотелось наведаться к Карлуше Юдину — похвастать своим карабином и партизанской медалью. Пусть Карлуша позеленеет от зависти, пусть пожалеет, что не пошел со мной в лес! Но все было не так, как мне представлялось. Меня встретили с радостью, как родного, мать Карлуши помыла меня на кухне в корыте, словно малого ребенка, приготовила обед из ничтожных своих запасов — постную затирку из отрубей, котлеты из свеклы и моркови.

Валентин Тарас в июле 1944 года.
На этой фотографии, сделанной его отцом в Минске, после трехлетней разлуки, ему четырнадцать лет

За обедом я рассказывал о своем партизанстве, о том, как это было тяжело и страшно. Меня слушали с большим интересом, удивлялись, ужасались, но оказалось, что то, что рассказали мне Эмилия Яковлевна, Карлуша и Клара, было не менее ужасным.

За два года, что меня не было в Минске, они натерпелись не меньше меня, жилось им еще менее сладко, чем мне в лесу. Более голодно и страшнее. Какой был ужас, когда после убийства Кубэ немцы брали заложников целыми улицами! Как было страшно, когда Минск бомбили по ночам свои, советские самолеты — не разбирая, где немецкие объекты, а где жилые кварталы. А страх, что детей схватят и отправят в Германию?

«Боже, — сказала Карлушева мать, как мы только выжили! Какое счастье, что все это кончилось. Что ты остался живой! Что я своих детей уберегла!»

В самом фантастическом сне не могло присниться, что придет время, когда меня за мой рассказ обо всей этой истории с Карлушей Юдиным назовут клеветником и подвергнут политическому остракизму...

В 1994 году, 3 июля, когда отмечалась 50-я годовщина освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, беларуское телевидение начало показ четырехсерийного документального телевизионного фильма «После Победы», созданного коллективом творческого объединения «Телефильм». Автором сценария фильма и его ведущим в кадре и за кадром был я. По форме это даже не фильм, а монолог автора, подкрепленный документальной кинохроникой, монтаж которой сделал постановщик телесериала, режиссер БТ Валерий Жигалка.

Я не претендовал на «глобальность», на всесторонний анализ войны, рассказывал только о «своей войне», о том, что видел своими глазами, что пережил. Хотя, разумеется, были в моем рассказе и размышления о том, что довелось увидеть и пережить в оккупированном Минске и в партизанах. Речь шла о том, что я понял через много лет после войны, чего не мог понимать подросток, каким я был в партизанском лесу. И по причине возраста, и по причине идеологической зашоренности:

Гэтак мой зрок зь дзён маленства
школілі,
Шкельцы гэткія ў зеніцы ўпёрлі,
Што я мог адрозьніваць толькі два
колеры —
белы і чорны.

Однако в фильме «После Победы» не было ничего такого, чего бы никем и никогда до меня не было сказано. Поэтому меня удивила резко отрицательная, да что там — просто бешеная реакция на фильм со стороны ветеранов войны. Все еще не верилось, что у ветеранов стереотипы советского мышления, клише советской историографии настолько вошли в привычку, что их невозможно выбить из мозгов никакими фактами, даже самыми неопровержимыми — любое слово, противоречащее советской догме, воспринимается ими в штыки. А того, кто такое слово скажет, сразу поднимают на штыки!...

После показа фильма ветеранская организация Заводского района Минска обратилась к генеральному прокурору Беларуси с требованием возбудить уголовное дело «За клевету на Великую Отечественную войну, на ветеранов», автор был назван «бэнэзфовским провокатором», «предателем», «двурушником», «идеологическим диверсантом» — весь набор терминологии 37-го года. Правда, генеральный прокурор на обращение ветеранов не отреагировал — их заявление прокуратура переслала на студию «Телефильм». «Для ознакомления». Либеральные еще были времена!...

До поры, до времени все было тихо, тем более, что фильм долго не повторяли. Но в 1998 году снова были показаны все четыре серии, после чего с одним из ветеранов, отставным генералом Анатолием Быковым случился тяжкий идейный припадок. В газете «Славянский набат» (никто, видимо, уже не помнит, что в конце 1990-х годов существовала такая газета, орган Комаровского рынка) генерал выступил с разгромной статьей о фильме. И на этот раз я пришел в смятение. Потому что бравый генерал нашел крамолу даже в моем рассказе о Карлуше Юдине, о том, как его мама не пустила в партизаны — во второй серии фильма я вспоминал об этом. И сказал: «Правильно сделала мама, что не пустила Карлушу в лес, счастье, что он ее пожалел и не пошел. Если бы у меня

Валентин Тарас — студент факультета журналистики БГУ (1952 г.)

была мама, если бы она была жива, она, уверен, не пустила бы меня тоже».

На основе этих моих высказываний генерал обвинил меня в антипатриотизме, в проповеди «непротивления злу насилием». В том, что я жалею, раскаиваюсь, что пошел в партизаны! Как не быть ошарашеным, прочитав такое? Как можно не учитывать, что речь идет о детях, о двенадцатилетних мальчиках! Как человек может не понимать, что это зверство, а не патриотизм, если матери отказывают в праве не отпускать на смерть свое дитя, потому что разве не дитя двенадцатилетний сыночек?

Поневоле думаешь, что генерал никогда не был мальчиком, которому жаль свою маму, если она плачет и страдает из-за него, а прямо так и родился на свет — в генеральских погонах, с орденами на груди и «Кратким курсом истории КПСС» в мозгах!

Не такие ли твердокаменные ортодоксы, истинные большевики, в 30-е годы прошлого века внесли поправку в Уголовный кодекс, которая позволяла применять высшую меру наказания — расстрел — в отношении граждан СССР, достигших двенадцатилетнего возраста!... Не только за уголовные преступления, но и — в первую очередь — за политические!

Громил меня генерал и за мое сочувствие женщинам, всем тем людям, что были под оккупацией. Он возмущено писал: «Валентин Тарас с сочувствием приводит примеры холуйского подчинения оккупантам, прислуживания гитлеровцам. Стирали белье немецким офицерам, досматривали в качестве санитарок немецких солдат, выполняли любую грязную работу только ради того, чтобы выжить! С сочувствием рассказывает Валентин Тарас о художнике Гусеве, который за пайку хлеба рисовал портреты оккупантов, и возмущается, что советская власть потом покарала его за это. «Никого не убил, никому не сделал ничего плохого, а четыре года отсидел в тюрьме» — так с тяжелым вздохом заканчивает свой рассказ о художнике-предателе наш чувствительный непротивленец злу насилием!»

Напрасно спрашивать у человека с таким мышлением, в чем вина миллионов женщин с малыми детьми на руках, и вообще всех тех, кто внезапно очутился на территории, которую «мудрое руководство» Советского Союза бездарно сдало захватчикам.

Что должны были делать все эти женщины, старики, подростки? Поголовно кончить жизнь самоубийством, чтобы не стирать белье немецким солдатам, не идти на работу в немецкие столовки ради возможности приносить детям объедки? Не идти в санитарки немецких госпиталей ради того же куска хлеба? И художник Николай Иванович Гусев, на руках у которого были две малолетние дочери и прикованная к постели жена, тоже должен был покончить жизнь самоубийством, чтобы не писать портреты немецких солдат для спасения семьи от голода?

Если требуют такого патриотизма, то я — антипатриот. Потому что не людоед!

В. Тарас. На выспе ўспамінаў.
Выданне 2-е. Вільня, 2007, с. 238–246.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Валентин Ефимович ТАРАС (1930–2009) — поэт, писатель, сценарист, переводчик, журналист, общественный деятель. Автор ряда книг поэзии и прозы, мемуаров «На острове воспоминаний» (2004, 2007), многочисленных публицистических статей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ О БЕЛАРУСИ

Рецензии и интервью

КТО С КЕМ ВОЕВАЛ?

«ВОЙНЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ С ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ И РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ В XIV — XVII ВЕКАХ».
Минск: «Харвест», 2006. — 800 с.

В начале 2006 года минское издательство «Харвест» выпустило научно-популярную книгу Анатолия Тараса «Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV – XVII веках». Книга имеет внушительный объем – 800 страниц и базируется на трудах дореволюционных историков (преимущественно российских), средневековых мемуарах и воспоминаниях, а также на ряде исследований современных историков, в том числе беларуских.

Книга интересна уже тем, что в ней подробно описаны все крупные военные конфликты между двумя державами, соперничавшими за гегемонию в Восточной Европе – Великим Княжеством Литовским (в 1569 году объединившимся с Польским Королевством в Речь Посполитую обоих народов) и Княжеством Московским.

Особое внимание уделено трем важнейшим эпизодам противостояния этих государств: Ливонской войне (1558 1581 гг.), войне Речи Посполитой и Московии в 1609 - 1611 гг. (во времена «Великой Смуты») и войне 1654–1667 гг.

В сущности, эта книга – история Великого Княжества Литовского (ВКЛ), описанная с момента его возникновения в XIII веке и до начала гибели в середине XVII столетия. Беларуским читателям книга будет чрезвычайно интересна как первый труд по истории войн ВКЛ, так как пока в Беларуси издавались сочинения лишь по отдельным военным конфликтам ВКЛ с соседями.

Издание этой книги имеет еще один очень важный аспект, который хочется отметить особо. Для того чтобы полностью понять значимость этого издания, нужно представлять себе ситуацию, сложившуюся в исторической науке и общественном сознании Беларуси, России, Литвы и Польши вокруг вопроса существования ВКЛ и его взаимоотношений с соседями.

После исчезновения пресса советской идеологии, в Беларуси был создан ряд трудов, посвященных истории ВКЛ и его войнам с соседними государствами в XIV – XVII вв. Эти книги имели очень большое значения для развития и укрепления национального самосознания беларусов.

В Беларуси была создана своя, независимая концепция понимания роли и значимости Великого Княжества Литовского, как государства, впервые объединившего в своих границах все этнические беларуские земли. Именно в ВКЛ сформировалась беларуская народность, письменность и культура. Многочисленные исследования историков независимой Республики Беларусь бесспорно доказали, что беларусы составляли в ВКЛ этническое и культурное большинство, что старобеларуский язык был официальным языком, языком государственного делопроизводства и повседневного обихода.

Но то, что известно и понятно каждому беларусу как дважды два, остается «terra incognito» для наших соседей россиян, поляков, литовцев. И не пото-

му, что они не верят беларуским историкам, а потому что они их не знают. Широкая общественность Литвы, России и Польши не знакома с трудами беларуских историков последних лет. В этих государствах существуют свои концепции понимания исторической роли и сущности ВКЛ.

В России на государственном уровне, в учебниках и пособиях по истории, господствует теория о том, что ВКЛ возникло в результате захватов литовскими (в смысле — балтскими) феодалами беларуских и украинских княжеств, славянское население которых со времен окончания ледникового периода якобы мечтало воссоединиться с Россией. Эта имперская теория была создана российскими историками еще до революции и призвана была оправдать завоевания Московского княжества, уничтожение Великого Княжества Литовского и Королевства Польского.

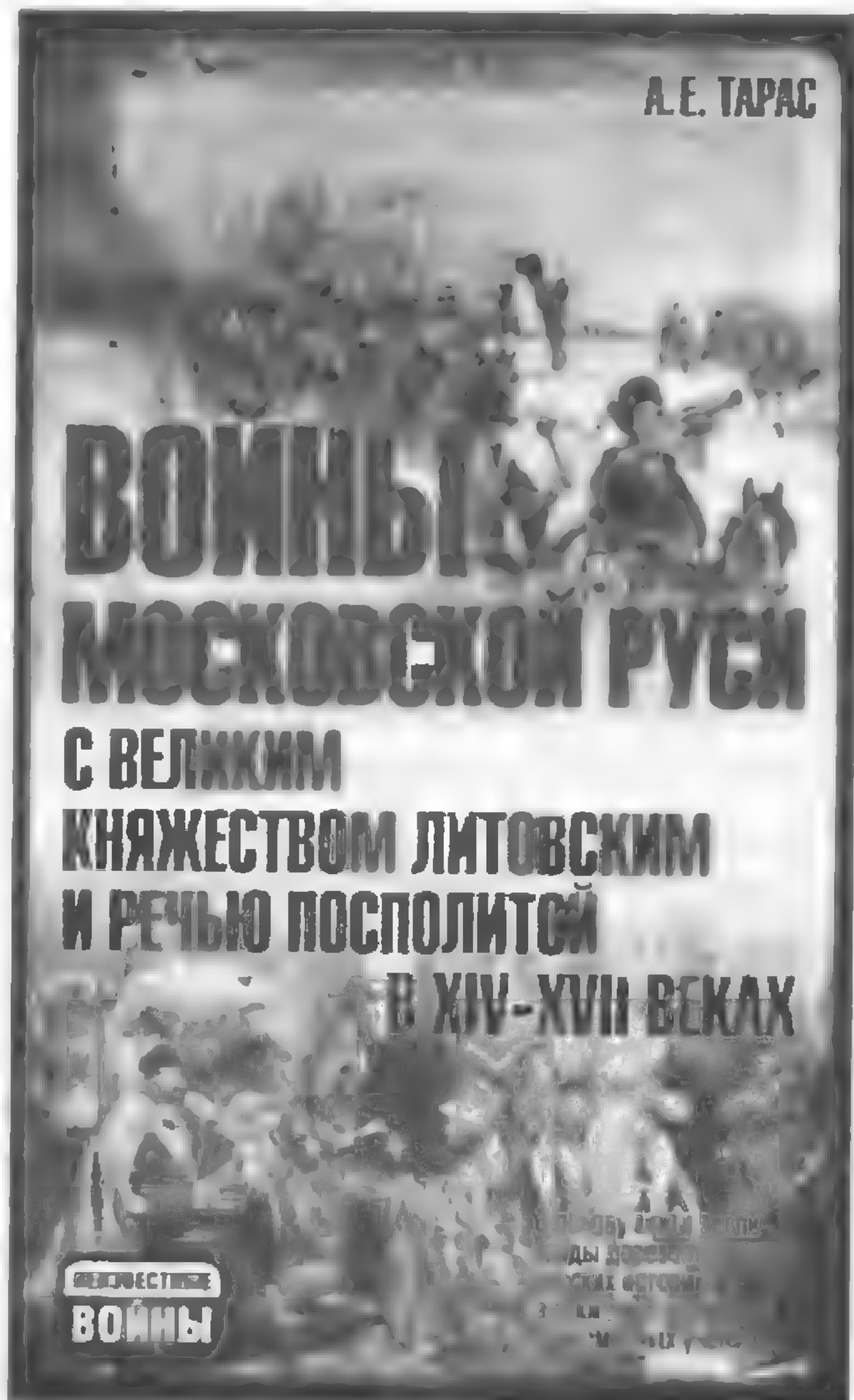
В Литве в общественном сознании господствует теория о том, что ВКЛ было исключительно балтской державой, где предки нынешних литовцев являлись титульной нацией. Как писали в газете «Наша Ніва», рассказы беларусов о том, что Вильнюс (который, кстати, во времена ВКЛ носил беларуское название «Вільня») и в Средневековье, и в составе Российской империи был городом с преимущественно беларуским населением, что беларуский язык был в ВКЛ государственным, вызывают у современных литовцев в лучшем случае вежливое удивление.

Польская же общественность склонна сильно преувеличивать роль поляков в истории ВКЛ. Мне лично не раз приходилось сталкиваться с фактом, что поляки искренне считают Гродненскую и Брестскую области исконными «польскими землями».

Таково состояние общественного сознания населения этих государств по вопросу ВКЛ — нашего общего прошлого. А ведь именно общественное сознание и общественное мнение в конечном счете определяют внутреннюю и внешнюю политику государств.

Я не хочу сказать, что россияне, литовцы и поляки погрязли во «мраке невежества и заблуждения», а беларуские историки озарят их светом истины. Возможно, что концепция понимания ВКЛ, созданная беларускими исследователями тоже ошибочна и уж, конечно, она не идеальна. Она также нуждается в дальнейшей разработке и дополнении.

В этом отношении особенно плодотворным стало бы ознакомление широких слоев населения Беларуси, Литвы, Польши, России с теориями и концепциями восприятия нашего общего прошлого, разработанными историками соседних государств. Знание — основа понимания, а взаимопонимание ведет к примирению и сотрудничеству. Зна-

комство с трудами историков соседних держав необходимо для понимания настроений и тенденций в общественном сознании жителей этих стран.

В плане получения информации об истории государств «ближнего зарубежья» россияне находятся, пожалуй, в самом невыгодном положении. Если среднестатистический беларус может читать книги на беларуском, русском, польском, украинском языках, то для среднего россиянина, кроме «великого и могучего» не остается ничего из перечисленного.

Я не раз убеждался, что россияне не понимают ни беларуского языка, ни украинского, а уж тем более — польского. Тем россиянам, которые уверены, что беларуский язык — это лишь немного «испорченный» русский, советую попробовать прочитать какую-нибудь книгу на беларуском языке.

Языковой барьер — одна из главных преград на пути взаимного познания и взаимного понимания. Получается, что историки замыкаются в границах своих государств. Беларуские историки пишут для беларусов, литовские — для литовцев.

Это не значит, что всем срочно нужно переходить на какой-то единый язык, хотя мировая тенденция именно такова. Например, Европа все больше и больше использует английский язык в качестве языка науки и бизнеса. Но в нашем случае достаточно просто изучать языки и больше переводить. Если беларусы могут читать российских авторов и без перевода, то россияне должны больше переводить и издавать труды беларуских, литовских, польских, украинских историков последнего времени.

Книга А.Е. Тараса уникальна в том плане, что это, вероятно, первая книга, изданная беларусом специально для российских читателей. Автор прямо указывает на это в предисловии. Именно для россиян в начале книги объясняется происхождение понятия «Литва» и разница между летописной, средневековой Литвой и современным балтийским государством — Литовской республикой — Летувой (Lietuva), название которой стало причиной большой путаницы в исторической литературе.

Я настоятельно рекомендую прочитать эту книгу всем россиянам, которые хотят узнать беларускую точку зрения на историю взаимоотношений ВКЛ и Речи Посполитой с Московским княжеством.

Я не хочу сказать, что эта точка зрения самая лучшая и правильная — к исторической науке эти понятия неприменимы. То, что сейчас считается правильным — завтра может быть объявлено ложью и инсинуациями, и предано забвению. Но это та концепция, которая сейчас господствует среди национально сознательной молодежи и историков новой — постсоветской формации — и которая является результатом трудов беларуских историков последнего времени, освободившихся от гнета советской имперской идеологии.

И даже если читатель не воспримет позицию автора по вопросу взаимоотношений Великого Княжества Литовского и Московии, он может просто прочитать книгу и тогда сам убедится, что эта позиция имеет под собой очень серьезные основания.

Надо отметить, что в связи с разыгрываемой беларуским правительством «политической картой» Союзного государства Беларуси и России, государственные идеологи нередко заявляют о том, что пора «прекратить переписывание истории» (имеется в виду, конечно же, советский вариант этой самой истории) и «поставить на место националистов», которые своими «тенденциозными» трудами могут якобы осложнить отношения между «братскими народами».

Поэтому издание книги А.Е. Тараса особенно приятно. Тем более что книга написана простым, живым языком и очень легко читается.

Разумеется, она не лишена недостатков. Так, название книги, по моему, несколько не соответствует содержанию. Главным фигурантом книги является именно Великое Княжество Литовское, поэтому книгу правильнее было бы назвать «Войны ВКЛ и Речи Посполитой с Московским княжеством». Впрочем, название книги, видимо, обусловлено желанием заинтересовать, прежде всего, российского читателя, которому она и адресована.

Непонятно, почему автор использует польский вариант названия столицы ВКЛ — «Вильно». Во всех беларуских летописях и исторической литературе она называется «Вильня». То же с именами великих князей литовских. Например, автор использует польский вариант имени Сигизмунд — «Жыгмонт», хотя и в летописной, и в литературной традиции Беларуси принято писать «Жыгимонт» (по беларуски — «Жыгімонт»).

Автор нередко использует излишне эмоциональные характеристики той или иной исторической личности, например, «старый дурак Фюрстенберг». Подобные выражения, по моему, навязывают читателю субъективную оценку автором этих людей. Мне кажется, что для характеристики исторических личностей лучше использовать описания современников, и то с осторожностью.

Но главную оценку книге выставят, разумеется, читатели. А в том, что эту книгу стоит прочитать, лично у меня нет никаких сомнений.

Василий Матох,
научный сотрудник Национального
архива Республики Беларусь
(21 января 2006 г.)

ГРАЖДАНЕ ИЛИ ГОСТИ?

«ИСТОРИЯ ИМПЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ: БЕЛАРУСЫ И РУССКИЕ. 1772–1991»

Смоленск: «Посох», 2008. — 608 с.
2-е издание, исправленное — Минск: издатель А.Н Вараксин, 2008.

Жаль, что эта книга не вышла лет 15 назад. Если бы в начале 90-х годов русскоязычный читатель в Беларуси смог прочесть этот сборник, многие советские мифы, а то и просто клевета — в том числе обвинения деятелей беларуского возрождения в крайнем национализме, развеялись бы.

Правда, не все деятели возрождения понимали тогда важность просветительской деятельности среди русскоязычной части населения. Но, парадоксальным образом, выход этой книги не опоздал и сегодня.

Она может стать открытием для многих беларуских читателей. Вполне вероятно, что в свете взаимоотношений Беларуси с Россией последних лет, ее актуальность будет только возрастать.

Составитель, переводчик и редактор издания Анатолий Тарас в своем предисловии так формулирует главную идею книги: «всем людям, проживающим ныне в независимом суверенном государстве — Республике Беларусь, необходимо определиться, кем они себя считают: его гражданами или гостями?»

Речь не идет, уточняет редактор, об этнической принадлежности — «Беларусами могут считать себя русские и поляки, евреи и украинцы, татары и литовцы. В нашей многовековой истории так всегда и было. Имеется в виду другое — гражданская самоидентификация».

Эта книга, объясняет составитель, предназначена не столько сознательным беларусам, которые, по его мнению, в большинстве своем знают о проблемах русификации, сколько «тем белару-

сам, которые забыли свой национальный язык, либо сознательно отреклись от него».

Кроме того, редактор и авторы этой книги хотели бы, чтобы она была доступна читателям других независимых государств, которые тоже испытали на себе русификацию.

И, в-третьих, — чтобы с ней могли познакомиться российские публицисты и политологи. Которые, добавим, обычно не имеют ни малейшего понятия об истории беларуской нации, а нередко сознательно искажают ее.

Вдобавок — если вообще издание этой книги требует какого-то оправдания — надо отметить еще одно. Статьи таких авторов, как Станислава Станкевича («Русификация беларуского языка в БССР»), известных историков Леонида Лыча и Захара Шибеки, журналиста Вадима Деружинского и прочих, последовательно скомпонованные, представленные в определенной системе, представляют собой научный и практический интерес для всех беларуских читателей.

Максим Пешка
Газета «СВАБОДА» № 130,
11 сентября 2008 г.

РУССКИЕ И БЕЛАРУСЫ НИКАКИЕ НЕ БРАТЬЯ. ДАЖЕ НЕ ДВОЮРОДНЫЕ

Книга «История имперских отношений: беларусы и русские» только недавно вышла в свет, но успела наделать много шума.

В ней раскрывается сущность российского шовинизма, рассказывается о том, кто такие беларусы и как сильно они отличаются от своих восточных соседей — исторически, культурно, даже генетически.

Корреспондент «Салідарнасці» взял интервью у составителя, переводчика и редактора книги Анатолия Тараса.

О чем эта книга?

Стержневая идея, которая пока еще может показаться в диковинку широкой публике, хотя для ученых это уже доказанный факт, — это то, что нет никаких братьев-народов. Русские, беларусы и украинцы — три абсолютно разных этноса. Разные генетически, психологически, исторически.

Русские — это народ, который сформировался на основе угро-финских и тюркских народов. А русский язык, на котором мы сейчас с вами говорим, ? это, по сути, искусственный язык, созданный стараниями Прокоповича, Сумарокова и Ломоносова, блеск которому придали Пушкин и его предшественник Барков.

Этот язык возник на основе, прежде всего, финской лексики (яркий пример: слово «Москва» с финского переводится как «черная вода») и тюркской (например, Карамзин, Сумароков, Кутузов — это татарские фамилии). Посмотрите на того же Путина внешне (антропологически) он стопроцентный финн!

А беларусы — это балты, которые смешались со славянами, мигрировавшими сюда под ударами германских племен с берегов Лабы (Эльбы) — так называемые балтские славяне. Украинцы — потомки ираноязычных сарматских племен, подвергшихся влиянию южных славян.

Мы никакие не братья. Даже не двоюродные. А вот кто прямая родня русским, так это марийцы и эстонцы, над которыми россияне любят потешаться (нехорошо смеяться над родными братьями!). Современные финны — им братья двоюродные. А беларусы и рядом не лежали.

Другая сквозная идея заключается в том, что вся история Московского государства — это история непрерывной экспансии, 800 лет постоянной агрессии. Менялись династии: Рюриковичи,

Романовы, — менялись политические режимы: сначала великое княжество, потом царство, потом империя, потом якобы республика рабочих и крестьян, но суть политики — нет!

Московия (позже назвавшая себя Россией) все время развивалась за счет захвата и ограбления новых территорий и народов. Не путем внутренней интенсификации — нормальной экономики, нормального гражданского общества, — а за счет безудержной экспансии. Все это мы показали на примере беларусов.

И все же книга издана в России...

Да, книга отпечатана в Смоленске, ее помог издать книжный клуб «Посох» /первое издание/. В России хватает коммерсантов, да и чудаков там больше — все же страна очень большая. В Минске мы не смогли заинтересовать этой темой ни одно коммерческое издательство. В итоге появился на свет малюсенький тираж 150 экземпляров.

Надеемся, что теперь, когда книга издана, некоторые наши издатели ее внимательно изучат, проконсультируются, не дадут ли им по шее за такую книгу (думаю, не дадут, так как она очень кстати приходится по времени, а периода после 1991 года мы не касаемся) и издадут нормальным тиражом.

К тому же я попросил бы не смешивать: Смоленск — исконно беларуская земля, там живут беларусы, которых московские власти считают русскими, хотя далеко не все нынешние смоляне с этим согласны. Это наша земля...

Не думаете, что своей книгой вы внесете раздор в и так сложные отношения России и Беларуси?

Сейчас, благодаря ситуации с Южной Осетией и Абхазией, в России поднялся мощный вал национал-патриотизма, а правильнее сказать шовинизма. Недавно мне довелось разговаривать с человеком, который только несколько дней назад вернулся из Москвы. Он был так потрясен. К нему в районе Белорусского вокзала прицепился милиционер. Слово за слово: а ты кто такой, откуда? «А-а! Беларус! И ты еще смеешь открывать рот? Вы всегда были нашими рабами, ими и останетесь!» И это говорит обыкновенный постовой мент.

Другой пример: недавно мой знакомый издатель вернулся с московской книжной ярмарки. И он рассказал, как какой-то представитель московского издательства у одного из стендов громогласно вещал всем окружающим: «Вот эти эстонцы, латыши, и прочие лабусы рты свои пораскрывали, еще и беларусы им стали подпевать. А хохлы вообще оборзели. Да это же все наши колонии! Они должны нам руки целовать за все, что мы им сделали. Мы их еще поставим на место! И с ними будет так же, как с Грузией». В России такое давно

уже говорят вслух. Так что эта книга появилась исключительно вовремя.

Суть Московской политики — империализм. Так всегда было в прошлом, так есть сейчас и, думаю, так останется вплоть до того момента, когда Россия развалится на свои составные части. Ученые давно уже предсказали ей жуткие социальные катаклизмы, с распадом на энное число удельных княжеств где-то в районе 2018 – 2020 годов...

Забиваете еще один гвоздь в гроб дружбы с Россией?

Нет у нас никакой дружбы с Россией. Все это выдумки. Просто объективно так сложилось, что мы полностью зависели от этой страны — от рынка поставки энергоносителей, от рынка сбыта нашей продукции. Поэтому и были обречены дружить с ней, выстраивать какие-то особые отношения.

Но не секрет ни для кого, что период особых отношений практически кончился. Россияне сами громогласно заявили: дружба дружбой, а табачок врозь. И правильно некоторые наши товарищи возмущаются: почему, если у нас одно государство, газ нам продают не по цене Смоленской области? Хотите, чтобы мы с вами крепко дружили — давайте льготу на все.

И вообще, у нас официально провозглашена многовекторная политика. Другое дело, что провозгласить легче, чем сделать: ведь столько лет молились на одну страну. Но процесс пошел. И он в Европе встречает определенное понимание. В этом смысле я смотрю в наше будущее со сдержанным оптимизмом. А вот в будущее России смотрю с крайним пессимизмом.

Каких тем вы касаетесь в своей книге?

Мы рассматриваем период с конца XVII века и до распада СССР. В первой части «Беларусы в тени двуглавого орла» рассказывается о разделе Речи Посполитой, вторая называется «Беларусы в эпоху революционного большевизма», концом которой я назвал бы смерть главного большевика тов. Сталина.

Третья часть — «Беларусы в эпоху либерального социализма» — тут «либеральный социализм» надо брать в кавычки, поскольку не было никакого либерализма. Но по сравнению со страшной эпохой сталинщины, проглядывалось какое-то облегчение, во всяком случае, казни, массовая «сажаловка» и всеобщая жизнь в бараках кончились. Хотя, на мой взгляд, настоящее лицо социализма – скотская харя.

Заключение я назвал: «Гомо советикус: беларуский вариант». В нем рассказывается, что такое «гомо советикус» вообще и «беларуский гомо советикус» в частности. Это человек, который, несмотря на место рождения, этническую принадлежность и гражданство отождествляет себя не с беларуским народом, его культурой и традициями, а живет русско-советскими ценностями. То есть такой вот Иван, не ведающий родства.

Большая глава посвящена уничтожению беларуской национальной интеллигенции в 30-е годы. Впервые автор разложил по полочкам, почему это делалось, и какой в том был смысл. Раньше никто не удосужился разложить репрессии по волнам, выделив внутри каждой свои дела: например, «дело БСДГ», «дело белорусской автокефальной православной церкви», «дело троцкистов-вредителей в тракторном центре».

Почему это делалось? Сталин очень хорошо понимал, что если не подавлять национальное движение во всех республиках, то Советский Союз развалится как карточный домик. Он тогда рухнул бы еще летом 1941 года.

Однако ни в одной национальной республике процесс уничтожения интеллигенции не был столь масштабным,

как в Беларуси. И ни в одной республике процесс русификации, к сожалению, не зашел так далеко, как у нас...

Как вообще появилась идея такой книги?

Раньше, в 2006 году, мы с вами уже встречались по поводу выхода моей книги «Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой», тогда я пообещал читателям, что вскоре последует продолжение. И я добросовестно занялся этим.

Однако, когда познакомился с литературой по этой теме, понял, что на ее написание мне не хватит оставшейся жизни. Тогда... я подобрал авторов (в основном, докторов наук), компетентных в тех вопросах, которые могли бы составить содержание книги, и которые имели уже готовые материалы. Этот план оказался достаточно продуктивным. Получился коллективный труд объемом 608 страниц, включая обширную библиографию.

Кстати, библиография в этой книге играет очень важную роль. Это не только те материалы, которые мы использовали, – мне хотелось показать читателям, что все затронутые нами вопросы на самом деле уже достаточно хорошо изучены.

А для чего нужно было переводить авторские тексты на русский язык? Не логичнее ли было книгу о беларусах издать на беларуском?

Я считаю, что те граждане Беларуси, которых можно отнести числу к национально сознательных, в принципе, не нуждаются в этой книге. Они в большей или меньшей степени и так все это знают. Эта книга как раз для других.

Также мы надеемся, что ее прочитают в бывших союзных республиках, потому как проблема имперских отношений актуальна для всех 14 стран бывшего Союза.

Хотелось бы, чтобы с ней ознакомились и в России.

Хотите утереть нос российским идеологам?

Мы меньше всего думали спорить с россиянами, потому что это дело абсолютно безнадежное — они просто ослеплены сознанием своего величия, пусть иллюзорного. Поэтому мы лишь позитивно и логично излагали свое мнение на огромном фактическом материале. В конце концов, почему нас должны волновать обвинения российских идеологов?

Анастасия Зеленкова
Газета «Салідарнасць»,
5 октября 2008 г.

СТОИТ ПРОЧИТАТЬ

«АНАТОМИЯ НЕНАВИСТИ: РУССКО-ПОЛЬСКИЕ КОНФЛИКТЫ В XVIII–XX *вв.»*

Минск: «Харвест», 2008. — 800 с.

Поступила в продажу книга Анатолия Тараса «Анатомия ненависти». Это уже третья книга в серии «Национальный проект», где он выступает как автор идеи, концепции и руководитель.

«Анатомия ненависти», как и вся трилогия, подчинена одной задаче: создать объективную картину сложного исторического процесса русско-польских отношений взамен тех мифов, что господствовали в официальной российской истории на протяжении нескольких веков.

Цель достигнута. «Анатомия ненависти» обрушила не один и даже не десяток исторических мифов, а одну из опорных конструкций всей советской концепции русско-польских отношений. Концепции, построенной целиком на русской традиции историографии. Причем традиции исключительно имперской, из которой подчистую были

удалены все оттенки иных подходов, присущих школам прогрессивных российских историков. Самой реакционной имперской концепции в новом тоталитарном формате.

Ни одна эпоха не рождает столько мифов, как эпоха тоталитаризма, превращающая по сути дела в один цельный миф всю предыдущую историю не только своего государства, но и всемирную историю. Теми же методами, что и в политике — репрессиями и пропагандой.

Из научного и общественного употребления, из памяти искусственно стираются целые пласты фактов и подменяются схемой, набором клише и стереотипов, слепленных господствующей идеологией в некое подобие концепции, в которой преступники превращаются в героев, поражения — в победы и наоборот, согласно меткому определению бессмертной антиутопии Оруэлла: «Ложь есть правда, правда есть ложь». Жуткая, серая железобетонная конструкция, которую, кажется, никому и ничем не свалить.

В тисках этих мифов особенно не везет истории народов и стран, оказавшихся в составе тоталитарных империй. Их собственная история вообще исчезает, что и произошло с историей Беларуси, превратившейся в кастрированную историю БССР.

Но проходит время и наступает момент, когда монолит вертикали лжи рассыпается в пыль. Однако возрождение исторической правды, восстановление национальной концепции истории требует усилий, а также времени и мужества для преодоления сопротивления не только старой схемы, но и политических сил вчерашнего дня. Такова ситуация беларуских исследователей прошлого. Поэтому вызывает особое уважение все то, что они сделали для реконструкции реальной истории Беларуси в контексте европейской и мировой истории.

Анатолий Тарас тоже внес свой вклад. Хотя сам он скромно называет свою книгу научно-популярной, ее значение трудно переоценить. Помимо разрушения мифов и реконструкции реальных событий, причин и последствий русско-польских конфликтов на протяжении почти трех последних веков, на страницах его исследования с исключительной выразительностью отображена историческая драма Беларуси, ставшей разменной монетой в противостоянии между Востоком и Западом. Но драма, отмеченная не безнадежностью, а историческим оптимизмом: если в таких условиях Беларусь выстояла, снова появилась на карте мира, то она будет жить.

Алексей Король
Газета «Новы час», № 7 (135),
27 февраля 2009 г.

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Известный беларуский исследователь предъявил на суд общественности новую книгу — произведение, абсолютно жесткое как в аргументации, так и в выводах.

Точнее будет сказать, что издание, написанное на русском языке, вопреки традиции создания подобных текстов, неизбежно само осуществит нравственный суд над своими будущими читателями.

Работа поэтому неумолимо обречена на дискуссии, восхваления и гневные инвективы даже в эпоху системного обвала всех жизненных укладов.

Автор, кстати, уже не в первый раз, посягнул на святое: традиционную кремлевскую модель истории России — СССР. Согласно ей, экспансия азиатской империи Москвы и Петербурга даже на запад (не говоря о восточном и южном векторах) была сугубо прогрессивной, освободительной и мирной.

Так, по А. Тарасу:

«Несмотря на исчезновение СССР с политической карты мира и значительные изменения, произошедшие во всех сферах жизни российского общества, большинство официальных российских изданий события царского и советского прошлого по-прежнему рассматривают в духе канонов... отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. По-прежнему «правильным» считается только то, что до 1917 года соответствовало имперским амбициям Петербурга, а с 1918 года – аналогичным устремлениям Москвы...

Дескать, захват Российской империей этих стран (бывших союзных республик СССР), оголтелая русификация, уничтожение национальной культуры, насаждение московской церкви – все это делалось ради блага порабощенных народов!» (с. 4).

Развивая идеи, осмысленные им в предыдущих книгах, автор обращает особое внимание на, пожалуй, самый болезненный момент в его изложении собственной исторической модели:

«С высоты сегодняшних знаний отчетливо видно, что генетическое родство и генетический антагонизм этносов являлись (и продолжают являться!) важными движущими силами международных отношений в... Европе. Генетические карты этносов, созданные учеными в самые последние годы, открыли новый, пока еще непривычный для всех угол зрения на многочисленные войны и политические союзы. Так, именно врожденные (генетические) различия в решающей мере способствовали традиционному неприятию московитами (впоследствии «русскими») европейского образа жизни, европейской культуры, католицизма, униатства и протестантства, их ненависть к Великому Княжеству Литовскому, Господину Великому Новгороду, Ливонии, Польскому королевству. И напротив, огромную любовь к Востоку и азиатским традициям... На территории РСФСР в 50-е и 60-е годы XX века пользовались колоссальной популярностью индийские кинофильмы, отвергавшиеся зрителями во всех странах Европы, а также в советских республиках Прибалтики» (с. 6.).

Основной массив книги посвящен не просто демонстрации, а недвусмысленному доказательству данного тезиса применительно к отношениям принципиально азиатских по духу Москвы Петербурга и неизменно рафинированно-европейской Варшавы.

Миф о «братьях — восточных славянах»

Одной из основных мифологем русско-российской модели истории выступает идеологическая сказка о трех «на-

родах-братьях»: русских, украинцах и беларусах. Очередной раз (ибо эту идею жизненно важно внушать заинтересованным гражданам вновь и вновь) в книге подчеркивается, что такой тезис в принципе не соответствует действительности.

И проблема здесь не в том, что кто-то пытается «вбить клин» между этими народами. Просто иным образом невозможно – увы – объяснить массовый садизм, который неизменно сопровождал появления русских войск на территориях, располагавшихся западнее Смоленска.

Так, в соответствии с реконструкциями современных российских (!) генетиков, их сограждане («русские») намного более близки финнам и татарам, нежели любым представителям беларусов («славян»). Последние же – родня северо-восточным полякам и выступают славянизированными (позднее – русифицированными – ибо эти процессы прямо противоположны) потомками западных балтов (с. 7–8).

В тексте отмечается:

«Лишь невежественный человек, ничего не смыслящий в языкознании, может говорить, например, что «беларуский и русский языки – практически близнецы». Лексические совпадения беларуского и русского языков не превышают 25–30% (включая фрагменты... татарской лексики), тогда как с польским языком беларуская лексика совпадает на 60–70%.

Беларус без переводчика понимает польский, словацкий, украинский языки, а вот русский человек без переводчика беларускую речь не понимает, как, впрочем, и любой другой славянский язык» (с. 9).

И здесь же:

«Именно факт этнической общности поляков и беларусов объясняет, в частности, создание Речи Посполитой. Беларуский историк Вацлав Ластовский отметил в своей «Краткой истории Беларуси», изданной в 1910 году, что за полтора века десять раз (!) начинались переговоры о создании союзного государства беларусов и поляков: в 1401, 1413, 1438, 1451, 1499, 1501, 1563, 1564, 1566, 1567 годах – и на одиннадцатый раз завершились учреждением в 1569 году Республики Обоих Народов – Речи Посполитой» (с. 8).

И несомненно, что рассуждения и выкладки рецензируемого исследования важны и для беларусов – вектор желательной геополитики, а, главное, предпочтительной линии культурного и цивилизационного развития, нам придется избирать. И не теряя времени.

Автор особо подчеркивает базовую идею книги:

«О врожденном (генетически обусловленном) антагонизме между русскими (финно-тюркским этносом) и поляками-беларусами (славянским этносом)» (с. 201).

Первое близкое знакомство поляков с Россией — Петр I

Одним из «достойных» представителей своего государства (кстати, до сей поры там почитаемым) на территории Беларуси и Польши выступил московский царь (с 1721 года – российский император) Петр Алексеевич Романов.

В его эпоху Московия стояла перед выбором между двумя историческими маршрутами: немецким (в стиле тогда разобщенной и смешной Германии) и польским. Согласно позиции автора:

«Правительство князя Василия Голицына – Софьи Алексеевны вполне успешно поворачивало Московское государство на путь реформ. Но без тех жутких эксцессов, которыми ознаменовалось правление царя Петра – самодура, садиста и психопата. Главными его преступлениями против нации ны-

нениие историки считают следующие: сокращение населения вследствие военных потерь, голодовок и бегства за границу на 25%; трата на военные нужды 75% государственных средств; провозглашение царя главой православной церкви; введение в России военно-полицейского режима» (с. 29).

Ощутили всё это на себе и жители нашей Отчизны:

«Особенно кровавый след русские оставили в Полоцке, где в 1705 году царь Петр учинил резню высшего униатского духовенства ВКЛ. Древний Софийский собор по его приказу был разграблен, а затем при отступлении русских взорван. Для отвода глаз было заявлено, что взрыв произошел случайно: дескать, взорвался склад пороха, устроенный в храме...» (с. 37).

Разделы Польши. Русификация

Поляки отчаянно и весьма умело сопротивлялись русско-российской оккупации на протяжении всего периода азиатского господства, в книге приведено множество примеров этому.

Так, в 1863 – 1864 годах во время очередного восстания поляками, борющимися за свободу, руководило тайное правительство с неизвестным составом. Михаил Катков, редактор газеты «Московские ведомости», был вынужден признать:

«Виртуозы заговорщики могут по правде гордиться своим делом: польское восстание ведется мастерски. Надобно сказать правду: ничего подобного никогда не было на свете» (с. 291).

Даже тот российский самодержец, который сегодня особо почитаем в России как «Освободитель», в отношении Польши, оккупированной и залитой кровью его армиями, вел себя как типичный татарский хан: императору Александру II после расправы и в голову не пришло восстановить статус Королевства Польского хотя бы как автономного государства в составе Российской империи (с. 312 – 313).

И далее:

«В 1869 году Главная школа в Варшаве была заменена русским университетом. В средних школах Польши ввели преподавание всех предметов на русском языке, за исключением Закона Божьего. Польский язык стал необязательным и преподавался посредством русского языка, то есть как иностранный. С 1872 года полностью было запрещено употребление польского языка в стенах школ (в том числе, и в частных)» (с. 342 – 343).

Не удивительно поэтому, что изначально роман знаменитого француза Жюля Верна «20.000 лье под водой» замышлялся как повествование о польском изобретателе (капитане Немо), скрывающимся в водах Балтийского моря на подводной лодке и топящим русские военные корабли под Андреевским флагом. Но издатель – из соображений выгодности сбыта тиража (в России у Жюля Верна было много поклонников) – «развернул» сюжет против британцев (от имени покоренных индусов) (с. 201).

Польша между жерновами

Поляки на протяжении XIX века глубоко осознали трагизм своего положения между двумя империалистическими хищниками – Германией и Россией. Так, Роман Дмовский, лидер польских национальных демократов, в 1903 году в книге «Мысли современного поляка» писал:

«Между чрезвычайно сильным немецким народом и народом русским нет места маленькому народу, мы должны стремиться к тому, чтобы стать народом большим, нежели мы являемся в настоящее время» (с. 387).

Именно этими — возможно, и не самыми благородными — соображениями объясняется многое в политике польского руководства в XX веке.

Но почему откровенные аннексии территорий суверенных государств со стороны Советской России надо считать райским благом, а робкие попытки Варшавы обеспечить большую защищенность своих рубежей, пусть и не самыми красивыми геополитическими и дипломатическими комбинациями, нужно квалифицировать как абсолютное зло?

Польский лидер генерал Юзеф Пилсудский в свое время (между двумя мировыми войнами) отметил:

«Мы сидим на двух стульях, но это не может продолжаться долго. Нам только нужно знать, с какого из них мы упадем раньше» (с. 525).

В 1939 году коммунистический СССР и нацистская Германия осуществили «четвертый раздел» Польши. Итоги были самыми трагическими, ибо поляки и беларусы всеми средствами сопротивлялись «красному террору»:

«К 22 июня 1941 года в западных областях БССР новым властям удалось объединить в колхозы менее 7% от общего числа крестьянских хозяйств» (с. 659).

Не удивительны поэтому факты следующего рода:

«В Барановичском повете к 17 сентября 1939 года имелось более 200 усадьб. К лету 1941 года на свободе остался только один бывший помещик, всех остальных репрессировали и почти все они погибли...» (с. 660).

В целом же «советизация» Западной Беларуси стала огромной человеческой трагедией:

«За 20 месяцев советской власти было арестовано, депортировано, сослано на поселение 2 млн. 418 тысяч человек, т.е. примерно 20% населения Западной Беларуси и Западной Украины. Примерно 400 тысяч среди них — дети в возрасте до 14 лет [...] 82 % от общего числа репрессированных были поляки» (с. 731 – 732).

Авторские выводы

Как пишет А. Тарас, по крайней мере, один вывод из данного обзора является бесспорным:

«В течение всего рассмотренного периода [за последние 250 лет] именно Россия являлась «атакующей» стороной по отношению к Польше — если отбросить все лицемерные заявления российских государственных деятелей и «национал-патриотов» на этот счет... Вполне естественно, что поляки всегда отвечали на «давиловку» ненавистью и презрением к русским. [...]

Имперское мышление современных российских идеологов, политиков, деятелей культуры, равно как и значительной части рядовых граждан, не позволяет им признать вину своего Отечества перед любым народом, когда-либо порабощенным их предками, прадедами или дедами. Это касается не только Польши, но и всех бывших союзных республик, автономий и других национальных образований СССР. Советский Союз уже заплатил собственной гибелью за такую позицию. Заплатит и Россия...» (с. 781).

«Польша была единственным государством в Европе после XVII века, уничтоженным полностью, и сделали это русские вместе с немцами. И опять-таки, именно Польша была единственным государством в Европе, на которое напали одновременно Германия и СССР. Наконец, только русские уничтожали поляков, боровшихся против нацистов, на том основании, что они воевали не под красными знаменами!» (с. 783).

И этот комплекс противоречий и проблем не только не разрешен, но и становится принципиально неразрешимым при нынешней близорукой и слепой политике Кремля.

Читать книгу нелегко. Это напоминает операцию, производимую читателем (неважно, русский он, поляк или белорус) на себе и без наркоза. Но историческую правду когда-то необходимо узнать и принять.

При всем этом «антирусскость» в книге объективному читателю усмотреть трудно: скорее, автор четко дает понять — «москали только и способны погубить Отечество русско-российских людей». «Москалями» здесь выступают не имеющие национальности упорные приверженцы сохранения и продолжения имперского, экспансионистского, агрессивного маршрута исторического развития России.

Ну, а пресловутым «национал-патриотам» кажется русофобией что угодно, кроме безудержного восхваления всего русского, включая историю и политику.

Александр Грицанов,
Кандидат философских наук,
обозреватель «Белгазеты».

БЕЛАРУСКИЙ ДИССИДЕНТ

Во времена СССР самым известным беларуским диссидентом был Михаил Игнатьевич Кукобака, рабочий из Бобруйска.

Он родился 3 декабря 1936 года. Его отец погиб во время войны, а мать умерла вскоре после окончания войны. Михаил воспитывался в детском доме, закончил ремесленное училище и был направлен на работу в Сибирь. Служил в армии в Забайкалье и на Дальнем Востоке. После армейской службы работал на предприятиях и стройках в Узбекистане, Казахстане, Украине.

В августе 1968 года его вызвали в Дарницкий военкомат Киева. Там 32-летний солдат запаса Кукобака заявил:

> «Если отправите в Чехословакию, поверну автомат против вас: соучастником преступления советского правительства не буду, выступлю на стороне чехословацкого народа».

После этого демарша ему пришлось срочно покинуть Киев. Он уехал в город Александров Владимирской области, устроился электриком на местный радиозавод.

Позже, уже в 1990 году, Кукобака так ответил на вопрос о том, с чего начиналось его инакомыслие:

> «У меня обычная биография обычного, простого человека... Мои взгляды формировались исключительно на основе личного опыта. Я не слушал заграничных радиопередач, не читал самиздатовской литературы, даже не знал, что такая вообще существует. Потому мое гражданское становление происходило довольно медленно... Я только где-то около 30 лет начал серьезно размышлять о революции и ее результатах, о том, во имя какого будущего страна отобрала миллионы человеческих жизней...»

14 апреля 1970 года Кукобаку арестовали сотрудники КГБ. Во время обыска у него нашли написанное им «Открытое письмо английскому писателю Айвору Монтегю». В нем он защищал Анатолия Кузнецова, автора повести «Бабий яр». Эта статья явилась ответом на клеветническую публикацию продажного английского литератора в газете «Комсомольская правда»*.

Так началась долгая тюремно-лагерная одиссея Кукобаки. За отказ помочь КГБ в компрометации западногерманского дипломата Мюллера руководство КГБ «попросило» Институт судебной психиатрии имени профессора В.П. Сербского объявить Кукобаку шизофреником, что и было сделано**.

А 4 ноября 1970 года Судебная коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда постановила, что действия Кукобаки «представляют особую гражданскую опасность» и направила его на принудительное психиатри-

* По статье Олега Лерновича в книге «Дэмакратычная апазыцыя Беларусі 1956-1991. Персанажы і кантэкст», Мінск, 1999.

* А. Кузнецов (1929–1979) – советский писатель, лауреат премии ЦК комсомола, в 1969 году сбежал на Запад (в Англию). Этот побег получил широкую огласку и вызвал весьма болезненную реакцию советских властей. По их приказу средства массовой информации развернули кампанию дискредитации «писателя-предателя». Документальная повесть «Бабий яр» была опубликована в СССР незадолго до побега. В ней описывается массовое уничтожение нацистами жителей Киева, преимущественно евреев. – *Прим. ред.*

** Людей, выступавших против властей, в СССР в 60–80-е годы официально объявляли «особо опасными больными, страдающими бредом политического содержания». – *Прим. ред.*

ческое «лечение». В постановлении суда приводились такие примеры преступной деятельности:

> «На вечеринке под Новый год в женском общежитии... восхвалял жизнь народа за границей и клеветал на положение рабочего класса в СССР»; «В феврале 1970 года во время уборки территории радиозавода... враждебно отозвался о лозунге «жить и работать по-ленински»...

Кукобаку поместили в специальную психолечебницу в городе Сычевка (в Смоленской области), а через 3 года перевели во Владимирскую психолечебницу.

Его освободили только в 1976 году. Нашелся честный врач-психиатр, по фамилии Валашанович, который признал Кукобаку здоровым.

Некоторое время Михаил Игнатьевич жил в Москве, но потом вернулся в Бобруйск. Там он в марте 1978 года написал свой знаменитый очерк «Украденное Отечество», посвященный новой для него теме русификации Беларуси:

> «...Когда спускался по железнодорожному переезду... увидел надпись: «Берегись поезда!» и сразу вспомнил, что тут 25 лет назад было написано «Сцеражыся цягніка!», и только внизу русский перевод. Теперь беларуская надпись исчезла. И странно, меня это неприятно затронуло. Неожиданно я осознал себя беларусом».

Кукобака продиктовал на магнитную ленту текст этого очерка, а также текст статьи «Защита прав человека и разрядка — нераздельны». Спустя какое-то время ленту удалось переправить за границу. Очерк «Украденное Отечество» зачитала радиостанция «Немецкая волна» 9 и 10 июля 1978 года, его опубликовали различные эмигрантские издания (например, журнал «Время и Мы»). Советские власти за этот очерк обвинили Кукобаку в искажении «ленинской национальной политики». Еще один очерк — «Встреча с детством» — был по своему содержанию антимилитаристским. За него автора обвинили в клевете на советскую армию.

В статье «Защита прав человека и разрядка — нераздельны» Кукобака доказывал, что проблема прав человека не является «чисто внутренним делом» того либо иного правительства, она по своей сути интернациональна. Текст этой статьи в ноябре 1978 года зачитала радиостанция «Свобода».

Кукобака распространял также «Открытое письмо министру здравоохранения СССР», в котором выступал против использования советской психиатрии в качестве орудия политических репрессий.

Наконец, он распространял текст Декларации прав человека и гражданина. Несмотря на то, что Учредительное собрание Франции приняло ее еще в августе 1789 года, на русском языке все

М.И. Кукобака

17 статей никогда не публиковались — только отрывки или пересказ. В СССР распространение текста Декларации считалось политическим преступлением. Еще бы! Разве могли одобрить большевики, например, ее 2-ю статью:

> «Целью всякого политического союза является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

По распоряжению партийного руководства БССР Кукобаку дважды (осенью 1976 и летом 1977 гг.) принудительно помещали в Могилевскую психиатрическую больницу с диагнозом «шизофрения и параноидальный синдром». Рабочая комиссия диссидентской организации — Союза инакомыслящих — квалифицировала этот факт как «типичный пример использования психиатрии в репрессивных политических целях» и обратилась с письмами-протестами в Министерство здравоохранения СССР, а также прямо в больницу.

В апреле 1977 Кукобака подал заявление на выезд из СССР. «Изучив вопрос», компетентные советские органы ответили в своем обычном стиле: в октябре 1978 года Кукобаку арестовали, а 20–21 июня 1979 года в Бобруйске состоялся суд над ним. На суде Михаил Игнатьевич заявил, что коммунизм советского образца, это система полного подавления прав и свобод личности, и что Советский Союз представляет собой гигантский концентрационный лагерь. Он также заявил, что отказывается от советского гражданства и требует выпустить его из СССР.

Как бы не так! Бунтовщика осудили на три года заключения в лагере общего режима по статье 186-1 УК БССР и отправили в Новополоцкий лагерь, «на химию».

В заключении Кукобака занимал активную гражданскую позицию — защищал права заключенных, писал жалобы в прокуратуру на беззаконие, которое там творилось, устраивал демонстративные голодовки протеста. Реакция карательных органов была соответствующей. В 1982 опять же по статье 186-1 УК БССР (соответствует статье 190-1 УК РСФСР) его, не выпуская на свободу, приговорили еще к трем годам заключения.

7 марта 1985 года Кукобака получил очередной обвинительный приговор. Формально заседание Витебского областного суда считалось «открытым», однако происходило оно в служебном помещении оршанского «учреждения УЖ-15/6» (в лагере), доступ куда имели только представители администрации лагеря.

Суд «за систематическое распространение заведомо лживых вымыслов, позорящих советский государственный и общественный строй... признал его виновным в антисоветской пропаганде и агитации и на основании статьи 67 часть 1 УК БССР» приговорил к 6 годам лишения свободы, с последующей ссылкой на 4 года, с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере усиленного режима. Более того, на этот раз лагерное начальство пыталось терроризировать неисправимого смутьяна с помощью заключенных-уголовников.

Многое для информирования международной общественности о судьбе Кукобаки сделали академик Андрей Дмитриевич Сахаров, московские диссиденты Виктор Некипелов, Мария Петренко и Григорий Подъяпольский.

На Западе была организована общественная кампания в защиту Кукобаки, соответствующие публикации появились в газете «Нью-Йорк Таймс», информацию о нем распространяло радио «Свобода». Беларуская диаспора в США создала «Комитет узников совести в Беларуси», который провел много мероприятий в защиту Кукобаки. Его

возглавил Янка Запрудник, редактор газеты «Беларус», выступавший под псевдонимом Павел Янковский.

Активно выступали в защиту Кукобаки представители беларуской диаспоры и в других странах — в Великобритании, Австралии, Канаде, Новой Зеландии.

Американский конгрессмен Билл Грин включил историю Кукобаки в специальную записку, адресованную Конгрессу США. В защиту узника активно выступал сенатор Роберт Доул. Соответствующие акции проводили профсоюзы Англии и Дании.

И только в самой Беларуси никто не выступил в защиту «своего диссидента» — проявилась специфика страны, где массово восторжествовала «памяркоўнасць» как форма приспособления к правящему режиму. Молчать и терпеть при встрече с любой несправедливостью, любым беззаконием — только бы не тронули лично тебя и твою семью!

Так прошло более 10 лет. И только 6 декабря 1988 года, накануне визита Михаила Горбачева в США, Кукобаку выпустили на свободу из печально известного Пермского лагеря. Газета «Нью-Йорк Таймс» по этому случаю поместила заметку под названием «Подарок Горбачева Америке».

Но и освобождение Кукобаки было не менее характерным чем его арест. Он остался в лагере последним из осужденных по статье «антисоветская агитация и пропаганда». Следователь КГБ и лагерное начальство требовали от него подать прошение о помиловании. Но Михаил Игнатьевич отказывался, считая, что это станет фактом признания им своей несуществующей вины, он требовал реабилитации.

В итоге его помиловали согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1988 года. А в 1989 независимая психиатрическая экспертиза в Москве засвидетельствовала психическое здоровье несгибаемого диссидента.

Таким образом, Кукобака был осужден по политическим мотивам 4 раза и провел в тюрьмах, лагерях и психушках около 17 лет (1970–76, 1976–77, 1978–88 гг.).

Михаил Кукобака —
диссидент по призванию

После освобождения он неоднократно требовал своей юридической реабилитации. Но лишь после обращения к тогдашнему первому заместителю председателя Верховного Совета БССР Станиславу Шушкевичу в августе 1990 года, Президиум Верховного суда БССР 10 декабря 1990 года отменил решение Судебной коллегии по уголовным делам Могилевского областного суда от 21.06.1979 года и постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 24.07.1979 года. Дело было прекращено «согласно мотивам отсутствия... состава преступления».

А к тому моменту указом Президиума Верховного Совета БССР от 21.04.1989 года была отменена и статья 186 УК БССР.

С 1989 года Кукобака живет в Москве, участвует в работе Московской Хельсинкской Группы. В августе 1991 он был в рядах защитников законной российской власти, пришел к Кремлю с национальным беларуским бело-красно-белым флагом. Ныне этот флаг нахо-

дится в Беларуском музее имени Франциска Скорины в Лондоне.

Кукобаку можно назвать представителем «классического» движения инакомыслящих, которое не получило достаточного распространения в БССР. Здесь были представлены иные формы оппозиции тоталитарному режиму, преимущественно на национальной, а не социальной почве. Но сам Кукобака в своей правозащитной и публицистической деятельности уделял немалое внимание Беларуси и ее проблемам.

Названия некоторых статей М.И. Кукобаки (все имеются в Интернете)

Аннексия Беларуси, кому выгодно?;

Безногий — против Дзюдоиста!;

Чистая победа Басаева;

Беженцы от Министерства Обороны;

Блеск и нищета новодворских;

Вялотекущий аффект, или двойные стандарты;

Государственные бандформирования;

Гитлер, Сталин, Путин — в чём различие?;

9 мая — День победы русского фашизма;

За что убил Политковскую бывший шпион, полковник ФСБ Путин?;

Какие тайны хранит институт им. Сербского?;

«КГБ — социальная чума», свидетельства жертв советского гестапо;

«Международный терроризм» как миф для подавления свободы слова и утверждения режима личной власти;

О холуйстве московской прессы;

Поджигателям машин — памятник!;

Сменим автоматы на авторучки!;

Управляемая «свобода» в России.

Краткие заметки о Дне политзаключенного в Москве;

Умер великий самодур и властолюбец;

Чеченское казино: ставка — смерть.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 1

Составитель *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем: А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 22.04.2009.
Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «Петербург». Усл.-печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 15,0.
Тираж 150 экз. Заказ № 25.

Издатель А.Н. Вараксин.
ЛИ № 02330/0131774 от 6.03.2006 г.
e-mail: editpol@tut.by